

АЛЕКСАНДР ЦИПКО

ПЕРЕСТРОЙКА

КАК РУССКИЙ

ПРОЕКТ

СОВЕТСКИЙ СТРОЙ
У ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
МЫСЛИТЕЛЕЙ
В ИЗГНАНИИ

Александр Сергеевич Ципко
Перестройка как русский проект.
Советский строй у отечественных
мыслителей в изгнании

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18174196

Александр Ципко. Перестройка как русский проект. Отечественные мыслители в изгнании о судьбе советского строя: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0861-1

Аннотация

Ципко Александр Сергеевич принял активное участие в разработке идеологии перестройки.

Автор книги попытался ввести анализ идейных истоков перестройки в контекст нынешних споров о существовании особой русской общинной цивилизации. В отличие от нынешних неославянофилов, он связывает русский культурный код не с уравнительными настроениями беднейшего крестьянства или с революционными страстями Степана Разина, а с основополагающими гуманистическими ценностями великой русской культуры XIX века и русской религиозной философии начала XX века.

При оценке исторического значения демонтажа политических основ советской системы, совершенного Горбачевым во время перестройки, автор книги исходил из того, что все те, кто прославил русскую общественную мысль, кого принято называть русскими гениями, восприняли ленинский Октябрь как национальную катастрофу, а большевистский эксперимент – как насилие над русской душой.

Содержание

Вместо введения	5
§ 1. О главном празднике моей жизни	5
§ 2. В «русской цивилизации» не нашлось место Горбачеву	10
§ 3. РПЦ встала на путь оправдания русского коммунизма	15
§ 4. О природе и причинах морального кризиса в современной России	19
§ 5. Вопросы, которые ждут ответа	22
Часть первая	35
Глава I	35
§ 1. Политика «гласности» как праздник «Правды-истины» по-русски	35
§ 2. Ничего личного, горбачевского в идеологии перестройки не было	40
§ 3. Революция апологетов «красного террора»	49
§ 4. О некоторых причинах распада СССР	61
Глава II	65
§ 1. О свершившихся пророчествах	65
§ 2. Николай Алексеев о логике и мотивах возможной антикоммунистической революции сверху (1926 год)	70
§ 3. Появления «шестидесятников» никто не мог предсказать	73
§ 4. Сохранится ли «русская душа» после уничтожения «русского народа»	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Александр Ципко
Перестройка как русский проект.
Отечественные мыслители в
изгнании о судьбе советского строя

*Посвящаю книгу моим родителям – отцу Дзегузе Сергею
Леонидовичу и матери Ципко Людмиле Еремеевне*

© Ципко А. С., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Вместо введения

Перестройка Горбачева и спор об особой русской цивилизации

§ 1. О главном празднике моей жизни

Десять лет назад, когда я заканчивал работу над первым вариантом этой книги, у нее было совсем другое название. Тогда я всего лишь пытался рассказать о переломной половине девятого десятилетия русского XX века как о чуде освобождения от советского тоталитаризма, о чуде, которого еще в начале 80-х никто не мог предсказать.

Ведь со всех точек зрения перестройка Горбачева была событием всемирно-исторического значения. В эти годы окончился начатый в 1917 году уникальный эксперимент по переделке всей природы человека, по уничтожению всех оснований человеческой цивилизации: частной собственности, частного интереса, разделению на классы, демократии, религии и религиозных чувств и т. д. И поэтому, само собой, казалось важным рассказать, как это произошло, какие идеи, человеческие мотивы, ценности стояли за этим чудом, переломным событием в истории человечества. Мне еще недавно казалось самоочевидным, что свободы, которые принесла перестройка Горбачева, которых были лишены советские люди на протяжении десятилетий, и прежде всего право «жить не по лжи», право говорить вслух все, что ты думаешь, право увидеть собственными глазами мир, семьдесят лет закрытый от тебя железным занавесом, свобода совести, свобода предпринимательства, все те блага демократии, которые посыпались на нас в конце 80-х как из рога изобилия, – право прочитать все, что было написано нашими национальными гениями, гениями русской общественной мысли, и прежде всего о гражданской войне, – должны восприниматься нормальными людьми как праздничные дары, как источник радости.

Как мог я, на протяжении десятилетий будучи невыездным, не радоваться тому, что наконец на 47 году жизни я сажусь в самолет, вылетающий из Шереметьево во Франкфурт-на-Майне? Чудо. Еще пять лет назад я этого не ожидал. На протяжении всей советской истории многие, очень многие и, как правило, самые талантливые и одаренные советские, русские люди всю свою жизнь мечтали об этом, о том, что наша страна наконец-то освободится от всех советских противоестественных запретов, от поразительной скуки и ложности всего, на чем держалась советская идеология. Но они так и уходили в мир иной со словами «а советский маразм все крепчает и крепчает». И единственной радостью в их жизни оставалось прочитать полученную от друзей перепечатку «Размышлений о русской революции» Николая Бердяева, «Котлован» Андрея Платонова или еще лучше – самиздатовский текст сборника «Из-под глыб». Мой друг и наставник Володя Кокашинский в 1978 году, зная, что он умирает от рака, во время нашей последней встречи подарил мне как раз запретную книжечку «Из-под глыб». Она до сих пор хранится у меня на полке книжного шкафа, где собраны самые ценные и важные для меня тексты. Рядом с «Вехами».

А здесь, когда еще перед глазами стоит на мавзолее Константин Устинович Черненко как олицетворение дряхлости и беспросветности всего нашего советского бытия, уже Горбачев, следующий Генеральный секретарь, говорит о гласности, говорит нормальным человеческим языком, говорит о нормальных человеческих чувствах. И самое поразительное, ошеломляющее, о чем я уже сказал, – доступность всего, что десятилетиями было под запретом.

Еще десять лет назад талантливая, красивая Ирина Балакина, сотрудница Института философии АН СССР, кончает жизнь самоубийством, не соглашаясь с запретом на публика-

цию своей книги, самой главной ее книги – книги о Николае Бердяеве. А тут, уже в первые годы перестройки, начинается издание не только все же страдавшего «левизной» Николая Бердяева, а всех без исключения творцов русской религиозной философии начала XX века. Издательство «Правда» печатает еще в 1990 году «Истоки и смысл русского коммунизма» Николая Бердяева, становятся доступными «Несвоевременные мысли» Максима Горького, «Окаянные дни» Ивана Бунина, «Дневники 1917–1919 годов» Владимира Короленко, Петербургские дневники 1914–1919 годов Зинаиды Гиппиус и т. д. Наконец-то, спустя семьдесят лет, соединились русские века, дореволюционная русская общественная мысль пришла в кончающую свою жизнь советскую Россию. Как тогда казалось, навсегда оканчивалась эпоха тупой советской образованщины.

Становилась зримой вся страшная правда о том, что на протяжении семидесяти лет мы называли «Великой Октябрьской революцией». Чудо? Конечно, чудо. И никто, абсолютно никто из тех, кто уже не мог жить по лжи, кто призывал не жить по лжи, не верил, что это чудо, распад советской, созданной Лениным и Сталиным системы, возможно. Погруженный целиком и без остатка в русскую историю Александр Солженицын, чем он отличался от многих диссидентов, всего за одиннадцать лет до начала перестройки готовит к изданию библию антисоветского сопротивления, самиздатский сборник «Из-под глыб», пишет для него три статьи. Но ни в одной из них нет не только предчувствия, но даже намека на предчувствие, что уже через пятнадцать лет его основной враг умрет, умрет сам по себе, без всякой серьезной на то причины. Напротив, Александр Солженицын осуждает советскую оппозиционную интеллигенцию, что она плывет по течению, ждет «этой свободы... как внезапного чуда, которое без наших усилий вдруг выпадет нам...»¹ А как выясняется, все же чудо бывает.

Еще за десять лет до переломных 1988–1989 годов, когда основные скрепы советской системы разрушились, никто ни в СССР, ни в мире не верил, что все это будет возможным, что в один день без какого-либо насилия в СССР исчезнет и цензура, и политический сыск, и будет восстановлено право на эмиграцию, и будет покончено с государственным атеизмом, и будет покончено с монополией КПСС на правду. Еще в середине 70-х сажали в тюрьму за статью, опубликованную в самиздате, за статьи, рассказы, повествующие всего лишь о печальных итогах социалистического обобществления русского села, выгоняли из партии с «волчьим билетом» за участие в обсуждении на квартире Лена Карпинского статьи ортодоксального марксиста Отто Лациса о переломном XVII съезде РКП(б). А всего лишь через четырнадцать лет уже не только не сажали, но и не выгоняли из аппарата ЦК КПСС за статьи, легально опубликованные статьи в советских журналах о марксистских истоках сталинских репрессий.

Между историей разгрома в 1974 году редколлегии журнала «Молодой коммунист» за создание кружка для изучения работ «творческих марксистов», к примеру, работ Отто Лациса по истории партии, и публикацией моих статей в «Науке и жизни» под заголовком «Истоки сталинизма», где я открыто критиковал исходный аморализм марксистского учения о революционном терроризме, прошло всего четырнадцать лет. Но тогда, весной 1974 года, выслушивая рассказы Игоря Клямкина и Володи Глотова о суточном допросе без перерыва в КГБ, в кабинете Филиппа Денисовича Бобкова, я и мысли не мог допустить, что уже совсем скоро не будет ни всемогущего Филиппа Денисовича, ни КГБ, что можно будет вслух говорить о преступлениях большевиков, об организованном ими истреблении образованной, мыслящей и, самое главное, православной по культуре России. Казалось, что в духовном отношении произошла полная и окончательная революция, более точно – контрреволюция, что белые с опозданием на семьдесят лет все-таки взяли Москву, и ожившие колокола уже первых возрожденных за время перестройки церковей об этом напоминают в

¹ Из-под глыб. Сборник статей. – М., УМСА-PRESS. – 1974. – С. 233.

субботу по утрам своим громким звоном. Что-то подобное я писал в это время в своих статьях в «Московских новостях». Появилась возможность использовать моральный подход, моральные оценки не только при анализе сталинской эпохи, что было возможно уже при Хрущеве, но постепенно, уже к концу перестройки, при анализе всей советской истории, появилась возможность говорить о непомерной человеческой цене и победы большевиков и, самое главное, о человеческой цене сталинской социалистической индустриализации.

Все, чего ожидала советская интеллигенция десятилетия и в возможность чего никто не верил, свершилось как-то само собой, без крови, вообще без какого-либо напряжения. Все блага свободы пришли к нашей интеллигенции как манна небесная. Поистине, как манна небесная. Не забывайте! Даже организаторы ГКЧП не намеревались отменить политические свободы. И это было и есть *чудо*. И в этом есть какая-то ирония истории. Ленин, который до последнего момента не верил в победу большевиков, назвал свою победу в октябре 1917 года чудом. Но, как оказалось, таким же чудом, неожиданным, непредсказуемым событием явился распад коммунистической системы сначала в странах Восточной Европы, а потом уже и в СССР.

Но уже в конце 90-х стало видно – то, что является чудом для моего, уже старшего поколения и для тех, кто шел по лестнице политического опыта за нами, не является чем-то сверхъестественным для поколений новой России. Им, детям эпохи компьютерных игр, уже не интересно то, что составляет смысл для нас, для тех, кто десятки лет прожил с этим ожиданием хоть каких-то перемен, хоть каких-то послаблений советской системы. И тут, конечно, ничего не поделаешь.

Наверное, они в этом не виновны. Во всех бывших социалистических странах Восточной Европы узники совести, борцы с советским тоталитаризмом стали не только героями, но и лидерами новых, постсоциалистических наций. Примером тому судьба Гавела, Леха Валенсы. У нас о тех, кто просидел молодость во Владимирском центре, никто ничего не знает. Герои антикоммунистического сопротивления, которые рождались в недрах православной церкви, как правило погибали в тюрьмах, они до сих пор мало кому известны. *Странная особенность нашей якобы антикоммунистической революции состоит в том, что в стране не было и нет никакого интереса к судьбе наших узников совести, кто сознательно совершал подвиг сопротивления коммунистической системе.* У нас сегодня не любят вспоминать об оборотной, теневой стороне советского образа жизни. У нас до сих пор нет памятников жертвам ленинского террора против православной церкви, жертвам сталинского голодомора, сталинских репрессий. Практически ничего. Даже РПЦ, ее иерархи в своих публичных выступлениях не вспоминают о мучениях православных священников, которые остались верны России, своей церкви и как герои шли на смерть. Им, этим мученикам, жертвам борьбы с богоборческой властью, не ставят памятники, в их честь не называют улицы.

И это грустно. Грустно не потому, что опыт сопротивления советскому тоталитаризму не имеет ценности для новой России. Грустно не потому, что наши поступки, наши скромные подвиги, наши усилия сделать страну свободной не имеют ценности в новой России. Ждать в России благодарности вообще смешно – тем более, когда к власти пришло поколение, не совершающее поступки, когда началась эпоха нормальных карьер. Слава богу, что мы, «дети революции», уцелели. Грустно потому, что на самом деле на забвении ближайшего прошлого ничего серьезного построить невозможно. Без знания о муках несвободы невозможно по достоинству оценить ценность самой свободы. Никогда не сможешь осознать сущность национального интереса, когда у тебя нет не только ощущения национальной истории, исторической памяти, но и интереса к тому, что было до твоей нынешней спокойной и все же свободной жизни.

Всеми этими, как мне казалось, нормальными мотивами я и руководствовался, работая над первым вариантом своего рассказа о перестройке, об ее идейных истоках. Но пока

я шаг за шагом описывал идейные истоки, предысторию перестройки, создавал тексты об исканиях шестидесятников, литераторов-почвенников, идейная ситуация в стране поменялась коренным образом. Если еще в 90-е и в начале нулевых подавляющая часть интеллигенции (при всем негативном отношении к Горбачеву как к личности) воспринимала перемены конца 80-х – начала 90-х со знаком плюс, то уже к середине нулевых по крайней мере среди так называемых «государственников» росло и ширилось негативное отношение к перестройке. Конечно, и во время перестройки просоветская, прокоммунистическая интеллигенция негативно относилась к Горбачеву как к разрушителю советской системы, «могущественного советского государства». Но тогда те, кто поддерживал Нину Андрееву, автора статьи «Не могу поступиться принципами», опубликованной в «Советской России» 13 марта 1988 года, среди интеллигенции составляли ничтожное меньшинство, что и позволило Горбачеву обуздать протест части партийного аппарата против начавшихся демократических перемен. Но сегодня, напротив, позитивное отношение к советской системе в целом становится доминирующим. Сегодня многие, позабыв о Нине Андреевой и ее статье, вошедшей в историю советской общественной мысли, тем не менее повторяют ее слова о том, что «без государства диктатуры пролетариата нам сегодня и *перестраивать-то* было бы нечего».

Рефреном всех нынешних разговоров и воспоминаний о советском прошлом являются слова о том, что как бы советский строй не был плох, мы сегодня проедаем то, что создали во времена СССР. И при этом само собой подразумевается, что по-другому, не по-сталински, без жертв и репрессий той эпохи Россия никогда бы не решила задачи индустриализации, не вошла бы в ряд «наиболее развитых стран того времени».

До сих пор живы, воспроизводятся стереотипы советского сознания, марксистско-ленинского восприятия русского XX века как чего-то изначально предопределенного, где все происходило так, как должно было происходить, где не было никакой альтернативы ни ленинскому Октябрю, ни красному и белому террору, ни ужасам сталинской коллективизации, ни репрессиям конца 30-х, ни позору 1991 года. Поразительно, что в советское время советские люди, подавляющая часть советской интеллигенции все же строила в своем сознании хотя бы мифологические альтернативы тому, что было. Примером тому – очень характерное для шестидесятников убеждение, что Сталин «изменил демократическим идеалам Октября», «извратил сущность марксизма», что если бы в 1929 году победил Бухарин, то мы построили бы другой, более человеческий социализм. И создавалась в сознании советской интеллигенции эта конструкция не столько для того, чтобы еще раз возвеличить Ленина, сколько для того, чтобы иметь основание, оставаясь в рамках государственной идеологии, все же сохранить за собой право на моральную оценку хотя бы сталинского этапа советской истории, иметь моральное право осудить очевидные преступления сталинской эпохи, к примеру, насильственную коллективизацию, репрессии против середняков, и самое главное, осудить репрессии 1937–1938 годов.

Кстати, начинал строительство этой идеологической концепции, которая давала бы возможность, «не поступаясь принципами марксизма-ленинизма», все же осудить преступления Сталина, Хрущев своим докладом о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Само по себе сочетание «культ личности» несло в себе допущение, что может быть Генеральный секретарь КПСС без возвеличивания и своей роли в истории, и своей личности. На самом деле реабилитация так называемой общечеловеческой морали, отказ от классового подхода к оценке исторических событий произошел уже тогда, в 1956 году, в тот момент, когда Хрущев читал свой доклад о культе личности Сталина.

Сегодня, в начале 2014 года, когда я уже в третий раз пишу введение к своей книге, альтернативный подход к советской истории, дающий возможность не только осудить преступления власти, но и просто сохранить в себе чувство совести, сострадания, не только не развивается, а откровенно осуждается даже деятелями культуры, кино. Несколько минут

назад новый руководитель нашей телевизионной Академии настаивал, что нам нужны сериалы, рисующие положительный образ Сталина, что судить о его деяниях надо не с позиции нынешней «гуманистической эпохи», а исходя из тех представлений о добре и зле, которые были характерны для его эпохи, для эпохи социалистического строительства.

И этот на первый взгляд вполне интеллигентный деятель нашего современного телевидения не чувствует, что, настаивая на относительности морали и представлении о добре и зле, он отрицает не только гуманистические основания современной европейской (в своей основе христианской) культуры, но и вообще человеческую культуру, человеческую цивилизацию. Этот деятель культуры не понимает, что в рамках его философии нет места для нюрнбергского процесса и для осуждения всех без исключений преступлений против человечности, совершенных в XX веке.

И мне везет. В этот же день, 27 января 2014 года, на этом же телеканале Михаил Леонтьев, который в последнее время воспринимается, наряду с Александром Прохановым, как идеолог новой путинской эпохи, заявил, что история как наука несовместима с моралью, с моральной оценкой исторических деятелей, что в учебнике по истории СССР нет места для моральных суждений о советской эпохе. И это показательно для идеологической ситуации в современной России. Фаталистическое отношение к советской истории соединяется с отрывом морали от государственничества, и в результате российский патриотизм отрывается от морали, возникает разрыв между государственническими чувствами и моральными.

И самое поразительное что не только далекие от политики и философских размышлений люди, но и нынешняя интеллигенция не чувствует, что за ее фатализмом, убеждением, к примеру, что без «голодомора», без гибели шести миллионов людей мы бы не построили Днепрогэс, стоит духовное поражение, признание того, что мы ненормальная, неполноценная нация. Ведь финны, к которым в царской России относились снисходительно, называли «чухонцами», без всяких расправ и ГУЛАГов смогли стать одной из самых развитых стран мира. А русские, получается, обязательно, прежде чем построить «Уралмаш», должны были уничтожить на корню крепкого русского крестьянина, основу русской нации.

В рамках вводной главы у меня нет возможности подробно описывать негативные последствия убеждения нынешних новых русских патриотов типа Михаила Леонтьева и Александра Проханова, в том, что история и мораль несовместимы. К примеру, тот же Александр Проханов не осознает, что марксизм и марксистская историческая наука при всей своей претензии на научность, основывается все же на моральном осуждении эксплуатации человека человеком как чего-то несправедливого, несовместимого с идеалом равенства.

§ 2. В «русской цивилизации» не нашлось место Горбачеву

Все эти примеры из нынешних дебатов о том, что должно быть и чего не должно быть в едином учебнике о русском XX веке, мне понадобились только для того, чтобы объяснить причины угасания в современной России позитивного отношения к победам демократии, которые связаны с именем Горбачева. Перестройка, политика гласности стала враждебна нынешним патриотам и нынешним государственным деятелям, ибо ее фундаментом, напротив, было возрождение, кстати, характерное для великой русской литературы и русской религиозной философии, нравственного подхода к советской истории и к советской системе, напоминающего о самоценности человеческой жизни, о ценности свободы. Перестройка стала враждебна многим нынешним патриотам, ибо для нее было характерно то, с чем они воюют, т. е. доведение до логического конца нравственного осуждения преступлений сталинизма, начало которому положил XX съезд КПСС. Кстати, по этой причине в нынешних ура-патриотических текстах негативное отношение к Горбачеву соседствует с негативным отношением к Хрущеву. Даже скромный гуманизм Никиты Хрущева, его желание улучшить быт советского человека, многими идеологами патриотизма вне морали воспринимается крайне негативно, как подрыв советской морали соблазнами сытости.

И достигается эта негация, дискредитация перестройки, как чего-то изначально враждебного и русской душе и русской истории, за счет выведения всего, что лежало в основе перестройки, всех ценностей эпохи гласности, за рамки так называемого русского культурного кода. Из русскости враги перестройки выкорчевывают все, что было дорого Горбачеву, и ценность свободы, и ценность человеческой жизни, и права личности, и счастье полноценной жизни. И в основу этого концептуального осуждения перестройки как чего-то изначально враждебного русской нации берется учение Николая Данилевского об особой русской цивилизации, якобы во всем противоположной западной.

И за нынешним осуждением перестройки как попытки дать новую жизнь всем тем ценностям, которые каленым железом выжигались из советского сознания и советского образа жизни, стоит уже целая философия. Если в советское время ценности христианской, общечеловеческой морали, ценности гуманизма, ценность человеческой жизни, ценности свободы, религиозной терпимости, ценность права, частной собственности приносились в жертву учения о классовой борьбе и классовой морали, то сегодня ценности гуманизма уже приносятся в жертву так называемому учению об особой, русской, во всем противоположной Западу цивилизации. И получается, что, если ты хочешь быть русским, то ты должен забыть и о свободе, и о своих правах, и о простом человеческом достатке и т. д. Русскость у нас сегодня, о чем дальше, жестко связывается с требованиями мобилизационной экономики в стране, окруженной железным занавесом.

По сути, считает Сергей Кара-Мурза, родоначальником советского, большевистского проекта был не Карл Маркс, а Н. Я. Данилевский, который как раз впервые в развернутой форме описал черты русского культурного кода, отличающий русскую цивилизацию от западной.² Из чего якобы следует, что перестройка Горбачева, демократические реформы и, самое главное, ставка на рыночные реформы были изменой не столько идеалам коммунизма, сколько национальным русским идеалам, идеалу общинности.

Если общинность и солидарность, убеждение, что человек человеку брат, является выражением русского культурного кода, настаивает Сергей Кара-Мурза, то перестройка со

² Сергей Кара-Мурза. Крах СССР. С. 34–35.

своей политикой гласности была не только демонтажем советской системы, а «демонтажем народа». «Удар, – пишет он, – был нанесен по всей мировоззренческой матрице, на которой был собран человек – носитель русской культуры XX века, *человек советский*».³ Вот и весь сказ.

И, честно говоря, мне очень помогла в осмыслении произошедшего в последние годы переворота в сознании посткоммунистической России как раз упомянутая выше, вышедшая в издательстве «Алгоритм» в 2013 году книга Сергея Кара-Мурзы «Крах СССР». Обращает на себя внимание, что эта книга была издана как труд Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, возглавляемого руководителем Фонда Андрея Первозванного Владимиром Якуниным. И, наверное, не случайно учение об особой русской цивилизации в интерпретации указанного центра, научным руководителем которого как раз и является историк Сергей Кара-Мурза, стало официальной доктриной Всемирного русского народного собора. Все дело в том, что Фонд Андрея Первозванного, руководимый Владимиром Якуниным, является как раз организационной структурой Всемирного русского народного собора. В результате учение об особой русской коммунистической цивилизации из особого мнения группы ученых превратилось в идеологию русского народа.

Конечно, за идеализацией и даже сакрализацией «советского строя», стоящего за негативным отношением многих россиян к Горбачеву и к его перестройке стоят и объективные причины. Утрата советского бедного, относительного, но все же *равенства*, вызывает духовный дискомфорт, вызывает, с одной стороны, негативное отношение к Горбачеву, разрушившему «советский строй», а, с другой стороны, веру в то, что действительно равная бедность составляет сущность русскости. Отсюда, наверное, и благодатная почва для пропаганды учения об особой русской «нестыжательской» цивилизации. И при этом утрачивается всякий интерес и к объективным причинам перестройки, и, самое главное, к причинам гибели «советского строя».

И совсем не случайно учение об особой русской коллективистской цивилизации все чаще связывается с психологией заговоров, поиском явных и скрытых врагов «русскости» и «русского народа». Настроения психопатии окрашивают, как правило, все разговоры об особой русской цивилизации.

Никого сейчас в России не интересуют ни объективные причины (и прежде всего экономические), которые заставили Горбачева искать пути совершенствования «построенного в боях социализма», ни идейный и политический кризис, в котором оказалась мировая социалистическая система в середине 80-х, в момент прихода Горбачева к власти, и который заставил по крайней мере часть партийной номенклатуры думать о путях приспособления сложившейся политической системы к новым идейным реалиям. В результате все беды нынешней, уже постсоветской эпохи в сознании многих людей, даже далеких от политики, связываются прежде всего с Горбачевым, который якобы по своей злой воле, а некоторые говорят, что и за деньги, лишил русского человека советского рая, когда якобы «люди во что-то верили и у них были идеалы».

Если еще недавно Горбачева критиковали за непрофессионализм при проведении реформ, за поспешность, за дефицит воли в борьбе с противниками перестройки, то сейчас, как я уже говорил, его обвиняют в национальной измене, в том, что он посягнул не просто на основы советской системы, а на саму русскую нацию, на ее мечту, на русский культурный код, который якобы и был воплощен в жизнь большевиками, был воплощен в советской системе. Можно было только пожимать плечами, когда в прошлом даже от талантливых российских литераторов приходилось слышать, что я, «Ципко, работал на масона», что якобы Горбачев «с молодых лет состоял в одной масонской ложе с Маргарет Тэтчер, через тайных

³ Там же. С. 265–266.

агентов с ней общался, пока наконец в 1984 году не встретился с ней с глазу на глаз и пообещал, если придет к власти, то разрушит СССР». Некоторые молодые священники, ссылаясь на историка Фурсова, совсем недавно рассказывали мне, что дело все-таки не в Маргарет Тэтчер, а в кавказской мафии, которая якобы еще во времена Ставрополя, когда он был Первым секретарем крайкома, «имела на него компромат и дергала его за веревочки, когда ей это было нужно». Впрочем, и в претендующих на научность работах, к примеру, в упомянутой выше книге Сергея Кара-Мурзы «Крах СССР» говорится, что субъектам перестройки, народу с «частью номенклатуры и прозападной интеллигенцией» был и «преступный мир».

И надо признать, что после появления книги Сергея Кара-Мурзы «Крах СССР» спор о причинах и сущности перестройки стал спором о природе русскости, о природе того, что Сергей Кара-Мурза называет «русским культурным кодом». Все дело в том, настаивает Сергей Кара-Мурза, что Ленин с его политикой коммунизации России на самом деле пытался воплотить в жизнь не марксистский проект, а русскую народную мечту, мечту об обществе полного равенства, где человек человеку брат, где не будет «свободного рынка», «конкуренции», «свободного индивида».⁴ Народ России, настаивает Кара-Мурза, всегда мечтал о «жизни без разделения на избранных и отверженных», мечтал о том строе, где на «хищников будут надеты намордники»⁵

Кстати, обращает на себя внимание, что Сергей Кара-Мурза, настаивающий на неприимости русских и западных ценностей, постоянно восстает против «заемных западных ценностей», строит свою теорию, согласно которой советский строй был не воплощением марксистского проекта, а воплощением русской крестьянской мечты, на основе, как видно из текста его книги, воззрений близкого ему по взглядам западного, итальянского марксиста Антонио Грамши. Практически все интерпретации большевистской революции и последующего социалистического строительства в СССР, строятся в книге Сергея Кара-Мурзы на утверждении А. Грамши, что ленинский Октябрь – «это революция против «Капитала» Карла Маркса. «Капитал» Маркса был в России книгой скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он неопровержимо доказал фатальную необходимость формирования в России буржуазии, наступления эры капитализма и утверждения цивилизации западного типа. Но факты пересилили идеологию. Факты вызвали взрыв, который разнес на куски те схемы, согласно которым история России должна следовать канонам исторического материализма. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось»⁶

Ленин, настаивает Кара-Мурза, на самом деле руководствовался не марксистским учением о пролетарской революции, а требованиями «русского культурного кода», основными ценностями особой русской антибуржуазной, антизападной цивилизации. Русский человек, русский крестьянин, как общинник, отличается от западного человека, настаивает Сергей Кара-Мурза, не только тем, что он является противником обособленности, «атомизации человека от человека», что он чувствует себя полноценным существом только тогда, когда он «включен в солидарные группы (семьи, деревенской и церковной общины, трудового коллектива)», но и тем, что он, в отличие от западного бюргера, «не любит сытости».⁷ Реализацией этой русской народной мечты, где не было сытости, считает Кара-Мурза, как раз и был созданный Сталиным советский строй.

И самое главное. Советский строй, настаивает Кара-Мурза, возникший в результате сталинских коллективизации и индустриализации, не только соответствовал традициям рос-

⁴ Сергей Кара-Мурза. Крах СССР. С. 30–33.

⁵ Сергей Кара-Мурза. Крах СССР. С. 37.

⁶ Там же. С. 30.

⁷ Сергей Кара-Мурза. Крах СССР. С. 36.

сийской крестьянской общины, мечте русского крестьянина о «жизни без разделения на избранных и отверженных»,⁸ мечте о полном равенстве, мечте об обществе, где «один за всех, все за одного»,⁹ но и был результатом его свободного, самостоятельного выбора. Более того. Сергей Кара-Мурза настаивает, что не только сталинская коллективизация и индустриализация были результатом свободного выбора, но и даже культ личности Сталина.¹⁰ Якобы Сталина, большевиков любили за то, что они создали строй, в котором на «хищников были надеты намордники»,¹¹ который создавался на основе «принципов сотрудничества и солидарности». ¹² Согласно концепции Сергея Кара-Мурзы «Советский строй – это реализация цивилизационного проекта, рожденного Россией в русле ее истории и культуры». ¹³ И именно по этой причине, настаивает Сергей Кара-Мурза, советский строй был не только результатом «духовного порыва народов России», но и результатом выбора большинства, представляющего абсолютно все классы дореволюционной России. «Развитие капитализма в России побудило крестьянство, – пишет он, – и значительную часть других сословий искать антикапиталистический проект будущего». ¹⁴ Более того. Сергей Кара-Мурза настаивает на том, что даже половина «состава Генерального штаба» дореволюционной царской армии «пошла именно за большевиками», ибо ей были чужды ценности Западной Европы, ибо они «отвергали западнический либерально-буржуазный проект», по которому Россия жила после революции 1905–1907 годов. Вообще, если верить Сергею Кара-Мурзе, «в целом большинство населения России подошло к 1917 году охваченное великим преобразованием мифа через революцию». ¹⁵ Что же касается крестьян, оказавшихся в окопах Первой мировой войны, то они, как настаивает Сергей Кара-Мурза, все эти годы «обдумывали проект» некапиталистического будущего. ¹⁶

Из чего следует, настаивает Сергей Кара-Мурза, что Горбачев со своей перестройкой нанес «смертельный удар» не только по советской системе, но и по «русскости». В соответствии с этой логикой русскость, традиционную святую Русь убили не большевики, а перестройщики, своеобразный союз «части номенклатуры» с прозападной интеллигенцией и с «частью преступного мира». ¹⁷ Все эти люди, пишет Сергей Кара-Мурза, оказались в роли «тифозной вши», которая убила СССР как «сильного и красивого человека». ¹⁸

Речь в данном случае, как было сказано выше, идет не просто о частном мнении ученого, но о целом направлении в современной российской общественной мысли, которое использует наследие позднего славянофильства и прежде всего учение Николая Данилевского об особой русской цивилизации (правда, у Данилевского речь шла об особой «славянской цивилизации») для дискредитации и перестройки Горбачева, и цивилизационного прозападного, рыночного выбора посткоммунистической России. Хотя, если более точно, они, новые идеологи учения об особой русской цивилизации, выступают против попыток посткоммунистической России реставрировать те экономические рыночные отношения, которые на самом деле существовали в России до 1917 года. Упомянутый выше Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, созданный по инициативе В.

⁸ Там же. С. 11.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 69.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 7.

¹³ Там же. С. 11.

¹⁴ Там же. С. 47.

¹⁵ Сергей Кара-Мурза. Крах СССР. С. 51.

¹⁶ Там же. С. 27.

¹⁷ Там же. С. 11.

¹⁸ Там же. С. 11.

И. Якунина, на протяжении последнего времени издал целый ряд работ, где предпринята попытка доказать, что действительно сталинская организация труда, возникшая в результате коллективизации и индустриализации, которая превращает работника, в том числе и бывшего свободного крестьянина, в винтик одной государственной машины, соответствовала русской национальной психологии и русскому национальному коду. Советская жизнь при минимальном достатке соответствовала, как утверждают авторы этих работ, русской традиции, которая «выдвигала этическим идеалом нестяжательский образ жизни, существование на минимуме удовлетворения материальных благ».¹⁹ Далее, в соответствии с этой логикой, советская коллективистская организация труда соответствовала нашей национальной традиции, нашему культурному коду, ибо «этическая традиция России предлагала коллективные формы трудовой деятельности. Труд воспринимался в качестве проявления государственного строительства. Нетрудовые люди оценивались в качестве антигосударственного элемента и государственным делом считалось принуждение их к труду».²⁰ В общем, если верить авторам цитируемой мной работы, все в России *всегда* было как в советское время, якобы всегда все работали не на себя, не на свою семью, а на государство.

Все это говорит о том, что сегодня в контексте современной идеологической борьбы споры о перестройке уже превращаются в споры о русском национальном характере, о сущности русскости. Если верить тому, что говорят о русскости и Сергей Кара-Мурза, и ведущие исследователи Центра проблемного анализа, все, с чем Горбачев связывал совершенствование социализма, – и рост личной заинтересованности в результатах своего труда, и рост личной инициативы, раскрепощение личности, и оживление чувства собственности – было чуждо нашему коллективистскому национальному характеру.

Отсюда и главная исследовательская задача, возникающая сейчас при оценке перестройки и стоящих за ней ценностей. *Имеют ли отношение к русскости, к русской духовной культуре все те мотивы, которые побудили Горбачева продолжить начатое еще Хрущевым очищение от сталищины, а именно – восстановить историческую правду, вернуть советскому человеку все главные ценности, произведения русской культуры, русской общественной мысли, которые были запрещены в СССР, предоставить народу самому право через свободные выборы формировать высшую власть, отменить цензуру, политический сыск, разрушить железный занавес, открыть советскому человеку современный мир, его культуру и т. д. Или русскость – это советская, сталинская однопартийная система, мобилизационная экономика, система государственнического крепостничества, жесткого прикрепления человека не только к государству, но – для крестьян – и к земле, система принуждения к единомыслию и т. д.*

¹⁹ В. И. Якунин, В. Э. Багдасарян, С. С. Сулакшин. Цивилизационно-ценностные основания экономических решений. М., Научный эксперт, 2008. С. 15.

²⁰ Там же. С. 15.

§ 3. РПЦ встала на путь оправдания русского коммунизма

Этот спор о русскости, на мой взгляд, все же носил сугубо частный, сугубо научный характер до тех пор, пока в него не включилось руководство РПЦ, претендующее на выработку идеологии, общей для всей православной – прежде всего русской в этническом отношении – России. Спор о русскости приобрел всерусское значение тогда, когда руководство РПЦ в лице патриарха Кирилла на XVII Всемирном русском народном соборе в ноябре 2013 года заявило о своей солидарности с учением об особой нестяжательской, коллективистской русской цивилизации. «Является ли Россия особой, уникальной, самостоятельной цивилизацией, равновеликой Западу, Индии или Китаю?» – задал себе вопрос в начале выступления на последнем заседании Собора патриарх Кирилл. И ответил: «На наш взгляд, ответ может быть только положительным». И далее патриарх Кирилл изложил свое понимание природы нашей русской цивилизационной особенности, в главном совпадающее с той трактовкой русскости, которая содержится в упомянутой книге Сергея Кара-Мурзы. «Если в современном мире преобладает модель конфликта, – настаивает патриарх, – то нашим идеалом, напротив, является солидарность общества, общество социальной симфонии, где разные слои и группы... , разные участники политических и экономических процессов являются не борющимися друг с другом конкурентами, а соработниками. И конкуренция в таком солидарном обществе поощряется как соревновательность, но не как борьба за выживание». Более того, патриарх Кирилл здесь же заявил, что своими ценностями солидарности мы «определяем путь человечеству на решающих исторических перекрестках». В результате получается, что совсем не случайно эксперимент по воплощению в жизнь идеалов коммунизма впервые в истории человечества начался в России. Уникальный эксперимент, как считает Патриарх Кирилл, начался на благодатной почве уникальной русской цивилизации. И получается, что даже у Патриарха свойственное русским чувство национального достоинства используется для реабилитации «советского строя» и всего, что с ним было связано.

Кстати, для окончательного выяснения отношений руководства РПЦ к учению об особой русской, солидарной, коллективистской концепции, я написал и опубликовал на страницах «Независимой газеты» 17 декабря 2013 года статью под названием «Нужен ли Бог особой русской цивилизации», где напрямую обращал внимание Патриарха на те политические и идеологические выводы, которые следуют из его заявления, что русский человек не приемлет частную собственность и экономическую конкуренцию, что ему ближе, более по душе, симфония интересов. «Ведь на самом деле нельзя не видеть, – писал я, – что попытки связать природу русскости с солидарным коллективным трудом неизбежно ведут к оправданию и ленинского Октября, и всего последующего опыта строительства социализма в СССР. Если, как говорит патриарх Кирилл, русским идеалом является «солидарное общество», если, как говорит патриарх Кирилл, мы предпочитаем конкуренции и борьбе за выживание «соревновательность», то тогда советский колхозный строй и стахановское движение были ни чем иным, как реализацией русской мечты. Если действительно, как считает Патриарх Кирилл, мы, русские, своими ценностями «социальной симфонии» определили «путь человечества на решающих исторических перекрестках», то тогда правы те, кто называет ленинский Октябрь «великой революцией». Но тогда если и Октябрь, и советское социалистическое соревнование, и наша советская колхозная система, где нет конкуренции, а все работают на общие цели, есть выражение нашей русской особенности, то надо признать, что русские православные священники, которые остались верны святыне, мужественно защищали православие, шли на расстрел, не только не совершили подвиг, а были заклятыми врагами самобытности русского народа. Неужели не видно, к каким аморальным последствиям

приводит учение об особой русской, солидарной, коллективистской цивилизации. Да, православная идея коллективного спасения была близка русскому народу, но не было ничего более противного русскому крестьянству, чем «огульный» коллективистский труд».

Так вот – и это уже несомненно исторический факт – «Независимая газета» получила официальный ответ на мою статью от руководства РПЦ в виде статьи председателя Отдела Московского Патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества и заместителя Главы Всемирного русского народного Собора протоиерея Всеволода Чаплина и руководителя Экспертного центра ВРНС Александра Борисовича Рудакова, которую они опубликовали на своих страницах 21 января 2014 года под названием «О Боге, человеке и цивилизации. России нужно единство “правого” и “левого”. Ответ Александру Ципко», где был дан положительный ответ на все мои вопросы.

Самое главное. Данные авторы от имени Всемирного русского народного Собора и РПЦ утверждают, что действительно советская система времен Великой Отечественной войны и после нее, *несмотря на противодействие такому возвращению со стороны Хрущева и Горбачева, «вернулась к себе», «к своей модели общества»*. Данные авторы от имени ВРНС и РПЦ утверждают, что «столь нелюбимые господином Ципко колхозы, при всех ужасах коллективизации, не были бы приняты людьми, если бы их идея не отражала христианского идеала». И самое главное, авторы этой статьи утверждают, что не человек, его права и свободы, а «ценности и убеждения» стоят не только твоей жизни, но и чужой, если против этих ценностей совершается агрессия». И получается, что не только сталинские колхозы соответствуют русскому культурному коду, но и произведенная большевиками экспроприация собственности крестьян сначала в ходе продразверстки, а потом уже в ходе коллективизации.

По сути вся эта статья как раз и является подтверждением отмеченного мной выше факта, что сегодня в России происходит реабилитация советского строя, советской политической и экономической системы как реализация русского культурного кода, идеалов русской цивилизации. По сути сегодня иерархи РПЦ придают уже религиозную легитимность всем тем постулатам и прокоммунистическим идеям, которые еще шесть – семь лет назад были частным мнением упомянутых выше экспертов Центра проблемного анализа, руководимого В. И. Якуниным.

Главное, что имеет сегодня важное политическое и идеологическое значение, состоит в утверждении, что русскому человеку больше всего по душе труд монастырской общины, «когда главное – не столько материальный результат, сколько поддержание братского духа, победа над праздностью, забота о ближнем, то есть результат духовный», и что, как настаивают и протоиерей Всеволод Чаплин, и Александр Рудаков, что именно этот идеал был воплощен в сталинских колхозах.

Главное, что важно для меня в рамках исследования о идеологических и духовных истоках перестройки, что согласно этой концепции русскости, взятой сегодня на вооружение и РПЦ, это утверждение, что все, что было в советской истории после Сталина, начиная с Хрущева и кончая Горбачевым, было подрывом основ русскости путем провозглашения курса на сытость.

Иерархи и эксперты РПЦ сегодня просто повторяют мысли и идеи, которые на протяжении многих лет развивает один из главных участников семинаров Центра проблемного анализа, заместитель директора Института прикладной математики им В. В. Келдыша РАН Г. Г. Малинецкий, который тоже считает, что все беды советской России начались с «хрущевской оттепели», якобы приведшей к «приземлению» традиционных для России и русского человека «высоких смыслов и ценностей», характерных для советского общества. Все по той же, сегодня уже православной логике, Г. Г. Малинецкий настаивает, что если для русского человека идеалом является «нестыжательство», то нет для него более приемлемой организа-

ции труда, чем сталинская, чем те же сталинские колхозы, где ничего не платили за трудодни, где все работали на идею строительства социализма, где люди жили не настоящим, а будущим, не личным, а общим. И отсюда, из идеи особой русской цивилизации, откровенная политика, призыв возродить созданную Сталиным якобы единственно возможную в России «монастырскую организацию труда», когда каждый работает не на себя, а на общее благо, на общую цель.

Все это серьезно. За негативным отношением к перестройке как якобы «западническим проектом» стоит не просто реабилитация всех откровенных преступлений сталинизма против человечности, но и призыв вернуться к «советскому строю» без сытости. *Никогда за всю свою историю идея особой русской коллективистской, антисобственнической цивилизации не работала так откровенно на идею насилия, на идею крепостничества, как сегодня.* Речь идет о желании некоторых экспертов левого толка уже сегодня превратить всю страну с ее многомиллионным населением в монастырь, где все будут работать во имя «духовных идеалов», о желании снова, как в 30-е, превратить Россию в «страну, идущую в будущее», в страну, где «духовное» всегда было выше материального, а «общее выше личного», где «справедливость выше закона», где «будущее важнее настоящего и прошлого». Кстати, на примере анализируемого мной текста Г. Г. Малинецкого видно, что сталиномания, соединяющая большевистскую мобилизационную экономику с русской идеей, живет сегодня не только ностальгией об утраченном сталинском рае, но и вполне прагматическими политическими интересами.

Политическая пристрастность проявляется в выводах доклада Г. Г. Малинецкого, в его предложении лишить власти всю нынешнюю элиту сверху донизу. Речь идет о полной замене «субъекта» политики, о новой «революции сверху» в жестком варианте – опричнине Ивана Грозного, переориентация с боярства на дворянство Петра I, о новом выдвижении сталинских наркомов. Г. Г. Малинецкий не исключает и более мягкий вариант смены субъекта власти по примеру Ататюрка. Но все же на первом месте в этом проекте спасения России выходит вариант новой опричнины. В соответствии с этой логикой российской избранности мы должны отказаться и от своей европейскости, и от стратегии интеграции в западную цивилизацию даже на правах суверенного, независимого государства.

Не могу не обратить внимание, что сегодня, когда я работаю над введением к книге, в условиях ура-патриотической эйфории по поводу присоединения Крыма к РФ, возникла благодатная почва не только для полной и окончательной реабилитации сталинской мобилизационной экономики, но и для реанимации, введения в жизнь ее несущей основы, т. е. чрезвычайных законов.

И самое важное, что необходимо учитывать при оценке нынешней ситуации, что и названные иерархи РПЦ делают подобные политические и экономические выводы из принятого ими на вооружение учения об особой русской, монастырской цивилизации. И протоиерей Всеволод Чаплин, и руководитель Экспертного центра русского Собора считают, что наше возвращение «к своей модели общества», к СССР времен Великой Отечественной войны и окончания сталинской эпохи, то есть к мобилизационной экономике, было бы желательным. Действительно, если, как считают нынешние руководители РПЦ, главный смысл христианина состоит в способности противостоять соблазнам обогащения, тем более быстрого обогащения, то тогда действительно надо возвращаться к советским колхозам, к советской экономике, где подобная возможность была в принципе исключена.

Я не собираюсь во введении к книге приступать к развернутой полемике со всей этой философией русскости, на которую опирается осуждение Хрущева и Горбачева за «приземление» русского человека к благам свободы и сытости, но не могу не сказать, что за ироническим отношением прежде всего протоиерея Чаплина к моим антиколхозным настроениям стоит что-то не просто советское, но и фанатическое. Как известно, в советское время только

среди самых отъявленных догматиков от марксизма находились певцы колхозной жизни. Если уж доводить до логического конца позицию РПЦ по отношению к русскости, изложенную в ответе на мою статью «Нужен ли Бог особой русской цивилизации», то, наверное, надо было признать, что еще больше, чем колхозы времен Сталина, православным идеалам русскости, как их трактуют упомянутые авторы, соответствует Гулаг. Здесь монастырь в чистом виде, ибо нет ни частного дома, ни самого семейного приусадебного участка, то есть всего того, что осталось от частно-собственнической жизни даже при Сталине. Здесь минимум благ доведен до критической точки зрения, то есть до голода.

Неужели протоиерею Чаплину не страшно говорить о сталинском СССР как о реализации «своей» русской модели! Ведь картина Гулага времен Беломорканала, Волгодона, канала Москва – Волга абсолютно соответствует тому образу русскости, который нам рисуют сегодня идеологи учения об особой русской «нестяжательской» и «коллективистской» цивилизации. Там минимум материальных благ был доведен до идеала, до голода, до смерти от голода. Но ведь рядом со всеми этими воплощениями идеи монастырского труда, первенцами индустриализации всегда были горы трупов. И не только в годы печально известного голодомора, с которого начинается эпоха «поразивших в свое время мир темпов советской индустриализации, но и после войны, в начале эпохи продвижения идеалов социализма в страны Восточной Европы. «Голод 1946 года продолжал трагедию голодомора 1933 года, – вспоминает Капто, секретарь ЦК компартии Украины по идеологии. – Умершие лежали у забора, у опустевшего магазина, просто во дворе. Многие высохли настолько, что тела, казалось, хватало только для заедавших вшей, другие опухли до неузнаваемости».²¹

²¹ Цит. по: «МК», 13.05.2013. С. 3.

§ 4. О природе и причинах морального кризиса в современной России

Все это подтверждает мои опасения, связанные с нынешней модой на учение давно забытого Николая Данилевского об особой русской коллективистской, противостоящей Западу цивилизации. Попытки построить новое русское самосознание на учении об особой русской цивилизации только углубляет и без того глубокий нынешний моральный кризис. Я не вижу, как можно сочетать призыв Патриарха Кирилла, священнослужителя, отличать противоположность добра и зла с его защитой нашего опыта строительства солидарного, коллективистского общества. Чего стоит только утверждение авторов ответа на мою статью в «НГ» о том, что хватит «говорить об ошибках и грехах» нашего XX века, хватит заниматься «бесполезным самобичеванием, формирующим комплекс аутсайдера, комплекс ущербности и неполноценности». Из этого следует, что не нужна моральная, христианская оценка преступлений большевизма. И это позиция РПЦ!

Конечно, слава богу, что нет ни условий, ни субъекта, который бы всерьез стремился снова реализовать на практике марксистскую, сталинскую мобилизационную организацию труда, воссоздать в России заново жизнь и труд на *минимуме* материальных благ. В том-то и драма нынешнего момента в российской истории. Даже если Запад всерьез начнет окружать Россию санкциями в ответ на присоединение Крыма, и возникнет объективная необходимость воссоздания монастырского труда, о котором мечтают идеологи Владимира Якунина, то реанимировать советскую систему и внедрить в сознание нынешних русских ценности и дух мобилизационной экономики не удастся. Мало кто из нынешних русских людей сможет работать на будущее, а не на настоящее, на ближних, но не на себя. Россия просто сломается от подобных попыток воссоздать в стране казарменный образ жизни. Второй раз войти в одну и ту же реку коммунизма в принципе невозможно.

Меньше всего готовы к такой жизни идеологи особой русской цивилизации. Понятно, что идеология особой русской цивилизации используется в данном случае даже не столько для идеологических, сколько для психотерапевтических ценностей, для укрепления ценности России в глазах ее граждан. Но нельзя не видеть, что обществу в данном случае навязывается идеология куда более аморальная, чем советская идеология времен СССР. Все же марксистская идеология не покушалась на ценность достатка, сытой жизни. Она просто говорила, что это будет только в коммунистическом завтра, когда блага жизни «польются полным потоком». А тут полуголодное существование человека по образцу сталинской эпохи, по образцу, как у Всеволода Чаплина, военной и послевоенной эпохи выдается за моральный идеал. Марксистская идеология не покушалась, по крайней мере в идеале, и на индивидуальный, обособленный труд. Просто она опять связывала подобный способ индивидуального творческого труда с научно-технической революцией. А тут сегодня пропагандисты особой русской цивилизации жестко навязывают русскому человеку труд в коллективе и обязательно во имя государственных, общих целей. Все же марксисты были сторонниками отмирания государства. А тут, по логике монастырской организации труда, невозможна никакая русскость без организации труда в государственном масштабе, без труда во имя какой-то идеальной цели.

И получается, что сегодня уже невозможно защитить перестройку, ее гуманистические ценности, мотивы, не защищая одновременно русскость от попыток связать ее с рабским, подневольным трудом и с полуголодным существованием. *Отсюда и возникла у меня новая задача посмотреть на историю, предысторию перестройки, ее идеологию в контексте нынешнего спора о природе русскости, показать, что все ценности, которые стоят за демократизацией СССР в конце 80-х – начале 90-х, были и являются, напротив, как раз*

выражением «русского культурного кода», ценностей русской культуры. Отсюда и задача доказать, что все же культурный код надо связать с национальной культурой, с ее ценностями, а не с инстинктами беднейшего крестьянства, как это делает, к примеру, Сергей Кара-Мурза. Я попытаюсь показать в своей книге, что идеология абсолютного равенства, характерная для народных низов, была присуща практически всем арийским народам.

Ситуация серьезная, ибо, в соответствии с той философией, которую от имени РПЦ изложил Всеволод Чаплин, в понятие «русскость» не входят ни ценность человеческой жизни, ни ценность материального благополучия, ни ценность свободы, ни личный успех, ни ценность человеческого достоинства, ни ценность частной собственности, ни свобода вероисповедания. Сталинская эпоха, которую славят авторы статьи «О боге, человеке и цивилизации», все же была эпохой государственного атеизма.

За негативным отношением подавляющей части уже бывшей советской интеллигенции к Сталину и его методам строительства социализма (и в этом, в отношении к сталинским репрессиям, не было различий между откровенными антикоммунистами и ленинцами-шестидесятниками) стояло растущее сознание самоценности человеческой жизни, ценности свободы, прав личности, часто инстинктивное преодоление классового морали, отвращение к насилию. За негативным отношением подавляющей части советской интеллигенции к Сталину и к сталинским репрессиям, к сталинской эпохе в целом, стояло осознание того, что все, построенное на насилии, на запретах, непрочное, зыбкое, что, к примеру, нет будущего у мировой социалистической системы, которая зависит от прочности железного занавеса, от прочности Берлинской стены. За отторжением от Гулага, от того, что Хрущев назвал «культом личности Сталина», стояло чувство сопереживания к мукам его жертв, восприятие гибели ни в чем не повинных людей как величайшей несправедливости, которая не должна повториться. Мы не задумывались о «цивилизационном» происхождении наших чувств. Мы руководствовались простым моральным инстинктом человечности, тем, что Горбачев в своем докладе на XXVI съезде КПСС назвал «общечеловеческой моралью».

А сейчас все эти чувства, просто моральные инстинкты, которые стояли у значительной части советской интеллигенции, у значительной части советских людей за отторжением от всех откровенных уродств сталинской эпохи, от бесконечных репрессий, от полуголодного существования, от системы тотального доносительства, от всего того, что умерло вместе со Сталиным, подвергаются целенаправленной дискредитации. По логике Всеволода Чаплина, если ты не ценишь организацию жизни советских людей в военное и послевоенное время, если ты, как я, критически относишься к колхозной системе, то ты не русский и не православный человек.

В советские времена нас учили ценить и любить советский строй за то, что он был воплощением идеалов коммунизма. *Сейчас же, и в этом главная причина перемен, происходящих сейчас в официальной идеологии современной России, советский строй трактуется уже не столько как воплощение в жизнь марксистского, коммунистического проекта, а как воплощение в жизнь русской национальной идентичности, воплощение в жизнь «русского проекта». Поэтому получается, если ты патриот, если ты русский человек, то ты просто обязан полюбить этот советский строй.*

Главное, на мой взгляд, преступление нынешних идеологов особой русской цивилизации в том, что они сознательно выводят ценности гуманизма, конечно, европейского гуманизма, за рамки русского культурного кода. Сегодня все то, что было доминирующим в сознании советской, антисталинской интеллигенции, в сознании тех, кто, как я, жаждал свободы, права жить не по лжи, не только отошло на второй план, но якобы стало несовместимо с подлинным патриотизмом, с подлинной русскостью. Все дело в том, что сегодня в глазах большей части патриотической интеллигенции ценность советского строя стала зна-

чительно выше той, какую ему приписывала официальная советская идеология до распада СССР.

Кстати, на мой взгляд, наиболее выпукло и последовательно антигуманистическая сущность учения об особой нестяжательской русской цивилизации, которое неизбежно ведет к реабилитации сталинизма, проявилась именно в упомянутой выше книге Сергея Кара-Мурзы. Основную причину распада «советской системы» он связывает с тем, что после смерти Сталина советский человек перестал жить на минимуме материальных благ и начал жить более «сыто». И в результате, как убежден Сергей Кара-Мурза, «советский строй оказался неподготовлен к “сытой” жизни – тут он сразу породил элиту, вожделевскую буржуазной собственности и образа жизни. СССР оказался беспомощным против внутреннего врага, вскормленного холодной войной и избыточным патернализмом своего государства. Не странно ли: никто не вспоминает сбывшееся пророчество И. Сталина. На языке марксизма он сказал: по мере развития социализма классовая борьба будет нарастать! А ведь в переводе на русский язык это было важное предупреждение. Смысл его таков: в советском строе есть глубокий изъян, и как только настанет сытая жизнь, в обществе появится сила, которая постарается этот строй уничтожить».²² В этих нескольких фразах, на мой взгляд, со всей полнотой и откровенностью выражен моральный и политический смысл учения об особой русской нестяжательской цивилизации. Оказывается, наша особенность проявляется в том, что нам от природы не дано то, что дано другим народам, не дано право на полноценную, сытую жизнь, что мы, русские, обречены все время пребывать в полуголодном состоянии на грани жизни и смерти.

²² Сергей Кара-Мурза. Крах СССР. С. 367.

§ 5. Вопросы, которые ждут ответа

Кстати, само содержание упомянутой выше статьи «О Боге, человеке и цивилизации» показывает, что оценка русского XX века, в том числе оценка идейных мотивов перестройки, оценка реформ Хрущева и Горбачева, предполагает – в контексте хотя бы того спора, который развернулся между мной и авторами этой статьи, – уточнения целого рода понятий. Скажу сразу, мои оппоненты не учитывают, что сам по себе подвиг советских, русских людей, открывших, как они говорят, ворота Освенцима, не отменяет факт сходства сталинской политической системы с национал-социалистической. Если, как говорят мои оппоненты, им дорого русское наследство, то надо знать, что русский философ Николай Бердяев еще в середине 30-х дал глубокий и всесторонний анализ сходства большевистской и гитлеровской политических систем. В том-то и дело, что связывая русскость с мобилизационной государственной системой, мы вольно или невольно растворяем русскость в тоталитаризме. Не только политическая практика, но и социальная, пропагандистская практика национал-социализма, как выясняется, имела много общего с жизнью СССР во второй половине 30-х. Только один пример: в тот момент, когда Сталин дал задание превратить Сочи в здравницу для рабочих и колхозников, Гитлер начал в 1935 году через «Немецкий трудовой фронт» строительство гигантского оздоровительного комплекса КДВ-Бад Рюген на побережье Северного моря (на острове Рюген). Гитлер самолично предложил отдать под строительство курорта для рабочих один из самых больших и роскошных пляжей Германии и оснастить его продуманной инфраструктурой для *бесплатного* отдыха полутора – двух миллионов рабочих и служащих ежегодно.

Далее. Нельзя не видеть разницу – и это, к сожалению, остается вне внимания моих оппонентов – принципиальную разницу между монастырем, где по доброй воле, по собственному выбору собираются люди, посвятившие всецело себя и свой труд богу, и колхозной принудительной организацией труда, которая, строго говоря, была реставрацией крепостного права вместе с барщиной.

Далее. Для оценки советской системы и колхозного строя, который для моих оппонентов является якобы «отражением христианского идеала», надо видеть различия между мотивацией и механизмами добра, духовного выбора, мотивами благотворительной активности и природой экономической, производственной активности. В том-то и дело, что русский крестьянин, который рьяно поддерживал коллективный труд по строительству избы для погорельцев, просто ненавидел труд, так называемый «коллективный», «огульный» труд на земле, который в начале 30-х годов XX века, после создания колхозов, стал его основной обязанностью. К сожалению, и сотрудники центра, руководимого Владимиром Якуниным, и авторы статьи «О боге, человеке и цивилизации», и иерархи нынешней посткоммунистической РПЦ не знают или принципиально не хотят знать, что до революции 1917 года существовала огромная литература, посвященная анализу особенностей менталитета русского крестьянства, особенностей устройства крестьянской общины, где было доказано, что русский человек не только не тяготеет к коллективному труду на земле, а, напротив, является его убежденным противником. Вообще, не надо быть специалистом по психологии труда, чтобы понимать, что мобилизационная экономика, основанная на государственном принуждении к труду, даже если она сопровождается идейными мотивами, обречена, ибо труд на надрыве не может продолжаться вечно. Вот почему рассказу о подлинной русской трудовой психологии я вынужден посвятить отдельную главу.

Я, конечно, могу только высказывать предположения об истоках нынешнего возвеличивания русской цивилизационной особости, которая якобы состоит в нашем исходном русском духовном превосходстве над другими европейскими народами. Откуда эта неожиданно

данная страсть к самовозвеличиванию? От незнания правды о самих себе, о нашем реальном национальном характере, или от стремления внедрить в сознание современной России новый миф, который бы помог нам уверовать в свою исключительность, в свою способность снова открыть дорогу в будущее человечеству? В этой связи, на мой взгляд, уместно напомнить моим оппонентам о том, что было сказано и в русской литературе, и в русской общественной мысли о русском человеке и русской жизни, о том, чем он, русский человек, жил до революции, в первые годы советской власти, напомнить о реальных причинах победы большевиков.

Мои оппоненты, вслед за Патриархом Кириллом, убеждены, что есть народы, для которых привлекательна наша цивилизационная особенность, получившая воплощение в сталинскую эпоху, по крайней мере, в послевоенном СССР. Но я, честно говоря, не знаю и не верю, что есть народы, которые по доброй воле выберут то, что Патриарх Кирилл связывает с русским культурным кодом, и прежде всего «скромный достаток», полное растворение личности, «я» в коллективе, мобилизационную экономику, а тем более то уникальное политическое устройство, которое является предпосылкой коммунистического равенства. Речь идет о государственном атеизме, о безусловном господстве идеологии правящей коммунистической партии, о запрете на свободу собраний, о законодательном, как при Сталине, закреплении крестьян на земле, о запрете на свободу эмиграции, и т. д. Ведь нынешняя Северная Корея, по крайней мере, в той части, где она сдерживает своих граждан от соблазна обогащения и соблазна личного успеха, как раз и является воплощением того, что Патриарх Кирилл называет русским культурным кодом. Но мне думается, что не найдется сегодня в мире народ, для которого политическая и экономическая «симфония» Северной Кореи была бы соблазнительна.

Не могу понять, почему признание ошибок и грехов коммунистического периода, как настаивает Всеволод Чаплин, должно рождать «комплекс ущербности и неполноценности». Ведь мы, в отличие от немцев, сами себя освободили от своего русского тоталитаризма, от всех уродств ленинско-сталинского наследия. На мой взгляд – я пытаюсь доказать это в книге, во имя чего и вынужден создавать ее по сути новый вариант – мы сегодня явно недооцениваем все негативные моральные последствия нашей нынешней новой игры в русскую особость. Раньше мы семьдесят лет внушали русскому человеку, что он особый, лучше всех, потому что он первый вступил на путь коммунистического строительства. Теперь, когда мы сами, руководствуясь именно гуманистическими чувствами, освободились от коммунистического крепостничества, стали свободными, неожиданно и вопреки всякой логике отказываемся от своей моральной и духовной победы, начинаем каяться и говорим, что полуголодная советская жизнь с подневольным, надрывным трудом в окружении железного занавеса и есть наша настоящая русская судьба.

Мне думается, что как раз решающим аргументом против веры в существование особой русской «солидарной» цивилизации, где один за всех, и все за одного, на что одним из первых обратил внимание именно Николай Бердяев в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма», является поразительное сходство, родство политической системы, созданной немецким национал-социализмом, с политической системой, созданной большевиками. *Кстати, для Николая Бердяева это сходство гитлеризма со сталинизмом было свидетельством как раз западного, европейского происхождения нашей «советской системы».* В России, как оказалось, была все же благодатная почва для идеи «расправы», лежащей в основе учения Маркса об экспроприации экспроприаторов, но, как я покажу дальше, не было никакой почвы для колхозного строя.

Но если верить не Николаю Бердяеву, а Сергею Кара-Мурзе, то получается, что у русских с немцами один культурный код, что в идеале они стремятся к растворению личности в мессианистическом порыве перестройки мира и общества. И есть достаточно оснований

считать, что солидарность и коллективистский энтузиазм, трудовые подвиги немцев во времена Гитлера все же превосходили энтузиазм русских людей в эпохустроек социализма. Рост промышленного производства в Германии с 1933 по 1939 год в 4 раза превосходил темпы роста промышленного производства в СССР в эпоху сталинской социалистической индустриализации. Да и обошлись немцы без вышек Гулага, без рабского труда сотен тысяч заключенных. Получается, что «идейно-духовный ресурс» у немцев, по преимуществу протестантов, играет даже более высокую роль при решении общих, национальных задач, чем у православных русских, которых советская власть сделала «солидарными» строителями коммунизма.

Теперь, повторяю, чтобы сказать что-то внятное о перестройке, о тех, настаиваю, всемирно-исторических событиях, которые с ней связаны, я вынужден ответить на вопросы, которые, кстати, в советское время казались уже давно решенными. Честно говоря, после работы Владимира Соловьева «Россия и Запад», написанной еще в 1881 году, где он камнями на камне не оставил от претензии Николая Данилевского доказать наличие какой-то особой русской, славянской коллективистской цивилизации, в ценностном, культурном отношении противоположной западной, христианской цивилизации, как-то неловко напоминать всем нынешним последователям Данилевского, что нет ни одного достижения русской культуры, которое не было бы связано, не было спровоцировано западной культурой. Как-то неловко сейчас напоминать о тех в буквальном смысле десятках великолепных текстов, написанных и во время гражданской войны, и потом, в эмиграции, где было показано, что после всего, что произошло с нами с 1917 по 1922 год, нет никаких оснований говорить о нашей русской особой духовности, а тем более о нашей особой близости к богу.

И все-таки не могу не напомнить о статье Николая Бердяева «Гибель русских иллюзий», которая была написана им в 1918 году под впечатлением начавшейся гражданской войны и посвящена краху, славянофильских представлений о русских как об избранном народе. Самые противоположные русские идеологи утверждали, писал Бердяев, что русский народ выше европейской цивилизации, что закон цивилизации для него не указ, что европейская цивилизация слишком «буржуазна» для русских, что русские призваны осуществить Царство Божие на Земле, царство «высшей правды и справедливости». Но после всего, что произошло в 1917 году, писал Бердяев, настало «время осознать, что все формы народничества – иллюзии, порождение русской культурной отсталости... Вера в «народ» всегда была малодушием и бессилием русских мыслящих людей, боязнь возложить на себя ответственность и самим решить, где истина и правда».²³ «Вера в “Святую Русь”, – настаивал Николай Бердяев, звучит нестерпимой фальшью и ложью».²⁴ «...Народ, в который верили славянофилы... обнаружил первобытную дикость, тьму, хулиганство, жадность, инстинкты погромщиков, психологию взбунтовавшихся рабов...».²⁵ Можно обвинить Николая Бердяева, кстати, как и Ивана Бунина, писавшего тогда же о том же самом, – о дикости и жестокости взбунтовавшегося русского народа – в барском дворянском отношении к трудовому крестьянству. Но ведь и почти большевик Алексей Горький и социал-демократ Владимир Короленко в своих дневниках и публикациях в годы гражданской войны точь-в-точь повторяют слова Николая Бердяева, характеризующие восставший русский народ. Алексей Горький, как и Николай Бердяев, напрямую связывает наблюдаемые им проявления дикости, жадности и жестокости восставших крестьян и восставшего рабочего класса с критикой славянофильских представлений о русских как выразителях «высшей правды и справедливости».

²³ Бердяев Н. Падение священного русского царства. – М.: Астрель. – 2007. – С. 745–746.

²⁴ Там же. С. 748.

²⁵ Там же. С. 749.

И здесь возникает важный вопрос, который я пытаюсь поднять в книге. Почему в сотни раз опровергнутые русским XX веком иллюзии славянофилов, поздних славянофилов и в особенности Николая Данилевского, снова пытаются реанимировать не только левая, прокоммунистическая интеллигенция, но и нынешнее руководство РПЦ. С чем это связано? Ведь, как и в XIX веке, миф о том, что «русский народ выше европейской цивилизации», что закон западной цивилизации нам не «указ», идет не снизу, не от самого русского человека, а сверху, от интеллигенции. Неужели снова, как писал Бердяев, все от страха перед правдой новой русской жизни?

Как-то неловко после исследования Г. В. Плеханова «Наши разногласия» снова доказывать, что не было ни в русском национальном характере, ни в русской крестьянской общине ничего, что вело бы русского крестьянина напрямую в коммунистическое будущее. И теперь снова придется вспомнить о тех энциклопедических работах, литературных произведениях второй половины XIX и начала XX века (на которые, кстати, ссылались и Плеханов и Ленин), где было показано, что русский крестьянин прежде всего собственник, и вопреки всему, что говорят сегодня идеологи особой русской цивилизации, он, русский крестьянин, больше всего на свете не любил коммунистическую, «огульную» организацию труда.

Когда-то, уже в последний год перестройки, я издал книгу «Насилие лжи или как заблудился призрак»,²⁶ где десятки страниц посвятил доказательству того, что Ленин во время военного коммунизма воплощал в жизнь именно марксистский проект, что вся его жизнь как революционера и как политика была пронизана верой в марксистское учение о победе пролетариата. Но сегодня (в споре уже с Сергеем Кара-Мурзой) придется снова доказывать, что Ленину по большому счету было наплевать и на российское крестьянство и на его культурный код, что на самом деле он рассматривал Россию как материал, как плацдарм будущего наступления на мир капитализма.

На самом деле Ленина, Троцкого, большевиков никогда не интересовало то, что сегодня подразумевают под понятием «национальный культурный код». Вообще обращает на себя внимание, что Сергей Кара-Мурза оперирует в своем исследовании не реальной историей прихода большевиков к власти, а ее сталинской интерпретацией, в которой была предана забвению громадная роль ортодоксального марксиста Льва Троцкого при организации Октябрьского переворота и, самое главное, в организации победы большевиков в гражданской войне. Мне придется напомнить историку Сергею Кара-Мурзе, какие мысли и какие на самом деле мотивы двигали мотором октябрьского переворота – Львом Троцким. Благо, Лев Троцкий – единственный из вождей Октября, оставивший нам мемуары, где зафиксированы идеологемы, которыми руководствовались они с Лениным, принимая решение о вооруженном восстании.

Не могу не напомнить, что Ленин всегда рассматривал русского крестьянина как мелкого собственника, как носителя мелкобуржуазной идеологии. Кстати, абсолютно все нынешние поклонники учения Данилевского об особой русской цивилизации, в том числе и авторы статьи «О боге, человеке и цивилизации», неправомерно отождествляют антикапиталистические настроения российского крестьянина, его нежелание стать батраком в крупном капиталистическом хозяйстве с прокоммунистическими настроениями. На самом деле психология крестьянина-частника, психология мелкотоварного производства куда ближе к психологии крупного сельскохозяйственного производства, чем к психологии «монастырского», коммунистического труда. И именно по этой причине колхозный, коммунистический труд потерпел полное фиаско в СССР, о чем я также вынужден говорить в связи с анализом причин перестройки и причин распада СССР. Скажу сразу. История сталинского колхозного строя и, самое главное, его реальные экономические результаты камня на камне не остав-

²⁶ Ципко А. Насилие лжи, или как заблудился призрак. – М., Молодая гвардия. – 1990.

ляют от убеждения моих оппонентов, что крестьяне якобы «приняли» его, что он для них был отражением христианского идеала.

И снова не могу обойтись без эмоций, не могу не сказать, что мои оппоненты, все сторонники учения об особой русской цивилизации, насилуют реальную русскую историю куда больше, чем советская власть во времена «Кратного курса истории ВКП(б)» Иосифа Сталина. Складывается впечатление, что доказательство истинности учения об особой русской цивилизации, доказательство того, что Хрущев и Горбачев занимались «демонстражем русской души», требует куда больше моральных жертв и откровенной лжи, чем доказательство истинности учения о победе коммунизма. Сюжет о якобы добровольном выборе русскими крестьянами колхозного строя – только один пример тому.

Конечно, реактуализация этих проблем, кстати, давно решенных даже в советском обществоведении – речь идет о формационном и мировоззренческом родстве мелкотоварного производства и крупнотоварного, уже капиталистического производства – вызвана не только необходимостью моральной реабилитации перестройки Горбачева. *Речь идет о реабилитации патриотизма и патриотических чувств всех выдающихся деятелей русской культуры, науки, которые любили Россию, но были активными противниками большевизма и созданной большевиками «советской системы», были противниками коммунизма.* Речь идет о моральной реабилитации и всех нас, представителей бывшей советской интеллигенции, которые активно поддержали Горбачева и принимали активное участие в демократических переменах (настаиваю!) этой уникальной эпохи. В книге я просто вынужден показать, что за учением об особой русской цивилизации, якобы во всем противоположной ценностям западноевропейской цивилизации, стоит на самом деле агрессивный национальный нигилизм. Перестройка точно не «убивала» Россию, не была «смертельным ударом по России». Но попытки свести русский культурный код к уравниловке являются на самом деле покушением на все достижения нашей национальной культуры и русской общественной, философской мысли.

На самом деле третьего не дано. Или быть русским в том смысле, что ты вместе со всеми выдающимися представителями русской общественной мысли и всеми выдающимися представителями русской культуры (вместе с Николаем Бердяевым, Семеном Франком, Сергеем Булгаковым, Петром Струве, Иваном Ильиным, Георгием Федотовым, Федором Степунным, Иваном Бунинным, Зинаидой Гиппиус, Василием Розановым, Владимиром Короленко, Владиславом Ходасевичем и т. д.) считаешь, что Октябрь и последующая гражданская война были величайшей катастрофой в российской истории, которая привела к гибели миллионов людей и созданию самого кровавого и деспотического режима в истории Европы, или быть русским вместе с Сергеем Кара-Мурзой, идейным и духовным руководством Всемирного русского народного Собора и считать, что созданные Сталиным колхозы были выражением русского православного идеала. И потому я пытаюсь в книге доказать, что русскость, жажда «правды» на самом деле стоит за всем, что связано с перестройкой и прежде всего с состраданием к жертвам коммунистического эксперимента, с желанием доказать, что мы, русские, можем быть свободными, успешными, жить полноценной жизнью. *Я попытаюсь показать в книге, что на самом деле не может быть внешнего могущества нации без ее внутреннего могущества.*

Сегодня лично мне важно доказать, что на самом деле русскими, и прежде всего в культурном, духовном отношении, были те, кто не принял ленинский Октябрь, кто боролся с большевиками как богоборческой властью, кто противостоял коммунистической идеологии, для кого победа большевиков была катастрофой, кто потом в эмиграции до конца жизни, как Иван Ильин, мечтал о том счастливом дне, когда опоры большевистской системы разрушатся.

И далее. Были ли русскими те генералы, офицеры, те солдаты, казаки, та часть российской интеллигенции, студенчества, которые пришли в Добровольческую армию и воевали, умирали за святую Русь? Неужели Ленин и вся его гвардия, собрание профессиональных революционеров-интернационалистов, никак или слабо связанных с Россией, все эти Дзержинские, Радеки, Зиновьевы, Раковские и т. д., были ближе к русскости и русской культуре, чем те, к примеру, русские священники, самые лучшие представители РПЦ, которые умирали во имя веры, во имя той России, которая им была дорога?

И здесь снова чисто философский, методологический вопрос. Можно ли считать критическое, негативное отношение самых выдающихся представителей дореволюционной русской интеллигенции к большевизму, к советской системе отражением русскости? На первый взгляд, этот вопрос выглядит абсурдным. У всех народов принято считать, что выражением национального духа являются прежде всего представители национальной интеллигенции, все те выдающиеся деятели культуры, которые своим творчеством обогатили всеобщую, всечеловеческую культуру, принесли славу, уважение к своей нации. Но вся особенность учения об особой русской цивилизации в той форме, как оно излагается, к примеру, не только в работах Сергея Кара-Мурзы, но и в статье моих оппонентов, состоит в том, что в нем русскость связывается исключительно с настроениями беднейшего крестьянства России. Сергей Кара-Мурза всерьез утверждает: к 1917 году высшие сословия России, вообще образованная Россия не имели что сказать о будущем своей стране. Он полагает, что не только 8–9% зажиточного крестьянства, то есть кулаки, крепкие хозяева не имели права голоса в споре о русском проекте, но и середняки, составлявшие 38 % крестьянства, были лишены в определении судеб России, и только беднейшее крестьянство знало, что нужно русской душе, и только беднейшее крестьянство было выразителем русского культурного кода.

И хотя, к примеру, Сергей Кара-Мурза на словах критически относится к Марксу из-за его русофобских высказываний, на самом деле вместо национального подхода он нам предлагает какой-то извращенный вариант классового подхода. Все-таки у Карла Маркса «умом и сердцем» человеческой истории был пролетариат, носитель промышленного сознания. А тут получается, что безлошадное, нищее крестьянство, часто, в силу личных особенностей, не способное поставить на ноги свое хозяйство, и есть настоящая Россия, настоящий русский человек. Таким образом, оценка исторического смысла демократических реформ Горбачева зависит от того, какой вы смысл вкладываете в понятия «русский народ», «русская нация», «русская культура». И получается, что прежде чем судить об историческом смысле перестройки, о событиях, освободивших Россию от коммунистической системы и марксистской идеологии, вы должны определиться прежде всего с понятием «русский народ».

Впрочем, насколько верно утверждение, что именно беднейшее крестьянство решило в 1917 году судьбу России, выбрало красный, коммунистический проект? Проблему эту впервые поставил Антон Иванович Деникин в своих «Очерках великой смуты». Он в своем исследовании причин победы большевиков обращает внимание, что в руководстве Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который решил судьбу России в 1917 году, на самом деле, за редким, штучным исключением, не было ни представителей крестьянства, ни представителей рабочего класса. Судьбу России тогда как раз решили представители особого сословия, космополитической, социалистической интеллигенции, которую Сергей Кара-Мурза не включает в понятие народ.²⁷ Эти люди умели манипулировать настроениями

²⁷ На июльском Всероссийском съезде представителей советов рабочих и солдатских депутатов, обращает внимание Антон Деникин, было 285 социалистов-революционеров, социал-демократов меньшевиков – 248, социал-демократов большевиков 105 и только 5 трудовиков. «Таким образом, – писал Антон Деникин, – подавляющие массы не социалистической России не были представлены ни одним человеком...» С точки зрения Антона Деникина, и с этнической точки зрения, Исполнительный комитет, руководящий орган Петроградского совета не был отражением настроений русского народа.

масс, на самом деле они представляли только собственные интересы, интересы революционной интеллигенции. И действительно ли, как считают авторы статьи «О Боге, человеке и цивилизации», отличие сталинского социализма 40-х – начала 50-х от ленинского состоит в том, что он был ближе к тому, что они называют «русской системой»?

Далее. Нельзя всерьез говорить ни о перестройке, ни о ее соответствии тем или иным представлениям о русском культурном коде, не отдавая себе отчета о том, что стоит за понятием «советская система». Когда тот же Сергей Кара-Мурза говорит, что советская система была реализацией русского культурного кода, то, как видно из его текста, он имеет в виду исключительно советскую плановую экономику, основанную на общественной собственности и исключаящую частную собственность на средства производства, исключаящую рыночную конкуренцию. Он имеет в виду только ту организацию производства и распределения продуктов, которая обеспечивала, по его словам, «скромный, гарантированный достаток». Но ведь в действительности, и это стало очевидным как раз во время перестройки, блага относительного равенства, создаваемые советской экономикой, обеспечивались, как говорит марксизм, тесно связанной с ней политической надстройкой. Советская система на самом деле – это прежде всего монополия правящей, единственной коммунистической партии, не только на власть, но и на правду. Монополия эта обеспечивалась запретом на политическую деятельность, цензурой, установлением единой государственной идеологии, политическим сыском, доношением и т. д. И если, как считает Сергей Кара-Мурза, классическим воплощением советской системы была сталинская эпоха, то к ней, к советской системе, надо присовокупить и вождизм, и право вождя по собственному усмотрению распорядиться жизнью и судьбой своих подданных, право прикрепить их к тем или иным видам труда, и т. д.

В том-то и дело, что перестройка была направлена именно на демонтаж политических скрепов советской плановой экономики, направлена на то, чего обычно не принимают во внимание сторонники учения об особой русской цивилизации. Другое дело, Горбачев не понимал, что, разрушая монополию КПСС на власть и на правду, он тем самым разрушал и советскую экономическую систему, и те социальные блага, которые она действительно несла людям. И если Сергей Кара-Мурза говорит, что перестройка была «демонтажом народа», то означает ли это, что советский, левый тоталитаризм, то есть единовластие, государственное крепостничество, право государства вмешиваться в личную жизнь, навязывать убеждения, соответствовал менталитету русского народа? В том-то и дело, что все нынешние проповедники особой русской цивилизации, в том числе и Патриарх Кирилл, не учитывают, что на самом деле социалистическая солидарность в труде (до 1917 года труда, организованного в национальном масштабе не было и быть не могло) была не результатом свободного выбора, а особой системой государственного принуждения к труду.

И вообще, если сталинская система была реализацией русского культурного кода, то надо признать, что на самом деле никакого русского культурного кода не было, ибо сталинская система до малейших деталей оказалась воспроизведена и в албанском социализме времен Анвара Ходжи, а сегодня процветает в стране внука Ким Ир Сена. Чем не советская система? Всеобщее равенство скромного достатка, временами переходящего в голод. Мобилизационная экономика, стимулируемая очередными идеологическими кампаниями, жизнь и работа в коллективе и только во имя государства. Я бы лично советовал авторам книги «Цивилизационно-ценностные основания экономических решений» и прежде всего руководителю этого коллектива В. И. Якунину внимательно изучить организацию труда в Север-

Здесь он ссылается на члена Исполкома, который позже в своих воспоминаниях писал, что «поражающей чертой в личном составе комитета является значительное количество инородческого элемента. Евреи, грузины, латыши, поляки, литовцы были представлены совершенно несоразмерно их численности и в Петрограде, и в стране» (А. И. Деникин. Очерки великой смуты. М., Айрис-Пресс, 2003. С. 218–221.)

ной Корее. Ведь там есть все, что он, а теперь и Патриарх Кирилл, и все руководство ВРНС считают принадлежностью русского культурного кода. Материальное стимулирование практически под запретом, «идейно-духовный фактор хозяйствования» ставится во главу угла, «нетрудовые люди» не только оцениваются в качестве «негосударственного элемента», а вообще уничтожаются. И самое главное – расправа вождя над своим родным дядей, над своими собственными двоюродными братьями и сестрами, произошедшая несколько дней назад. Внук Ким Ир Сена уже вошел во вкус борьбы с «врагами социализма», начал и свой 1937 год, правда, в «скромных масштабах», приговорив к смерти всего 200 человек из ближайшего окружения своего деда. Все точь-в-точь, как у нынешнего любимца проповедников особой русской цивилизации, все по-советски, по-сталински.

Само собой разумеется, что все простые люди в Северной Корее «ведут нестяжательский образ жизни» и осуждают стяжательство. И самое главное. Неудобные вождю называются врагами народа и уничтожаются на корню, до третьего колена. Сталин в этом отношении был милосерднее, чем любимый нашими «верными ленинцами» внук Ким Ир Сена. Он все же детей «врагов народа» не убивал.

Конечно, если все тезисы учения об особой русской цивилизации, говорящего, что Горбачев и все мы, перестройщики, якобы убили настоящую, подлинную Русь, довести до логического конца, то это попахивает абсурдом. Нигде в классической русской литературе нет типажа, который бы соответствовал тому образу русскости, который воссоздают сегодня в своих текстах сторонники особой русской цивилизации.

Но мы живем в эпоху, когда на смену марксистской мифологии (которая могла сохранять правдоподобность до появления русского коммунизма, до нашего коммунистического эксперимента) приходит идеология откровенного абсурда, приходит идеология, утверждающая, что на самом деле русские – это недолуды, ибо им не дано то, что было дано всем другим европейским народам, не дано быть свободными, не дано наслаждаться жизнью, достатком и, самое главное, не дано право на личный успех.

И самое главное в моей полемике со сторонниками учения об особой русской цивилизации. Как совместить реальную историю прихода к власти большевиков (и, что не менее важно, реальную историю удержания большевиками власти, захваченной в Петрограде в октябре 1917 года), и, самое главное, реальную историю социалистического строительства в СССР, создания колхозного строя, наконец, реальную низкую экономическую эффективность советской экономики, и прежде всего советского аграрного сектора, с учением об особой русской «солидарной», коллективистской цивилизации. Так и хочется спросить его адептов: почему так много людей надо было убить, посадить в тюрьму, чтобы создать систему, которая якобы соответствует их национальному характеру? Может быть, та русская нация, которая возникла в результате социалистического строительства и которая, вполне возможно, свыклась с «социалистической системой», имеет мало общего с той русской нацией, которая оказалась в окопах Первой мировой войны и отчаянно сопротивлялась попыткам большевиков перейти к коммунистической организации труда.

*Существуют тысячи аргументов, доказывающих, что советский строй не был результатом сознательного, добровольного выбора русского человека, а тем более сознательным выбором образованной России. Но самым убийственным аргументом, противоречащим утверждению, в частности Всеволода Чаплина и Александра Рудакова, будто колхозный строй соответствовал русскому православному идеалу, является тот факт, что все шестьдесят лет его существования советский крестьянин на своем клочке земли работал в десять раз более усердно и с большей отдачей, чем на колхозном поле. Все-таки для русского и не только русского крестьянина работать *на себя* было несравненно ближе, чем работать «на дядю», на государство вообще.*

Изложенная выше концепция русскости, особой русской цивилизации, провоцирует десятки вопросов, которые старательно избегают ее сторонники, избегают, чтобы сохранить хотя бы видимость правдоподобности своей концепции. Если, как настаивают идеологи особой русской цивилизации, все, что любо западному человеку, а именно свое собственное «я», отдельное от коллектива, личная свобода, достаток, личный успех, собственность, личное счастье, право самому распоряжаться своей единственной жизнью, чуждо русскому человеку, то почему в классической русской литературе за сто лет ее дореволюционного существования не нашлось места ни для одного якобы подлинно «русского» персонажа. Сплошь и рядом «западные типы», озабоченные судьбой своего «я». Только в советской литературе, в романе Николая Островского «Как закалялась сталь» появляется герой Павка Корчагин, который олицетворяет то, что, к примеру, Сергей Кара-Мурза называет русским архетипом. Так, может, на самом деле то, что Сергей Кара-Мурза, Всеволод Чаплин, Александр Рудаков называют русским культурным кодом, есть лишь идеал советского человека, созданный советской пропагандой? *И вообще не опасна ли для нас сегодня нынешняя модная «антиперестроечная», «солидарная» русскость, где даже у Патриарха не нашлось места для таких понятий, как «совесть», «свобода», «сострадание», «счастье», «успех».* Ведь на самом деле образ русскости, создаваемый ныне вслед за Николаем Данилевским идеологами особой русской цивилизации, вступает в конфликт не только с ценностями европейской цивилизации, либерально-буржуазной цивилизации, но и в конфликт с природой человеческой культуры, с природой творчества, отличающего человека от животного мира. Ведь творчество, стремление к совершенству, к саморазвитию предполагает обособленность «я» от коллектива, желание подчеркнуть свою уникальность, создать то, что не могут создать другие. Ведь на самом деле даже в конкуренции, которую идеологи особой русской цивилизации выводят за рамки нашей нации, заложена все та же человеческая страсть к успеху, к самореализации. И, честно говоря, уже совсем трудно совместить реальную историю зарождения и становления того, что Сергей Кара-Мурза называет «советским строем», с учением об особой русской цивилизации. Все дело в том, что если бы советский строй был бы действительно реализацией русской мечты, то не было бы необходимости в том беспрецедентном насилии, которое сопровождало всю историю строительства социализма в СССР.

Далее. Если рыночные, конкурентные отношения по природе противны русскому человеку, то почему так быстро и стремительно развивался капитализм в России, в том числе и в земледелии, в двадцатилетнюю эпоху Николая II? Почему еще в 1916 году Ленин отвергал возможность пролетарской социалистической революции даже в отдаленном будущем? Если коммунистический общинный коллективизм лежит в основе русского и прежде всего крестьянского культурного кода, почему большевики шли к власти не на своих коммунистических лозунгах, а на шкурном, мелкобуржуазном лозунге «черного передела», соблазняя крестьян лишним куском земли? Насколько верно, насколько соответствует историческим фактам утверждение Сергея Кара-Мурзы, что Ленин, большевики в своей преобразовательной деятельности руководствовались не марксизмом, а требованиями так называемого русского культурного кода? И вообще, есть ли в том, что Сергей Кара-Мурза называет «русским культурным кодом», что-то особенное, специфическое, чего не было у других арийских народов (и прежде всего потребность в равенстве)? А как быть с левеллерами эпохи английской революции, с бабувистами?

И далее просто кричащие факты, которые очень трудно как-то совместить, примирить с утверждением Сергея Кара-Мурзы, что советская система была естественным, добровольным выбором русского трудового народа. Речь идет прежде всего о тех человеческих жертвах среди русского населения, которыми сопровождалось установление якобы народного русского, «советского строя» в России. Если бы советский строй действительно был русской мечтой, то не нужен был бы беспрецедентный красный террор, который унес по разным

оценкам от 1,6 млн. до 2 млн. человек. И самое главное, что среди жертв этого красного террора преобладающая часть за крестьянами и рабочими, которые якобы всей душой были за коммунизм, за строй братства и солидарности. Если бы советский строй был действительно свободным выбором русского народа, то, наверное, не было бы нашей кровавой, жестокой гражданской войны 1918–1922 годов. И именно у русских, у русских крестьян, культурный код которых якобы основан на максиме «человек человеку брат», брат шел на брата, брат убивал брата, а иногда и своего отца.

Во время подавления тамбовского восстания 1920–1921 годов новая советская власть расстреляла, умертвила газами по разным оценкам от 70 до 90 тысяч крестьян. Всего жертвами красного террора по британским данным было 815 тысяч крестьян, 193 тысячи 290 рабочих. В стране с июля 1918 года по февраль 1922 года действовало 610 чрезвычайных комиссий разного уровня, которые занимались интенсивным террором якобы во имя утверждения русского культурного кода. Против казаков-крестьян применялся геноцид в точном смысле этого слова. В начале 1920 года было истреблено около 130 тысяч уральских казаков. Весной 1921 года, во время подавления Западносибирского крестьянского восстания было расстреляно 75 тысяч крестьян.

Я напоминаю о жертвах войны советской власти с восставшими против нее русскими крестьянами не для нагнетания эмоций, а для определения смысла, содержания понятий, которыми оперируют у нас сегодня сторонники особой русской, общинной, коммунистической цивилизации. При анализе реальной истории становления «советской системы» возникает, как я уже пытался показать выше, целый ряд вопросов философского, методологического свойства, и без ответа на них нельзя определить ни природу русскости, ни исторический смысл перестройки, ни содержание проблем, которые решает сегодняшняя посткоммунистическая Россия, и которые откровенно игнорируют нынешние последователи учения Николая Данилевского об особой русской цивилизации.

Я не говорю об очевидном, о том, что для сохранения правдоподобности учения об особой коллективистской русской цивилизации уже ее основателю приходилось вступать в конфликт с правдой, с научной совестью. Все дело в том, что учение об особой славянской цивилизации в точном смысле этого слова Николаю Данилевскому так и не удалось создать. Это знали и понимали и многие его современники, к примеру, Владимир Соловьев. Об этом я пишу более подробно в разделе книги, специально посвященном критике учения Николая Данилевского. А после нашего страшного русского XX века его последователям приходится просто врать, третировать правду нашей советской истории. Но я сейчас не об этом.

Сейчас я о том, где все же искать природу, корни русскости. В программе большевиков, которая воплощалась в жизнь с помощью беспрецедентного в истории человечества насилия, или в требованиях русских крестьян, которые, как известно, не приняли ленинскую программу создания трудовых коммун, ленинский проект организации труда на земле в национальном масштабе? И здесь возникает до сих пор не только не исследованная, но и не осознанная проблема. Какому из двух, трех русских проектов, с которыми пришла наша страна к 1917 году, больше всего соответствовала перестройка Горбачева? Спор о перестройке сегодня неизбежно превратился в спор о природе русскости. Ни Горбачев, ни его команда, начиная свои демократические перемены, не имели об этом ни малейшего представления. Правда, спор о перестройке – это спор не о нынешней природе русскости, которая возникла в результате социалистической переделки русского человека, о а той природе русскости, которая существовала и жила накануне 1917 года.

Что получится, если мы лишим русскость всех тех, кто, как я, считает, что русская культура является неотъемлемой частью европейской, христианской цивилизации? От русскости в духовном отношении мало что останется, если мы выведем за ее рамки и русскую литературу, и русскую общественную мысль, которые создавались под непосредственным

влиянием общей европейской культуры! И вообще, можно ли использовать понятия «*национальный проект*», «*национальная идея*» применительно к учениям и настроениям отдельного класса, даже если он составляет половину населения страны? Можно ли говорить о национальном проекте применительно к нации, которая, как известно, к 1917 году не сформировалась, а состояла из двух наций, образованной России, составляющей меньшинство, и большинства неграмотного крестьянства?

Если даже идея всеобщего полного равенства, характерная для беднейшего крестьянства, есть сердцевина русскости (что, как я попытаюсь показать в книге, является весьма спорным утверждением), то имеем ли мы право навязывать остальной, успешной и образованной России чуждые ее устремлениям и психологии ценности и идеалы. Ведь на самом деле образованная Россия, за исключением нескольких тысяч членов РСДРП, не проявляла интереса к идеям коммунизма. Даже если беднейшее крестьянство рвалось в то, что им предлагал во время военного коммунизма Ленин, в «коммунию» (что, повторяю, не соответствует действительности), как быть с правами тех, кто жил и работал в рыночной экономике, кто хотел свободной торговли и добивался в ней успеха?

И вообще, имеем ли мы право применять понятие нации при определении настроений, мировоззрения одного из классов, даже если он в количественном отношении составляет большинство? Хотя и здесь проблема. К моменту революции 1917 года, если верить тем данным, которые приводит Сергей Кара-Мурза, бедняки все же составляли немного меньше половины населения. Чем отличается методология Сергея Кара-Мурзы, который пытается вывести всеобщее, национальное из интересов одного отдельного класса, от марксизма? Понятно, что ничем. И тут и там – неохристианская идея, что правда и благодать за убогими. Но как быть тогда с русской идеей, которая, с его точки зрения, не имеет ничего общего с идеалами марксизма и самим марксизмом!

Что следует из утверждения Сергея Кара-Мурзы, будто образованная Россия, ее высшие сословия, включая интеллигенцию, деятелей культуры, к моменту революции 1917 года уже не несли в себе идей и стимулов к развитию страны? Ведь за этим утверждением стоит классовый расизм, ничем не отличающийся от нацистского расизма. Марксистская идея деления общества на классы, у которых есть будущее, и на так называемые «отжившие классы» на самом деле является призывом к убийству тех, кому коммунисты не имеют, что сказать.

Ответом на эти вопросы и является вся композиция предпринятого мной исследования. Первую, как бы утвердительную часть своей книги я как раз и хочу посвятить доказательству того, что перестройка, демонтаж тоталитарных основ советской, ленинско-сталинской системы соответствовал и ожиданиям, надеждам образованной России, выдающихся деятелей ее дореволюционной культуры, и ожиданиям, надеждам подавляющей части уже советской интеллигенции. Здесь я попытаюсь показать, что в самой идее гласности есть многое от того, что Семен Франк называл русским пониманием правды и истины. На мой взгляд, проект Горбачева потому и был русским национальным проектом, что соответствовал на протяжении семидесяти лет ожиданиям наиболее образованной, талантливой России. Кстати, никто из тех, кто желал демократизации советской системы и, как мог, этому способствовал, не думал о якобы существующих различиях между русскими «базовыми ценностями» и «заемными западными ценностями». Интеллигенцией социалистических стран Восточной Европы, как и советской шестидесятилетней интеллигенцией двигало прежде чувство совести, чисто инстинктивное отторжение от зла, от насилия, от чудовищной, противоестественной жестокости сталинской эпохи, от многих очевидных абсурдов советской системы. В книге я пытаюсь показать то, о чем многие сегодня забыли: политика гласности, перестройка Горбачева была еще и ответом на кризис, прежде всего моральный, идеологический, который на самом деле сопровождал всю историю социализма в странах Восточной Европы.

Я пытаюсь доказать, что демонтаж советской модели был не «демонтажом русского народа», как настаивают нынешние последователи Николая Данилевского, а реализацией духа, ценностей русской культуры, ее человеколюбия и свободолюбия, ее христианской православной сущности, ее потрясающего гуманизма. *И в этом смысле я настаиваю на том, что перестройка Горбачева была русским проектом, ибо за ней стоял прежде всего гуманизм, пронизывающий всю русскую культуру, всю русскую общественную мысль.* И восприятие советской системы, к примеру, авторами сборника «Из-под глыб» на самом деле ничем существенным не отличается от ее восприятия выдающимися деятелями русской литературы и русской общественной мысли, оказавшимися после окончания гражданской войны в эмиграции. Кстати, сборник «Из-под глыб» – уникальный пример духовной, ценностной преемственности между русской общественной мыслью, оказавшейся после гражданской войны в эмиграции, и советской антикоммунистической интеллигенцией. И совсем не случайно Александр Солженицын свою статью «Образованщина» начинает с рассказа об основных идеях «Вех».

Кстати, мое собственное мировоззрение, мой собственный взгляд на истоки и природу советской системы, есть одно из свидетельств существования преемственности в развитии русского духа, русской общественной мысли, преемственности между тем, как видели советскую, большевистскую систему свидетели ее зарождения (речь идет о русских мыслителях начала XX века), и мы, та часть советской интеллигенции, которая в силу случая оказалась погруженной душой, мыслями в ту русскость, которую несли в себе лучшие, наиболее талантливые представители дореволюционной русской общественной мысли. Кстати, сам факт, что мы, советские люди первой половины 60-х, в данном случае я говорю о себе, восприняли правду врагов большевизма как свою личную правду, говорит о силе русского гуманистического чувства, русской любви к человеку, которая все же не угасла, несмотря на все усилия советской системы по переделке духовной природы русского человека. Такие, как я, а их было немало, кто с юности, со студенческих лет воспринимал советскую систему как нечто противоестественное, противное идеалам гуманизма, просто выражали инстинкт самосохранения нации как целостности. Не больше и не меньше.

И конечно здесь я просто был обязан показать онтологию, человеческое содержание того, что мы называем перестройкой. Я был вынужден показать то, что сегодня не принимают во внимание или преднамеренно игнорируют критики перестройки, а именно качественные различия между мировоззрением Горбачева, который, по крайней мере, в первые годы перестройки не выходил за рамки шестидесятнических требований демократизации социализма, и мировоззрением команды Ельцина, которая действительно с самого начала настаивала на полном демонтаже и советской экономики и советской политической системы. На самом деле перестройка в начале была лишь попыткой второго издания пражской весны.

В первой части книги я пытаюсь показать, что советская философия в лице ее лучших представителей уходила от официального марксизма-ленинизма точно так, как порывала с коммунистической идеологией почвенническая литература, путем реабилитации христианских, православных ценностей, реабилитации чувства сострадания, совести. В силу своего личного жизненного опыта я имею также возможность рассказать, как уходила в идеологии от советской модели Польша времен «Солидарности».

Вторую часть книги я целиком и полностью посвящаю критике и опровержению учения об особой русской коллективистской цивилизации в том виде, как она была впервые сформулирована, и в том виде, как она уже интерпретируется, в частности, в книге Сергея Кара-Мурзы «Крах СССР», в статье Всеволода Чаплина и Александра Рудакова «О Боге, человеке и цивилизации». Этот раздел книги я начинаю с опровержения тезиса проповедников учения об особой русской цивилизации, тезиса о том, что Ленин и соответственно Троцкий руководствовались во время революции и гражданской войны не марксизмом, а требо-

ваниями русского культурного кода, не марксистским идеалом, а идеалами русского народа. Если я докажу, что все же Ленин, а позже Сталин воплощали в жизнь учение Карла Маркса о первой фазе коммунистической формации, а не требования русского культурного кода, то тем самым я смогу показать, что на самом деле перестройка была запоздалой контрреволюцией. Далее логика исследования требует доказать, что нельзя было воплощать в жизнь то, чего на самом деле не было, а все эти мифы и гипотезы о русской цивилизационной особенности – от утраты веры в себя. В этой главе я обращаю внимание на исходный национальный нигилизм и национальное пораженчество самого учения об особой русской цивилизации. Естественно, я был вынужден, опираясь на работы Владимира Соловьева, показать, почему с самого начала учение Николая Данилевского не имело под собой исторической и фактологической почвы, имело чисто эмоциональное происхождение. Далее при исследовании причин победы большевиков в гражданской войне я обращаю внимание на те особенности русского национального сознания, которые прямо противоречат мифу о коллективистской природе русской души, но которые умело эксплуатировали в своих политических целях большевики. Все это заставляет меня снова рассказать правду о реальной душе и реальных устремлениях русского крестьянина, как она была описана до революции во всех серьезных исследованиях, посвященных этой проблематике. Здесь же я пытаюсь показать истоки происхождения мифа об особой коллективистской природе русского человека, якобы пренебрегающего экономическими стимулами к труду и предпочитающего соборный, коммунистический труд. Далее я попытаюсь доказать, что на самом деле советский строй был не выбором русского трудового народа, а реализацией на русской почве марксистского учения о диктатуре пролетариата. И, следовательно, как я пытаюсь показать в книге, вся история строительства социализма в СССР была историей беспрецедентного насилия над Россией и русским человеком. Ничто так не обнажает ложь учения об особой русской коллективистской цивилизации, как история создания и жизни советского колхозного строя. Именно путем выявления черт, которые родственны и советской системе и гитлеровской Германии, я пытаюсь показать, что советская система, как и нацистская, была на самом деле западным проектом, вызвана общим кризисом западной, европейской цивилизации. И здесь, в заключительных разделах книги, я пытаюсь объяснить причины зарождения учения об особой русской цивилизации, которое ведет к реабилитации преступлений сталинской эпохи и на самом деле является рецидивом сталиномании.

Часть первая

Глава I

Перестройка Горбачева как революция сверху

§ 1. Политика «гласности» как праздник «Правды-истины» по-русски

Когда погибла «советская система»? Это произошло еще в 1989 году, как только «контрреволюционная литература», и прежде всего воспоминания российской интеллигенции о революции, о гражданской войне, переместились из спецхранов на полки книжных магазинов, на страницы «Нового мира». И тогда образованные советские люди увидели, что практически вся интеллектуальная, культурная элита России не приняла ленинский Октябрь, восприняла все произошедшее, и прежде всего победу большевиков, как национальную катастрофу, а созданный ими строй как уродство, как нечто противоестественное, противное не только здравому смыслу, но и природе человека. «Окаянные дни» Ивана Бунина, «Несвоевременные мысли» Максима Горького, «Петербургские дневники 1914–1919 годов» Зинаиды Гиппиус, «Дневник 1917–1921. Письма» Владимира Короленко, «Очерки великой смуты» Антона Деникина, «Маска и душа» Федора Шалапина. И, может быть, самое главное – размышления о революции, об античеловеческой сути большевизма Николая Бердяева, Семена Франка, Петра Струве, Георгия Федотова, Федора Степуна. И ничего, абсолютно ничего не осталось в сознании читающей, думающей советской интеллигенции от скреп марксистско-ленинской идеологии, от того образа русской истории и образа социалистического строя, который десятилетиями внедрялся государственной пропагандой, учебниками истории КПСС.

Оказалось, что истина и правда у тех, кто был под запретом, кто, как Николай Бердяев, утверждал, что «коммунизм есть борьба против духа и духовной жизни», что «его моральные последствия более ужасны, чем последствия государственные, правовые и экономические, они будут длительные». Самое страшное состоит в том, писал Николай Бердяев, что русские люди вместе с привычкой к советскому строю «привыкают к рабству, им более не нужна свобода, они предали свободу духа за внешние блага. Черное чувство зависти становится определяющей силой мира».²⁸ И самое важное случилось, когда люди поняли: ничего более ужасного, чем советский тоталитаризм, советская система подавления прав и свобод личности, в истории Европы не было. Это оказалось для многих страшной правдой, взорвало фундамент веры в то, что советский человек является самым свободным человеком в мире. Во всех этих воспоминаниях о революции и о первых годах советской власти рефреном звучала мысль Семена Франка, что «никогда не было такого общества, в котором бы вся жизнь личности была бы так безраздельно подчинена государству», что «до русского коммунизма во всемирной истории не было такого деспотизма, который, с одной стороны, втягивал всю жизнь подданных в орбиту своей власти и пытался по общим принципам регулировать ее».²⁹

Ни Горбачев, ни его ближайшее окружение, кроме разве что Александра Яковлева, не понимали, что их политика гласности, вернувшая советскому, русскому человеку все бога-

²⁸ Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое Средневековье. – М., Канон, 2002. – С. 279–280.

²⁹ Франк С. Л. Русское мировоззрение. – СПб, Наука, 1996. – С. 139–140.

тейшее наследие русской общественной мысли, была не реализацией идеалов пражской мечты, попытки Дубчека и его окружения соединить советскую модель социализма с демократией и Правдой, а реализацией мечты, надежды подавляющей части российской интеллигенции, цвета российской нации на то, что Правда в конце концов вернется к русскому народу, и, самое главное, освободит русский народ от советской власти. Тем более, как доказывал в своих статьях о сущности русского мировоззрения тот же Семен Франк, на самом деле «как таковой коммунизм», учение о централизованной организации всей общественной жизни на основе обобществленных средств производства «фактически не имеет никаких национально-исторических корней в русской народной жизни и в русском понимании».³⁰ В то же время, настаивал Семен Франк, либеральная идея, идея свободы как порождение христианства будет в конце концов ближе русскому человеку, который ненавидел все формы самодержавия. Не могу здесь, в самом начале книги, не сказать, что все выдающиеся русские мыслители начала XX века (потом, после 1922 года – «русские мыслители в изгнании»), подобно Семену Франку, считали, что идея коммунизма как идея общественного труда в национальном масштабе была чужда русской психологии и русскому национальному характеру.

Семен Франк задолго до перестройки Горбачева видел, что рано или поздно русский человек поймет: советская система на самом деле является новой формой ненавистного ему самодержавия и ненавистной ему крепостной зависимости. До сегодняшнего дня многие у нас в России не понимают (речь идет прежде всего о критиках перестройки Горбачева, о которых я говорил во Введении), что на самом деле коммунистическая идея в том виде, в каком она выражена в учении Карла Маркса, не имеет ничего общего с христианством. Выводить «советский строй» вместе с его колхозами, как это делает, к примеру, протоиерей Чаплин, из христианского идеала может только человек, не имеющий никаких представлений ни о сути христианства, ни о сути учения о коммунизме. Я в данном случае имею в виду замечание Всеволода Чаплина и Александра Рудакова, высказанное ими в статье «О Боге, человеке и цивилизации. России нужно единство “правого” и “левого”. Ответ Александру Ципко», что «даже столь нелюбимые господином Ципко колхозы, при всех ужасах коллективизации, не были бы приняты людьми, если бы их идея не отражала христианского идеала». Ничего, кроме второго издания русского крепостничества, за колхозом не стояло. Это, кстати, признавал и сам Сталин. Только путем внеэкономического принуждения к труду на земле можно было выстоять в условиях противостояния с враждебным, капиталистическим Западом.

Но все дело не только в том, что убеждение всех нынешних врагов перестройки Горбачева и поклонников учения об особой русской, якобы коллективистской цивилизации, что якобы русский человек «принял» по зову сердца советскую систему, является откровенной, все еще *советской* ложью (доказательству чего посвящена целая глава в книге), но и в том, что на самом деле, вопреки широко распространенному мнению, идея марксистского коммунизма не имеет ничего общего с христианством.

Один из основателей русской религиозной философии начала XX века, которой якобы гордится нынешнее руководство РПЦ (речь идет о Семене Франке), объяснял, что на самом деле «демократия как либеральная идея имеет, как известно, религиозное происхождение: она связана с принципом прав человека и политической свободой, а не с господством народной и личной воли в ее природной сущности, вне связи с высшими, абсолютными ценностями; она ограничивается здесь идеей неприкосновенности личной свободы, а эта последняя идея имеет религиозное происхождение. Напротив, социализм – не в его компромиссной форме (социал-демократия), а в его чистой сущности – в коммунизме, является действи-

³⁰ Франк С. Л. Русское мировоззрение. С. 142.

тельно последовательным проведением принципа неограниченного самодержавия природной человеческой воли, которая необходима, в то же время, включает в себе отрицание всякой действительной человечности (именно как высшего принципа, потому что человечность покоится на богоподобии человека и его покорности Богу)».³¹

В том-то и дело, что перестройка Горбачева соответствовала русскости не только потому, что она была осуществлением мечты всей русской элиты в точном смысле этого слова (не забывайте, что Александр Блок, воспевший Октябрь в своем стихотворении «Двенадцать», уже через год проклял большевизм и начал просить о праве на выезд из большевистской России), но и в том, что она своим стремлением к свободе личности и к Правде соответствовала и идеалам гуманизма и идеалам христианства. Горбачев, как я точно знаю, исповедует христианство как заповеди Христа, и прежде всего «Не убий». А потому он, в отличие от того же иерарха РПЦ Всеволода Чаплина, всегда, еще со времен своей комсомольской юности, о чем рассказывал мне лично, воспринимал «ужасы коллективизации» как нечто изначально аморальное, античеловеческое, всегда был последовательным антисталинистом прежде всего по моральным соображениям.

Таким образом, если вы согласитесь с тем очевидным фактом, что нельзя себе представить русскость, русскую нацию, русскую мечту без русской дореволюционной интеллигенции, без тех, кто был вынужден покинуть большевистскую Россию, или тех, подобно пассажирам «философского парохода», был выслан из России, то вы будете вынуждены признать, что политика «гласности», демократические реформы Горбачева, при всей их спонтанности, были самым что ни на есть русским проектом. Даже характерная для отцов перестройки, для Михаила Горбачева, Александра Яковлева (о чем я знаю из личного общения с ними) жажда правды о марксизме, о гражданской войне, жажда правды, которая на самом деле угрожала их собственной власти (к примеру, Яковлев это осознавал еще в самом начале перестройки), была чисто русской страстью. *Правда во что бы то ни стало, даже если она своим потоком разоблачений снесет и меня, и всю страну.* Поразительно. Но эта разрушительная по своим последствиям страсть обнародовать правду, сказать вслух о том, о чем десятилетиями нельзя было сказать в СССР, сидела не только во мне, слывшим в досье КГБ «антисоветчиком», но и в сознании Михаила Горбачева, и особенно Александра Яковлева. И, как я знаю, Александр Яковлев до конца жизни гордился тем, что они вместе с Горбачевым устроили для России этот праздник Правды. Понятно, что чем длительнее, крепче был запрет на Правду, тем сильнее было желание сломать все, что стояло на пути к ней. На самом деле перестройка как политика гласности была реализацией принципа «Не лгать! Не участвовать во лжи! Не поддерживать ложь», сформулированного Александром Солженицыным в статье «Образованщина», опубликованной в самиздатовском сборнике «Из-под глыб» в 1974 году, всего за 15 лет до падения идеологической цензуры в СССР.

Перестройка Горбачева со своей политикой гласности была криком русской души от длительного запрета на Правду. Советская система погибла не только потому, что КГБ устал нести в своих руках карающий меч революции, но и потому, что душа русская устала от лжи.

И если бы нынешние критики перестройки Горбачева, все те, кто, подобно Сергею Кара-Мурзе, считают, что он своими реформами «уничтожил русский народ» (Всеволод Чаплин считает, что Горбачев, как и Хрущев, увел Россию от сталинского «подлинно русского пути»), имели бы, а более точно – хотели бы иметь хоть малейшее представление о русском национальном характере, о русской душе, то они увидели бы: эпоха перестройки со всеми своими отступлениями от здравого смысла была типично русским проявлением, криком русской души, и в этом смысле от начала до конца была русским проектом.

³¹ Франк С. Указ. соч. С. 142–143.

Как я точно знаю, Михаил Горбачев не читал самиздатовскую литературу, не знал, к чему призывал Александр Солженицын в своих статьях, вошедших в сборник «Из-под глыб». Когда уже в октябре 1988 года я предложил помощнику Горбачева Георгию Хасроевичу Шахназарову передать от меня шефу для домашнего чтения совсем невинные с моей точки зрения «Несвоевременные мысли» Максима Горького, то Шах отказался, сославшись на то, что Михаил Сергеевич не любит «антикоммунистическую литературу», что он в последнее время предпочитает читать Георгия Валентиновича Плеханова. Как рассказывал мне позже, уже в 90-е, сам Горбачев, в то время борьба за умонастроения велась между, с одной стороны, левыми, тяготеющими к социал-демократии, меньшевизму, тем же Шахназаровым и Вадимом Медведевым, и откровенным антикоммунистом и антимарксистом Александром Яковлевым. Как рассказывал мне Горбачев, именно для него предназначались на самом деле записки об изначальном утопизме марксизма, которые я писал по просьбе Александра Яковлева. Честно говоря, мне думается, что Горбачев позиционировал себя в 90-е антикоммунистом и антимарксистом уже задним числом, вслед за произошедшей антикоммунистической революцией 1991 года.

Но парадокс, мистика русской истории состоит в том, что Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев, конечно, неосознанно, своей политикой гласности отвечал на запрос прежде всего оппозиционной интеллигенции. Если посмотреть на перемены в идеологии, в политической системе глазами авторов сборника «Из-под глыб», и прежде всего глазами Александра Солженицына, то перестройка была чудом, которое никто не ожидал. Как я уже писал во Введении к книге, никто из оппозиционной интеллигенции еще в середине 70-х не ожидал, что пройдет всего пятнадцать лет, и ненавистная советская система с ее многочисленными запретами рассыплется как карточный домик. В своей статье «Образованщина» в упомянутом сборнике Александр Солженицын обрушился с критикой на Григория Померанца, который, с точки зрения Александра Исаевича, потерял чувство реальности и в своем письме к XXIII съезду КПСС предлагал создать «ассоциацию интеллигентского ядра», обладающего независимой прессой, создать своеобразный теоретический центр, дающий советы ЦК КПСС и советскому правительству. Александр Солженицын настаивал, что не надо ждать свободы «как внезапного чуда, которое без наших усилий вдруг выпадет нам», что это чудо невозможно, ибо «мы сами ничего не делаем для завоевания той свободы».³²

Александр Солженицын, пытающийся в упомянутой статье перебросить мост между идеями и настроениями «Вех», между настроениями и ценностями предреволюционной интеллигенции и миром советской интеллигенции 60-х и 70-х, не учел, что усталость от надоедливой лжи рождает иррациональный запрос на правду. И, самое главное, он не учел, что этот инстинктивный запрос на правду может проникнуть и в душу того, что он называл «административно-партийным центром». Он не учел того, о чем предупреждал еще Федор Достоевский: русское своеволие не считается ни с каким интересом, русское «что хочу, то и ворочу» всему голова.

Достали, и весь сказ. В этом смысле перестройка как политика гласности, как реабилитация правды сейчас, сразу и до конца, была типично русским по духу явлением.

Семен Франк, посвятивший, как и Николай Бердяев, много лет изучению того, что они называли «русским мировоззрением», писал; «Русский дух не знает середины: либо все, либо ничего – вот его девиз».³³ Если политика гласности, политика правды, *то правды до конца, до самых ее глубин*, пусть даже она может взорвать основы твоей собственной власти. Истина сама по себе, как объяснял Семен Франк, не очень волнует русского человека, еще меньше его интересуется относительная истина, истина, которую надо получать порциями.

³² Из-под глыб. Сборник статей. – УМСА-PRESS, 1974. – С. 223.

³³ Франк С. Указ. соч. С. 184.

Русскому человеку нужна не истина, а Правда, причем Правда сразу и до конца. «“Правда” для русского человека означает и истину, и моральное и естественное право».³⁴

Надо учитывать и то, чего не мог знать Семен Франк, не проживший, как все мы, советские интеллигенты, десятилетия в условиях советских запретов на правду: чем сильнее был запрет на истину как Правду, чем сильнее была страсть «жить не по лжи», как писал Александр Солженицын, тем меньше был страх перед возможными последствиями саморазоблачения советской власти ее же вождями. Перестройка не могла быть похожей на постепенные китайские реформы, где все взвешивается до аптекарской точности, ибо у нас другая, не китайская, а русская душа, душа, которая не терпит постепенности, которая жаждет всего и сразу. На этом же выиграл Ельцин у Горбачева, пообещав, в отличие от последнего, в экономике все и сразу.

Люди, которые сегодня живописуют различного рода заговоры, якобы стоявшие за перестройкой Горбачева, видят в ней «проекты Запада», проекты врагов русского народа, абсолютно ничего не хотят знать о подлинных не только экономических, но и морально-психологических причинах, стоящих, к примеру, за политикой «гласности». Кстати, сам призыв к «гласности», само это слово зарождается в России в эпоху Александра III как требование права на свободу мысли.

Но все дело в том – я опять же знаю из опыта общения и с Михаилом Горбачевым, и с Александром Яковлевым, и даже с Вадимом Медведевым (хотя, в отличие от двух первых, он был куда более закрыт, куда более догматичен по структуре мышления), что и они трое были не только руководителями страны по воле случая, но и советскими интеллигентами, которые за свою жизнь устали от лжи советской идеологии, которые знали, что марксизм во многом утопичен, что на самом деле советская экономика по определению не может быть более эффективной, чем капиталистическая. Даже якобы догматик Вадим Медведев уже в начале 1988 года давал мне задание (правда, с очень осторожными формулировками) проанализировать теорию марксизма на ее *актуальность, отделить то, что уже умерло*, что относится к середине XIX века, от того, что *еще актуально, живо*. Уже Вадим Медведев, готовивший при помощи других консультантов, того же Юрия Мушкетерова, статью об актуальности «социал-демократической идеи», на самом деле признавал нежизненность большевистской, ленинской интерпретации марксизма.

А Александр Яковлев во многом под влиянием своего сына, сотрудника Института философии АН СССР, использовал свою власть для публикации сначала наследия философов-антикоммунистов, так называемых отцов религиозной философии начала XX века, публикации «Вех», сборника «Из глубины», а затем в журналах началась публикация дневников русских писателей, разоблачающих зверства большевистской власти. И все это, как я позже узнал, осуществлялось при поддержке Горбачева.

Мало кто знает, что на самом деле противницей реабилитации антикоммунизма была только Раиса Максимовна Горбачева, которая, как женщина, чувствовала, чем закончится вся эта «гласность» для ее мужа. Она была заединщицей с моим бывшим шефом, помощником Горбачева Георгием Хасроевичем Шахназаровым, коммунистом-романтиком, в негативной оценке моих статей, опубликованных под названием «Истоки сталинизма» в 1988–1989 годы в журнале «Наука и жизнь». Как объяснял мне позже Александр Яковлев, он бы так и не отпустил меня уже весной 1990 года назад в ИЭМСС АН СССР на освободившуюся должность зам. директора, если бы не Раиса Максимовна, которая убедила в конце концов Горбачева, что «антикоммунист» Ципко своими убеждениями «дискредитирует» его самого, то есть Генерального секретаря ЦК КПСС. И она была по-своему права.

³⁴ Там же.

§ 2. Ничего личного, горбачевского в идеологии перестройки не было

Вначале в идеологии перестройки не было ничего революционного, антикоммунистического. Горбачев сознательно или подсознательно принадлежал к тем, кто, по словам того же Александра Солженицына, «привыкал к советской лжи с мыслью «идеи революции были хороши, да извращены» и кто, по его словам, тешил себя надеждой, что режим вот-вот выздоровеет, вот-вот изменится к лучшему, и теперь-то наконец сотрудничество с властью получит полное оправдание».³⁵

Так и произошло. Эпоха гласности начиналась с сотрудничества власти с так называемой «мыслящей» интеллигенцией, с «творческими марксистами», Горбачев начинал с того, что разделил «советскую историю на ленинский этап и сталинский, что было при Ленине и что после него»³⁶ Историк Анатолий Уткин не был прав, когда утверждал, что «перестройка – это реорганизация тех идей, которые возникли у Горбачева на том переходном этапе 1984–1988 годов» (ЛГ, 14 декабря 2011 г.). В идеологии перестройки не было ничего личного, специфически горбачевского. Кроме, конечно, желания сделать то, что до него не делал ни один из Генеральных секретарей, желания воплотить в жизнь давнюю мечту шестидесятников, соединить реальный социализм с демократией. Позже, после отставки, уже в середине 90-х, Горбачев скажет, что когда он оказался во главе партии и государства, то верил, что «можно реформировать сложившуюся систему», «что можно дать существующему социализму второе дыхание». Но здесь же он говорит, что к подобным выводам он пришел в результате «дискуссии с Андроповым» при твердом убеждении, что идея «больше демократии – больше социализма», восходит к Ленину его предсмертного периода».³⁷ Главное во всей перестройке было то, на что обращал внимание в своих мемуарах один из членов так называемого первого круга соратников Горбачева Наиль Биккенин: Горбачев «опирался прежде всего на интеллигенцию, интеллигенцию московскую, на средства массовой информации, которые были и профессионально заинтересованы, в частности, в свободе слова».³⁸

Личным и специфическим в перестройке Горбачева было то, что по замыслу ее «архитекторов», речь идет прежде всего о самом Горбачеве и Александре Яковлеве, она носила антиаппаратный характер, была направлена на подрыв всевластия партийного аппарата. Ничто так не противоречит правде, как утверждение либеральной интеллигенции, будто перестройка была задумана самим партийным аппаратом, чтобы «конвертировать свою власть в собственность». Горбачев потому и потерпел политическое поражение, что восставил против себя не только партийный аппарат, но и высший командный состав Армии и Флота. Высший генералитет был настроен весьма критически к Горбачеву и его перестройке. КГБ тоже не питало симпатии к перестройке. А либеральная интеллигенция, работники СМИ, на которых сделал ставку Горбачев, его просто предала и, начав борьбу против так называемой «аппаратной перестройки» Горбачева, расчистила тем самым дорогу для прихода к власти Бориса Ельцина. Михаил Горбачев в своих воспоминаниях честно признается, что если исходная идея демократизации социализма была почерпнута им у реформаторской интеллигенции той эпохи, то переход к радикальной политической реформе, провозглашенный на XIX партийной конференции, отказ от статьи Конституции, провозглашающий руко-

³⁵ Из-под глыб. Сборник статей. С. 229–230.

³⁶ См.: Неоконченная история. Три цвета времени. М., Международные отношения, 2005. – С. 26.

³⁷ Там же, с. 13.

³⁸ См. Наиль Биккенин. Как это было на самом деле. Сцены общественной и частной жизни. ACADEMIA, М., 2003, с. 119.

водящую роль КПСС, был уже вызван страхом повторить судьбу Хрущева. «Меня ждала судьба Хрущева, – говорит в цитируемых выше беседах со Славным Горбачев. – Еще один-два пленума, и с преобразованиями могло быть кончено».³⁹

Но, в отличие от тактики перестройки, которая действительно несла на себе много личного, горбачевского, его страх повторить судьбу Никиты Хрущева, отстраненного от власти партийным аппаратом, идеология перестройки целиком и полностью выросла из ценностей и иллюзий советского шестидесятничества.

Политика гласности, открытости, уважения к правде, кстати, провозглашенная Горбачевым еще в конце 1984 года в его докладе «Живое творчество народа» на научно-практической конференции в АОН при ЦК КПСС, выросла из стремления шестидесятников довести до конца начатое Хрущевым освобождение СССР от наследия сталинизма, из их веры, что можно соединить реальный социализм с демократией, что сталинизм был всего лишь извращением идеалов и дела Октября, ленинской гвардии.

Доклад Горбачева на переломном январском Пленуме ЦК КПСС 1987 года буквально пронизан ссылками на труды В. И. Ленина. Автор этой книги еще в июне 1986 года по заданию Наиля Бикенина, тогда заместителя заведующего отдела пропаганды ЦК КПСС, подготовил материал, живописующий Ленина как реформатора. Горбачев тогда так обильно цитировал Ленина не только для того, чтобы придать легитимность своим реформаторским планам, но и потому, что искренне, как и все шестидесятники, верил, что не будь Сталина, исходная демократическая основа социализма зацвела бы пышным цветом. Концепция «гуманного демократического социализма», которая становится идеологией КПСС уже после XIX партийной конференции, разделялась одновременно и лидерами первой советской легитимной оппозиции, лидерами Межрегиональной депутатской группы. И Горбачев прав, настаивая до сих пор, что в идеологии Межрегиональной группы, сформулированной в сборнике статей «Иного не дано», нет ничего, что бы выходило за рамки философии перестройки.⁴⁰

Горбачев с самого начала мыслил перестройку как реформу, демократизацию всего реального социализма, рассматривал ее в контексте тех вызовов и угроз, которые с конца 70-х нависли над социалистическими странами Восточной Европы. Невозможно понять причины перестройки как попытки демократизировать политическую систему реального социализма, не принимая во внимание ее исходный системный характер. Начиная перестройку, Горбачев искренне верил, что он не только сделает социализм более привлекательным – прежде всего для интеллигенции СССР, но и для населения всех стран социалистического содружества. Горбачев верил, что, строя отношения с лидерами стран социалистического содружества на равноправной основе, без «языка окрика», их «постоянного одергивания», он тем самым и укрепляет их позиции, авторитет в собственных странах. Горбачев не мог не считаться с тем, что характерный для КПСС догматизм в теории, нежелание что-то менять в экономике, в сложившихся формах организации и стимулирования труда, наносит урон не только авторитету первого социалистического государства на земле, но и всему реальному социализму в странах Восточной Европы. К моменту прихода Горбачева к власти даже руководство ГДР во главе с консервативным Эриком Хоннекером рассматривало КПСС как

³⁹ Неоконченная история. Три цвета времени, с. 34.

⁴⁰ «Вернувшись из Фороса, – рассказывал позже Горбачев, – я высказался в защиту социализма. «Горбачев ничего не понял», – говорили мне. Но ведь совсем недавно эти умники в книге «Иного не дано» говорили то же самое, что и я: критиковали весь сталинский период и выступали за социализм с демократическим лицом. Теперь они, умные, говорят, что после августа 91-го страна не туда пошла. Но мы лучше их знали и дальше видели. Да, поначалу речь шла об отдельных деформациях социализма, но потом, когда стало ясно, что система связана со сталинщиной, моделью, навязанной народу и обеспечивающейся репрессивной властью, отторжением людей от управления государством, мы поняли, что путь должен быть иным. Поэтому встал вопрос о необходимости реформировать политическую систему». (Неоконченная история. С. 33)

олицетворение косности, а ее официальных идеологов – как поборников «схоластического теоретизирования». По этой причине Горбачев очень рассчитывал, что его реформаторские усилия будут активно поддержаны не только в Польше и в Венгрии, но и в ГДР. Но его ожидания не оправдались. В отличие от руководства ПОРП и ВСРП, руководство СЕПГ усмотрело угрозу своей собственной власти в планах Горбачева демократизировать сложившуюся политическую систему. Как обращает внимание в своем исследовании истории перестройки К. Н. Брутенц, в отличие от Горбачева лидеры европейских социалистических стран (и не только Чаушеску) понимали, что их режим навязан извне. «Надеясь на перенос перестроенных процессов в страны Восточной Европы, на их мультипликацию, советское руководство не учитывало или недооценивало тот факт, который, видимо, хорошо осознавали лидеры «братских государств»: режимы в этих странах рассматривались определенной, иногда значительной частью населения как навязанные извне. Поэтому их устойчивость, их преобразовательный потенциал... были весьма ограниченными, шансы на успех здесь были ниже, чем в Советском Союзе».⁴¹ Здесь же Карен Брутенц обращает внимание и на другие факторы, которые не учитывал Горбачев, призывая лидеров стран социалистического содружества идти за ним. «Во многих этих странах сохранилось влияние досоциалистической интеллигенции, не принявшей перемены конца 40-х, исходную неукорененность коммунистической идеологии в этих странах и, самое главное, их историческую привязанность именно к Западной Европе».

Я обращаю внимание на эту исходную, корневую слабость мировой социалистической системы, созданной в странах Восточной Европы, в зонах советской оккупации, ибо у нас до сих пор многие в России убеждены, что если бы не Горбачев, то до сих пор процветали бы соцсодружество и СССР.

Все нынешние идейные враги перестройки не хотят учитывать и то, что уже Брежнев во время событий в Польше в 1980–1981 годы не мог применять на практике доктрину ограниченного суверенитета, что повторение Праги 1968 года уже было невозможно не только с моральной, но и практической точки зрения. Во время падения Берлинской стены в ноябре 1989 года Горбачев уже не мог вывести советские войска из казарм на улицы.

Несомненно, и это невозможно оспорить, что горбачевский мессианизм был пронизан прежде всего моральными, гуманистическими соображениями, его желанием освободить жизнь людей в социалистических странах от, как ему казалось, противоестественных стеснений, дать им те блага жизни, которых они были лишены во времена строительства социализма. И эта забота о благе людей, осознание Горбачевым того, что жизнь человеческая превыше всего, является еще одним свидетельством в пользу моего тезиса: перестройка была русским проектом, в ее основе лежало наше родное, русское прочтение европейского гуманизма. Горбачев не хотел ничего сверх того, о чем мечтали отцы русского либерального консерватизма, он хотел, чтобы внешнее могущество России было подкреплено ее внутренним могуществом, счастливой, полноценной жизнью ее граждан. «Надо сначала сохранить жизнь, – настаивал Горбачев, – а потом уже разбираться в том, как жить».⁴²

Задолго до прихода Горбачева в СССР на бытовом уровне произошел самораспад классовой морали, классового подхода, лежащего в основе марксистско-ленинской идеологии. Реабилитация общечеловеческой морали, внеклассовой природы, к примеру, реабилитация так называемых «простых норм морали», «правил общечеловеческого общежития» в рамках советской этики произошла уже в конце 60-х. Поэтому на самом деле даже апелляция Горбачева к «общечеловеческой морали», призывы к уважению человеческого достоинства, к

⁴¹ См.: Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. – М., Международные отношения. – 2005. – С. 474–475.

⁴² См.: Неоконченная история. С. 80.

правам личности вообще-то тоже отражали настроения предперестроечной эпохи. И совсем не случайно «Моральный кодекс строителя коммунизма» Федором Бурлацким был частично списан с Нагорной проповеди Иисуса Христа, и совсем не случайно Михаил Горбачев уже в 90-е утверждал, что он остается верным социалистической идее именно потому, что, с его точки зрения, лежащие в ее основе ценности солидарности идут от Иисуса Христа.

Горбачев, наверное, был первым в истории России лидером, который панически боялся крови. Принимал, но все же мучился потом от воспоминаний о своих решениях, которые привели к крови, к гибели людей. Мы вместе с ним в его кабинете смотрели, как танкисты по приказу Грачева расстреливали утром 4 октября 1993 года Белый дом. Он действительно был в шоке. Я сидел тогда рядом с ним. Позже в своих интервью он говорил: «Первый раз за тысячелетнюю историю был свободно избран парламент, и его расстреливают в солнечное утро. Меня поразила на всю жизнь картина: наши московские ротозеи стоят и любуются, как идет расстрел. Я решительно был против этого расстрела»⁴³

И Горбачев, и жаждающая перемен советская интеллигенция не хотели ничего сверх того, чего добивались реформаторы в социалистических странах Восточной Европы – Дубчек в Чехословакии, Кадар в Венгрии. Речь шла о той же шестидесятилетней мечте о соединении социализма с демократией, желание услышать всю правду о преступлениях Сталина, о драме строительства социализма, к примеру, в Венгрии. Речь шла о надежде, что свобода дискуссии, отказ от идеологических критериев в кадровой политике вдохнет новую жизнь в окаменевший, ставший непривлекательным для миллионов людей реальный социализм, что можно соединить реальный социализм с привычными представлениями о добре и зле, с общечеловеческими ценностями. Горбачев, как и идеологи «пражской весны», делал ставку на «рационализацию» сложившегося социализма, на использование, как он считал, скрытых резервов социализма. Речь шла о реабилитации повседневных потребностей человека в социалистическом обществе, о его праве на достаток, достойную, свободную жизнь. О социализме с человеческим лицом мечтало и поколение шестидесятников. А от команды Дубчека и напрямую от Кадара Горбачев взял стремление соединить плановую экономику с рыночными отношениями, полную и окончательную реабилитацию кооперации, не только экономических стимулов к труду, но и индивидуальную организацию труда в сельском хозяйстве. Горбачев положительно относился к китайскому и венгерскому опыту семейного подряда в аграрном секторе.

Для понимания сути, идеологии перестройки важно учитывать, что ее творили не просто партийные работники, а советские люди, воспринимающие мир и свою страну в категориях марксистско-ленинской идеологии, в контексте истории строительства социализма в СССР и становления мировой социалистической системы. Важно учитывать и то, что восприятие марксистско-ленинской идеологии, так называемого «научного социализма» как демиурга, инструмента созидания нового общества, вело к идеализму в восприятии жизни, к убеждению, что теория, идея обладает истиной сама по себе. Отсюда так и не преодоленное Горбачевым до конца убеждение, что «сначала было слово», что запросы идеологии, главные, исходные истины марксизма выше запросов жизни, что перемены в обществе, в экономике надо начинать с перемен в теории. И поэтому совсем не случайно в своем первом перестроечном выступлении, в речи на январском 1987 года Пленуме ЦК КПСС Горбачев настаивал на том, что «работа по совершенствованию экономического базиса социализма пойдет тем успешнее, чем лучше общественная наука раскроет пути развития производственных отношений». Верность марксизму-ленинизму у Горбачева в первые годы перестройки проистекала не только из-за страха утратить социалистическую легитимность собственной власти как Генерального секретаря ЦК КПСС и политическую легитимность

⁴³ Неоконченная история. С. 77.

проводимых им реформ, но из его исходных, в своей основе социалистических, левых убеждений, из веры, что в принципе марксизм нес в себе истину и правду. И здесь, в этой вере в исходную истинность марксизма Горбачев был ближе к таким своим соратникам, как Вадим Медведев, Георгий Шахназаров, Наиль Бикенин, чем к скрытому до поры до времени антимарксисту Александру Яковлеву. На первых этапах перестройки Горбачев искал свое вдохновение в позднем Ленине, который реабилитировал кооперацию. А с 1988 года его помощником по идеологии стал философ Иван Фролов, под влиянием которого он стал разделять свойственную многим шестидесятникам веру в гуманизм раннего Маркса. И я думаю, по вине Ивана Фролова, оказывавшего на него в последние годы перестройки сильное влияние, Горбачев не заметил, что авторы сборника «Иного не дано», изданного в 1988 году, уже в 1991 году, в тот момент, когда он прилетел из Фороса и заявил о своей верности «социалистическому выбору» наших предков, уже перешли на антикоммунистические позиции.

И самое главное, начиная перестройку, Горбачев верил, что правда о реальных делах и проблемах социализма не только не дискредитирует так называемый научный социализм Маркса и Энгельса, но, напротив, подтвердит его силу и жизненность. Если для Александра Солженицына «жить не по лжи» означает противостояние социализму, официальной идеологии, то Горбачев был убежден, что «изучение реального социализма», преодоление страха перед фактами, «язык правды», «открытое жесткое слово» будет только способствовать развитию науки о социализме, росту доверия к ней». Отсюда призыв говорить с человеком при социализме «на языке правды, которая не терпит обтекаемости, недомолвок, общих и ходячих фраз».

Горбачев, призывая на январском 1987 года пленуме ЦК КПСС к «открытому, честному слову» (что он рассматривал как смысл его политики «гласности»), призывал сделать общественную науку «полем активного соревнования идей», утверждая, что «ее развитие невозможно без дискуссии, свободного, конструктивного, творческого обмена мнениями», не отдавал себе отчет, что правда может стать несовместимой с «марксистской идеологией», что творческое развитие науки может привести к выводам, которые опровергают теорию социалистического строительства. Горбачев, как и все шестидесятники, не отдавал себе отчет, что полная и окончательная десталинизация может привести и к деленинизации, что правда о сталинских репрессиях откроет, в конце концов, и правду об ужасах «красного террора».

Допустим, в силу своего крестьянского происхождения Горбачев не мог похвастать блестящей эрудицией. Но ведь и шестидесятники, дети первого поколения советской элиты, выросшие в окружении умных книг и в окружении умнейших людей своего коммунистического времени, гордившиеся тем, что в детстве они «сидели на коленях Бухарина», так же верили и до сих пор верят в непреходящую научную ценность учения Маркса о коммунизме. Надо знать, что вся элита советской философской мысли, однокурсники его невесты Раисы Титаренко, с которыми Михаил Горбачев познакомился еще в начале 50-х в общежитии МГУ на Стромынке, были по духу левыми, верящими в непреходящее историческое значение ленинского Октября. Невозможно объективно оценить природу и историческую ценность перестройки Горбачева, не принимая во внимание, что она могла родиться только у людей с марксистско-ленинской закваской, а вся хитрость истории состояла в том, что основы дела Ленина были подорваны искренними ленинцами. Но антиленинцы типа Александра Солженицына в советское время или сидели в тюрьме, или находились в изгнании. Надо понимать, что марксизм с его претензией на единственную, подлинно научную теорию общества, обрекал своих последователей на невежество, подавлял сомнение, без чего не жила и не может жить общественная мысль. Правда состоит в том, что марксистами, ленинцами были не только все основные члены команды так называемого «первого круга» Горбачева, но и все вожди, идеологи противостоящей ему оппозиции, все вожди и лидеры «Демократической России». Правда состоит в том, что все идеологи «Демократической России»

буквально в штыки встретили характерные для конца 80-х попытки поставить под сомнение научность марксизма и попытки доказать, что сталинский террор был реализацией на практике учения Маркса о диктатуре пролетариата. *Лично меня обвиняли в недооценке идей Маркса для современности не только Галина Старовойтова, Юрий Черниченко, но даже Леонид Баткин и Александр Мень.*

И команда Горбачева, и противостоящая ей команда Елены Боннер, все активные члены так называемого «кружка Сахарова», все лидеры «Демократической России» состояли из шестидесятников со всеми свойственными им особенностями сознания и идейных пристрастий. Все они были марксистами и социалистами, все позитивно относились к Октябрю и к политическому наследству так называемой «ленинской гвардии», все были интернационалистами и верили в наличие универсальных закономерностей общественного развития. Все их мышление сформировалось под влиянием марксизма-ленинизма и советской пропаганды, все они, как и команда Горбачева, мыслили свою революцию вне опыта национальной истории, все они рассматривали русский патриотизм как «последнее прибежище негодяев».

Нельзя забывать, что Горбачев, как и все шестидесятники, критически относился к так называемому «руссопятству». Будучи Генеральным секретарем ЦК КПСС, затем – Президентом СССР, с порога отвергал все попытки придать историческую, национальную легитимность перестройки, ввести ее в контекст российской истории. Архитекторы перестройки (это относится не только к Горбачеву, но и ко всем членам так называемого его «первого круга», особенно к Александру Яковлеву и Георгию Шахназарову) не только в первые годы перестройки, но и в 1990–1991 годы, когда Ельцин и его идеологи из «Демократической России» начали разыгрывать русскую карту, выдвинув лозунг «суверенитета РСФСР», не заявили в качестве центральной власти о своих правах на российское наследство. Правда состоит в том, что Горбачев, как и многие другие лидеры КПСС, был прежде всего коммунистом, советским человеком и только в последнюю очередь русским человеком.

Идеологи августовской, 1980 года демократической революции в Польше, ознаменовавшей конец начатого в России в 1917 году эксперимента по так называемому «социалистическому обновлению мира», идеологи «Солидарности» были, конечно, более образованы, лучше знакомы с общественной наукой на Западе, более свободны в идеологическом отношении, чем команда Горбачева, лидеры КПСС, но и они мыслили точно так, как наши «прорабы перестройки». Идеологи польской «Солидарности» действовали в соответствии с лозунгом: «Социализм – да, извращения – нет». Герои польской «Солидарности» – и Стефан Братковский, и Адам Михник, и Войтек Ламентович, и Яцек Куронь – были социалистами и стремились построить свой, как они говорили, настоящий социализм «с польской грядки».

Альтернатива – социализм или капитализм – возникла перед советской перестройкой только в конце перестройки, благодаря завоеваниям так называемой гласности. А в начале перестройки, в середине 80-х, когда Горбачев пришел к власти, была совсем другая альтернатива – или так называемый «догматический» марксизм-ленинизм, или так называемое «творческое развитие теории социализма с учетом новых реалий». Объективная оценка и перестройки и стоящими за ней идеями и надеждами возможна только тогда, когда мы примем во внимание, что к началу перестройки не только Горбачев, но и самая либеральная часть советской интеллигенции не мыслили будущего страны вне социализма, не допускала и мысли, что всего через пять лет погибнет не только так называемая мировая социалистическая система, но и выдержавший и испытание временем социализм в России. Речь в начале 80-х шла только о мере, путях гуманизации, рационализации сложившегося социализма. Самые смелые по тем временам теоретики социализма в СССР (все они тогда работали в моем Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР, возглавляемом академиком О. Т. Богомоловым) позволяли себе только говорить о том, что в теоретический прогноз Маркса и Энгельса о коммунистической формации пора вносить коррективы, что

ближе к истине оказался так называемый «поздний Ленин», который в конце жизни реабилитировал кооперацию, отвергнутую Карлом Марксом, а не Ленин эпохи «военного коммунизма», призывавший к отказу от экономических стимулов к труду и «коммунистическим формам организации труда». Самые смелые по тем временам авторы позволяли себе утверждать, что практика строительства социализма обнаружила объективные, морально-психологические пределы на пути коммунистической переделки человека, что нельзя отрывать задачу совершенствования социализма от задач, связанных с повышением уровня жизни людей. Эти, как их называли в те времена, «творческие марксисты» утверждали, что само по себе повышение уровня обобществления собственности и труда не ведет к росту человеческой солидарности и коммунистической сознательности, что, как показывает опыт, совхозы, основанные на общественной собственности на средства производства, не могут похвастать перед колхозами, основанными на более низкой по коммунистической градации форме собственности, ни лучшей производительностью труда, ни более высокой сознательностью. Все эти «крамольные» и «смелые» по тем временам идеи были сформулированы в моей книге «Некоторые философские аспекты теории социализма», изданной издательством «Наука» в 1983 году и изъятой из продажи спустя две недели после ее выхода в свет.

Так вот, в тех условиях, когда все еще находящиеся при власти идеологи умершего К. У. Черненко (речь идет прежде всего о главном редакторе журнала «Коммунист» Р. И. Косолапове) говорили о прямо противоположном, о том, что не наступило время для корректировки учения Карла Маркса о коммунизме, что окончательное слово в споре о коммунизме – в будущем, о том, что нельзя отказываться от установки на коммунизацию труда, новый Генеральный секретарь ЦК КПСС берет на вооружение идеи и ценности тех теоретиков социализма, которые всего два года назад предавались анафеме. Еще в начале 80-х отдел науки ЦК КПСС подготовил постановление ЦК КПСС, осуждающее Институт экономики АН СССР за «шиковщину», за попытки реабилитировать товарно-денежные отношения, а Горбачев, провозглашая на январском Пленуме ЦК КПСС идеологию и ценности перестройки, становится на сторону еще недавно преследуемых экономистов и теоретиков социализма. Горбачев начинает здесь изложение своих взглядов на перестройку в экономике с критики «предубеждений относительно роли товарно-денежных отношений и действия закона стоимости», с критики попыток противопоставить товарно-денежные отношения социализму «как чего-то чужеродного». Здесь же Горбачев выступает против прежних «заблуждений во взглядах на личное подсобное хозяйство и индивидуальную трудовую деятельность». Тем самым дается зеленый свет индивидуальному частному производству и частной собственности на индивидуальные средства производства. Одновременно Горбачев реабилитирует личную, материальную заинтересованность в результатах своего труда, выступает против уравниловки в оплате труда. Горбачев связывает перестройку с реабилитацией кооперации, кооперативных форм организации труда. Уже на январском Пленуме ЦК КПСС 1987 года Горбачев связывает перестройку не только с дальнейшим развитием кооперации в Агропроме, но «и в других отраслях народного хозяйства». На июньском Пленуме ЦК КПСС 1987 года эта идея получает дальнейшее развитие и ведет к призыву создавать кооперативы в рамках общенародной собственности на промышленных предприятиях.

И уже на январском Пленуме ЦК КПСС 1987 года проявится глубинное противоречие исходной идеологии перестройки. С одной стороны, сохраняется прежнее, вытекающее из марксизма утверждение, что «капитализм исчерпал свой исторический потенциал», что сама история наделила социализм огромными резервами развития, но, с другой стороны, все эти резервы и источники развития, как их описывает Горбачев, на самом деле являются основными экономическими механизмами предшествующей частнособственной цивилизации. Если лидеры Польши и Венгрии отдавали себе отчет, что за их опытом так называемого реформирования социалистической экономики стоит откровенная рестав-

рация рыночной экономики, то Михаил Горбачев в начале перестройки искренне верил, что можно и сохранить социалистическую, плановую экономику и одновременно дать простор рыночным механизмам. С одной стороны Михаил Горбачев связывает эффективность труда с материальной, личной заинтересованностью работника, а в другой, призывает к более полному использованию механизмов мобилизационной экономики, к «укреплению дисциплины, повышению организованности и ответственности».

Но надо сказать, что, в отличие от Горбачева, второй «архитектор перестройки» Александр Яковлев сразу связывал становление «безрыночного социализма с реставрацией собственности на средства производства».⁴⁴

И самое главное, Михаил Горбачев не видит, не чувствует, что демократия, к которой он призывает и с которой, «наряду с гласностью, языком правды», он связывает перестройку («только через демократию и благодаря демократии возможна сама перестройка») может привести не столько к «раскрытию и реализации потенциала социализма», сколько к его разрушению. Но и здесь Горбачев ничуть не меньший реалист, чем шестидесятническая интеллигенция, активно поддерживающая политику гласности и демократизации советского общества, убежденная, как и Горбачев, что спровоцированная перестройкой «динамизация человеческого фактора» приведет обязательно к созидательной активности советских людей. Этой верой в созидательные силы советского человека, которому не хватало для полной самореализации только демократии и свободы слова, пронизаны все публикации перестройки, посвященные описанию так называемого «нового мышления».

Сейчас даже трудно объяснить, почему у Горбачева и у его команды было как бы заморожено осознание того, что большевикам удалось победить только благодаря беспрецедентному насилию, что полученная ими в наследство от Хрущева и Брежнева политическая система держится на механизмах страха и ограничениях свободы слова, что на самом деле советская система зиждется не на политической и гражданской сознательности советских людей, а на целой системе сдержек и ограничений свободы слова и свободы выбора. Трудно понять, почему Горбачев не видел (ведь для этого было достаточно школьных знаний истории КПСС), что так называемая ленинская модель социализма, которую он противопоставлял сталинской, выросла из кровопролитной гражданской войны, что не будь карательных органов, ЧК, не будь аппарата насилия, большевики не продержались бы у власти и одного дня. Но Горбачев, как и все шестидесятники, не видел исходное тоталитарное родство ленинского социализма со сталинским.

Кстати, всего этого, т. е. реальных фундаментальных основ «советской системы», не видят, или, скорее, не хотят видеть нынешние адепты учения об особой русской цивилизации, основанной якобы на чувстве общинности, коллективизма. Не было бы никакого советского коллективизма, если бы не «деятельность» ЧК и ГПУ по ликвидации всех тех, кто мог сомневаться в преимуществах социалистического способа производства.

Все, что говорил Горбачев о исходной тоталитарной основе советской системы, созданной насилием, в процитированном выше интервью Славину, на самом деле является прозрением более позднего периода. Как я точно знаю из бесед с Горбачевым еще в самом начале 90-х, он до конца перестройки стоял на ленинских, социалистических позициях.

Трудно объяснить, почему Горбачев не понимал, что, разрушая железный занавес, разрешая свободу эмиграции, международный туризм, он не только делает зримой, очевидной для миллионов людей цивилизационную отсталость СССР, изначальную некомфортность нашей жизни, низкое качество нашего советского образа жизни, но и стимулирует выезд из страны всех тех, кто в силу своего таланта, высокого профессионализма будет востребован в других странах, прежде всего в США. Горбачев не только кончает с советской практикой

⁴⁴ См.: Александр Яковлев. Сумерки. М., 2003, с. 378–379.

заглушивания западных радиостанций, работающих на СССР, но и разрешает американской «Свободе» вещать в самом СССР на русском языке. До сих пор мне непонятно, зачем он это сделал. Кстати, «Свобода» уже с 1990 года начинает работать против Горбачева, активно поддерживает Ельцина и «Демократическую Россию», начинает активно поддерживать идеологию и практику так называемого суверенитета РСФСР, идеологию распада СССР.

Трудно понять, почему Горбачев не осознавал, что политика гласности, отмена цензуры приведет не только к доступности правды о всех преступлениях сталинской эпохи, к чему он, несомненно, стремился, но и к доступности правды о путях победы большевиков, о преступлениях красного террора, ужасов, творимых ЧК и т. д. Трудно понять, почему Горбачев не понимал, что политика гласности, правда об истории СССР подорвет не только идеологическую, но и моральную легитимность власти КПСС, а тем самым – его собственной власти. Ведь произошло то, что должно было произойти. Как только стала доступной для всех правда о победах большевиков, правда о том, как виднейший деятель «ленинской гвардии», соратник Ленина Григорий Зиновьев призывал убить 10 миллионов, которым советская власть «не имеет, что сказать», что любимец партии Николай Бухарин задолго до Гитлера создал концентрационные лагеря, где политические противники перевоспитывались путем физического труда, правда о том, что большевики с одобрения Ленина во время гражданской войны применяли практику расстрела заложников, практику убийства людей только за то, что они принадлежали к «образованным» и «бывшим» классам, умерла вера не только в преимущества социализма, но и вера в официальную государственную идеологию, которая на самом деле держалась на сталинской трактовке истории ВКП(б). Трудно понять, почему Горбачев не видел, что достаточно отпустить вожжи, и советские прибалтийские республики, обладавшие государственной независимостью в межвоенный период, республики, где на протяжении десятилетий интеллигенция воспринимала советский строй как оккупационный режим, сразу же используют демократические свободы для выхода из СССР.

Трудно понять, почему Горбачев не понимал, что отказываясь от конституционного закрепления «руководящей роли КПСС», легализуя многопартийность, он создает угрозу для всей вертикали власти в КПСС, которая держалась на ее единовластии. Ведь гласность, подрывающая идеологическую и моральную легитимность советского строя, тем самым лишала КПСС и моральной и политической опоры в обществе.

Правда, уже с XIX партийной конференции, когда он явственно ощутил (о чем говорил в цитируемых выше беседах со Славиним), что при сохранении власти КПСС его дни как лидера партии сочтены, Горбачев разрушает КПСС сознательно, надеясь сохранить в своих руках руль руководителя страны уже как легитимный президент, избранный Съездом народных депутатов СССР. Но все же сначала идея перестройки была связана с верой в то, что после демократизации КПСС способна выиграть борьбу за власть в честной и открытой конкуренции с другими партиями.

Конечно, если бы СССР не раздавил танками пражскую весну, то еще в конце 60-х на опыте изначально обреченных реформ Дубчека стало бы ясно, что советская модель социализма, установленная во времена Сталина в странах Восточной Европы, несовместима ни с политической демократией, ни с гласностью. Если бы не брежневская концепция ограниченного суверенитета, примененная на практике в августе 1968 года в Чехословакии, то за двадцать лет до перестройки были бы разрушены все шестидесятнические иллюзии. Стало бы ясно то, что всегда понимала антикоммунистическая оппозиция: в основе реального социализма лежит не коммунистическая сознательность и вера в идеалы коммунизма, как верил Горбачев, а железный занавес, цензура, политический сыск, уголовное преследование за инакомыслие, монополия КПСС на власть и диктат государственной идеологии. Все эти несущие основания советской системы как раз и были разрушены горбачевской гласностью, перестройкой с ее политическими свободами. Сознательный отказ Горбачева от

применения насилия привел в конце концов не только к распаду советской системы, но и к распаду СССР. Свободой прежде всего воспользовались те республики СССР, которые в гражданскую войну 1918–1920 годов приобрели государственную самостоятельность, которые были присоединены к «социалистической России» путем вооруженной интервенции, путем оккупации Красной армией. Уже к концу перестройки, к 1991 году де-факто и республики Закавказья и республики Прибалтики приобрели государственную самостоятельность. *Дальнейший процесс распада СССР, распад славянской в дореволюционном смысле этого слова России был не столько результатом свободы, сколько результатом инициатив команды Ельцина.*

§ 3. Революция апологетов «красного террора»

Как типичная революция сверху, перестройка коренным образом отличается от августовской 1980 года польской антикоммунистической революции, от демократических революций конца 1989 года в странах Восточной Европы, которые были классическими революциями снизу, опирались на открытый протест населения против коммунистического режима. Между тем, внешняя сторона событий, к примеру события 22 и 23 августа 1991 года в Москве, разрушение памятнику Феликсу Дзержинскому на Лубянке, опечатывание зданий ЦК КПСС очень напоминала переломные события в странах Восточной Европы конца 1989 года. Но и этого могло не быть, если бы Горбачев 21 августа перехватил политическую инициативу и сразу после возвращения из Фороса в Москву поехал бы к защитникам Белого Дома, которые не расходились. Не следует забывать, что защита Белого Дома по своему политическому и юридическому содержанию была прежде всего защитой Президента и Конституции СССР.⁴⁵

Все демократические революции в странах Восточной Европы 1989 года исходили из реставрационной идеи, из желания вернуться в национальную докоммунистическую историю. Перестройка и последующие после распада СССР в декабре 1991 года перемены в Российской Федерации были продолжением коммунистической, советской истории, опирались на символы и ценности советской истории.

И в этом вся сложность понимания того, что происходит сейчас в посткоммунистической России. Внешне и в странах Восточной Европы и в России мы имеем дело с одним и тем же распадом коммунистического тоталитаризма и с одними и теми же либеральными результатами этого процесса, с резким ростом политических свобод личности, с отменой политической цензуры и преследований за политические убеждения, со свободой печати, с многопартийностью, с либеральной эмиграционной политикой. Но все дело в том, что политические идеалы и политические мотивы, стоящие за этими внешне одинаковыми процессами, во многих отношениях отличаются качественно.

В странах Восточной Европы разрушали коммунизм, стремились к свободе, чтобы прежде всего вернуться назад, вернуться в национальную историю, в России, как я попытался показать выше, напротив, боролись с коммунистическим аппаратом, чтобы вырваться окончательно из истории российской государственности, выйти окончательно к европейским измерениям демократии и цивилизованности.

В странах Восточной Европы мы имеем дело с классическими контрреволюциями, с реставрационными движениями. В России, напротив, с попытками более последовательно воплотить нереализованные идеалы ленинской революции.

И поэтому при внешнем сходстве политических институтов в России и в странах Восточной Европы мы сталкиваемся с совершенно различным сопереживанием и настоя-

⁴⁵ См.: Попов Г. Август девяносто первого. «Известия», 1992, 21 августа.

щего и будущего. В таких странах Восточной Европы как Польша, Венгрия, Чехия, растет политический оптимизм, растет уверенность, что самое страшное уже позади. В России, напротив, чем дальше от 1991 года, тем больше и шире тревога, рожденная от неуверенности за будущее новой некоммунистической России. Либеральная интеллигенция, рассеянные горожане Москвы и Питера обеспокоены будущим полученных политических свобод. Остальная Россия, обеспокоенная ростом цен на продукты питания и ЖКХ, боится, что в один день все рассыплется – и власть, и экономика – и что от нашей страны ничего не останется. Нельзя не видеть, что после присоединения Крыма в марте 2014 года и начавшейся со стороны Запада политики изоляции России, неуверенность в будущем у думающей части общества резко возросла. И это еще очередной пример того, как мы в России расширяем внешнее могущество за счет ослабления внутреннего могущества, ослабления жизнеспособности нации в целом.

Но если вернуться к новой, посткоммунистической России, важно учитывать: в России мы имели дело с такими субъектами политических преобразований, которых просто не могло быть в подавляющем большинстве стран Восточной Европы. В странах Восточной Европы не могло быть и классического советского человека и классической советской интеллигенции и классических советских аппаратчиков типа Горбачева, а потом Ельцина.

События начала восьмидесятых, когда политическая жизнь СССР превратилась в бесконечную похоронную процессию, когда с интервалом в один год уходили в мир иной Сулов, Брежнев, Андропов, Черненко, конечно же, спровоцировали духовный кризис. Но это был кризис подсознания, которое устало от парада смерти и нуждалось в чем-то живом и энергичном. СССР в середине восьмидесятых ждал не смены режима, не перехода от коммунизму к капитализму, а всего лишь живого молодого лидера, который бы символизировал преимущество жизни над смертью. Духовные истоки перестройки лежат в инстинктивном отторжении от смерти, дряхлости. *Но это еще не был протест против режима, это еще не свидетельствовало о преодолении коммунистической системы ценностей, основанной на мифе о полном равенстве.*

В зону активного отторжения от советской системы попадала только наиболее активная часть интеллигенции, и прежде всего творческая, гуманитарная, чьи растущие духовные запросы постоянно вступали в конфликт с системой коммунистических запретов на информацию, на свободу слова, на свободу иммиграционной политики. В этом смысле советская система образования, воспроизводящая многомиллионную армию технической и гуманитарной интеллигенции, была, если выразаться словами Маркса, могильщиком коммунистического тоталитаризма. Но надо отдавать себе отчет в том, что духовные и политические запросы интеллигенции к началу перестройки не стали политическими и духовными запросами подавляющей части общества, то есть подавляющей части рабочего класса и колхозного крестьянства. Как правило эта часть общества уже давно научилась удовлетворять свой бытовой антикоммунизм, то есть свободу вероисповедания в рамках советской системы. Рабочие и крестьяне без страха посещали церковь и крестили своих детей, ибо они в отличие от советской интеллигенции не были включены в систему карьерных интересов, и им было абсолютно наплевать, что думает об их религиозной активности местное начальство.

Миллионы и миллионы людей с тех пор, как перестала работать сталинская система репрессий – в наиболее яркой форме это проявилось в брежневскую эпоху так называемого «застоя» – жили преимущественно бытовыми потребностями, жили добыванием хлеба насущного. Миллионы и миллионы жителей российских деревень и провинциальных российских городов, то есть Россия одноэтажных домов, были бы не прочь расширить свои личные подсобные хозяйства, были бы рады снятию ограничений на количество скота и земли, находящихся в частной собственности, но никто из этих людей не мечтал и не желал восстановления капиталистических поземельных отношений.

Горбачев был прав, говоря в начале 90-х, что нельзя переходить от прежней насильственной коллективизации к насильственной приватизации земли, что народ этого не примет. И, на мой взгляд, он был прав. Приватизация земли, когда предприимчивые люди присвоили себе за бесценок значительную часть национального богатства, создала мину замедленного действия, усугубила социальное неравенство, что в критическую минуту может обернуться политическим взрывом.

Несомненно, недовольство системой было велико среди простого народа, но вся проблема состоит в том, что в основе этого недовольства были те же коммунистические мотивы, тот же протест против «несправедливости», на этот раз против привилегий партийного аппарата, против этих «аппаратчиков», которые зажрались, имеют свои особые поликлиники, депутатские залы, ездят в черных «Волгах» и вообще оторвались от народа! В основе отторжения простого народа от коммунистической системы – речь идет по крайней мере о восьмидесяти процентах населения СССР – лежал не протест против тоталитаризма, не идея прав и свобод личности, а элементарный глубинный коммунистический эгалитаризм. Впрочем, и революции 1917 года были вызваны не столько жаждой свободы, сколько жаждой равенства.

Только в одном отношении настроения масс к началу перестройки были «белыми»: в отношении к религии, в стремлении восстановить в своих правах традиционные конфессии России и прежде всего православие, которое является религией подавляющей части населения страны. *Первым и единственным реальным протестом населения против коммунистической системы к началу перестройки было массовое крещение детей и толпы народа во время крестного хода во время Пасхи.*

Люди в массе не хотели к середине 80-х годов изменения общественной и экономической системы, ибо именно к этому времени, благодаря режиму Брежнева, целиком приспособили ее к своим потребностям. В колхозах и совхозах только ленивый не воровал, «несунами» становилась значительная часть рабочего класса, если, конечно, было что нести с завода. Именно в это время благодаря преуспеванию личных подсобных хозяйств значительная часть населения страны кормилась с колхозных рынков. В России с самого начала проблема преодоления коммунизма затрагивала национальную память тех русских, которые помогли победе большевиков и остались жить в России, чьи предки принимали активное участие в становлении советской власти, а потом в строительстве новой социалистической России. *В сущности, советская Россия после коллективизации и сталинского истребления остатков русского дворянства, русской интеллигенции, являлась и является до сих пор уже действительно новой Россией и прежде всего в генетическом отношении.* Это действительно была Россия рабочих и крестьян и коммунистической интеллигенции, как правило интеллигенции в первом поколении.

Сам этот факт объясняет не только причины поразительной живучести коммунистической системы, созданной Лениным и Сталиным, но и специфику самопреодоления коммунизма и коммунистической идеологии в подобном, весьма органичном обществе. И только то обстоятельство, что советские рабочие и крестьяне оставались частью в рамках традиций русского православного быта, а новая социалистическая интеллигенция продолжала развивать некоторые традиции русской культуры, оставляло шанс, что рано или поздно обострится проблема восстановления связи времен. Хотя до сих пор нет никакой гарантии, что можно восстановить связь культурных времен, сделать достоянием новой России ту культуру, которая на протяжении семидесяти лет была изъята из духовного употребления. Речь прежде всего о русской религиозной философии конца XIX – начала XX века. Несмотря на то, что в последнее время благодаря усилиям патриарха Кирилла, именно русскую религиозную философию начала XX века начали рассматривать как духовную основу особой русской цивилизации. Впрочем (об этом я подробно скажу позже), сами отцы русской религиозной

философии начала XX века были категоричными противниками учения Николая Данилевского об особой русской цивилизации.

В России для большинства нынешних русских проблема преодоления коммунизма с самого начала затрагивала глубинные механизмы национального самосознания, ибо согласие с тем, что коммунизм во всех отношениях есть зло, тупиковый путь развития, означает, что русские, пошедшие за большевиками, принявшие марксистскую веру, были морально и духовно неменяемыми, сами стали на путь национального самоистребления. Все дело в том, что логика истории требует выкорчевывать из своего сознания коммунистические ценности и коммунистические мифы прежде всего от потомков тех русских крестьян и рабочих, которые пошли за большевиками, достигли многого в жизни именно благодаря советской власти. Антикоммунистическая позиция воспринимается ими как покушение на свое, родное, кровное.

Кстати, на эту сторону проблемы борьбы с коммунистическим наследством не обращал внимание ни Солженицын, ни все те историки и публицисты, которые с началом перестройки включились в процесс разоблачения преступлений большевистской власти. Они исходили из предпосылки, что правда о преступлениях большевизма вызовет шок, моральное отторжение от коммунизма у всех духовно развитых людей независимо от их классового и национального происхождения. Но подобный подход и подобная стратегия освобождения от идейного наследия коммунизма, как оказалось, были ошибочными.

И только когда в конце 1993 года окончательно потерпел поражение организованный Ельциным суд над КПСС, стала видна психологическая подоплека тех препятствий, с которыми столкнется антикоммунизм в России. Антикоммунистическая реставрация в России в принципе невозможна, ибо к началу перестройки старая Россия умерла окончательно и как образ жизни, и как аура культуры, и во многих отношениях как историческая память, и как способ национальной идентификации.⁴⁶

Даже Православная церковь к середине 80-х, несмотря на свою исходную антимарксистскую направленность, была уже советской православной церковью, ее наиболее талантливые иерархи, к примеру, митрополиты Питирим, Кирилл, были одновременно советскими людьми, они не чувствовали себя чужими в компаниях самых жестких советских аппаратчиков. В начале 1993 года мы вместе с Михаилом Сергеевичем Горбачевым, которого я сопровождал как директор научных программ его Фонда во время его лекции в Токио, оказались соседями по номеру митрополита Питирима и имели удовольствие ужинать с ним в гостиничном ресторане. Более светского и одновременно советского человека, чем митрополит Питирим, я как-то не припомню. Он был прекрасно осведомлен о причинах конфликта между Горбачевым и Ельциным, называл воинские звания иерархов к тому времени уже автокефальной украинской православной церкви, шутил, смеялся и одновременно демонстрировал Горбачеву силу своего изощренного ума. Он, митрополит Питирим, излучал все, кроме веры, чувства Бога.

А патриарх Кирилл и приближенные к нему внешние иерархи нынешней РПЦ, как я показал во вводной главе, уже откровенно защищают советский строй и особенно сталинский период как воплощение русского православного идеала, русского культурного кода.

Конечно, исторически советская система была приговорена, она уже не могла обеспечить постоянно растущие материальные, интеллектуальные и политические потребности людей, но, во-первых, она могла распасться и на десять, двадцать лет позже, во-

⁴⁶ Обратите внимание: присоединение Крыма у нас сегодня трактуется не как присоединение части дореволюционной Новороссии, а как восстановление целостности РСФСР. По этой причине нынешний взрыв патриотизма основан прежде всего на советских ценностях, связан с советскими символами.

вторых, при другом стечении обстоятельств она могла бы трансформироваться совсем другим способом.⁴⁷

Пока основные политические и духовные скрепы системы были сильны, пока не был разрушен партийный аппарат со своей готовностью претворить в жизнь любые указания «руководства партии», сохранялись самые различные варианты трансформации существующей системы. В середине 90-х последний руководитель КГБ СССР Вадим Бакатин, в прошлом секретарь Кемеровского обкома КПСС, как-то сказал мне: «Напрасно Горбачев разрушал КПСС и аппаратную вертикаль управления, если бы он приказал аппарату построить капитализм, он несомненно преподнес капитализм Горбачеву на блюдечке».

И это верно. Вариант нового нэпа, государственной поддержки мелкого и среднего бизнеса, поддержки товарности личных подсобных хозяйств давал передышку, позволял решить продовольственную проблему без подрыва политической системы. Кстати, именно подобного послабления ждали в первую очередь жители СССР, которые к началу перестройки во многих районах кормились в значительной мере с так называемых колхозных рынков. С конца 70-х годов прежде всего в республиках Средней Азии и в горных районах Кавказа шло самовольное расширение пастбищ и, соответственно, поголовья скота, находящегося в частном пользовании, расширялся подпольный, параллельный сектор услуг. Частный сектор все советские годы играл значительную роль в жизни моей Одессы.

Надо видеть правду, которую многие из нас не видели в начале перестройки, когда, борясь с коммунизмом, делали акцент на моральной протivoестественности марксистской идеологии, на том, что коммунистический эксперимент с самого начала противоречил природе человека. *Оказывается, что самая протivoестественная хозяйственная система, не говоря уже о протivoестественной теории классовоy морали, может реализоваться, более того, сформировать нужный ей тип личности.* Оказывается, что партийный аппарат, созданный для уничтожения национальной культуры и национальных корней, может стать орудием националистической политики и руководствоваться националистической политикой. Яркий тому пример – процессы происходящие сейчас в коммунистическом Китае.

Правда есть основание полагать, что самым органичным, самым марксистским был советский коммунизм. Наша страна является посткоммунистической страной в точном смысле этого слова, ибо только в России коммунизм сумел, при всех оговорках, так глубоко вспахать почву народной жизни, добиться максимально возможного соответствия между требованиями идеологии и политическим, бытовым поведением людей.

Самое поразительное состоит в том, что уровень моральных требований, которые предъявлял к себе сам средний советский человек, был в массе намного выше, чем уровень моральных требований, на которые ориентируется нынешний средний посткоммунистический человек.

И это обстоятельство, на мой взгляд, нас спасло, ибо именно постепенное, от десятилетия к десятилетию восстановление морального отторжения от прямого зла (кризис советской системы доносительства тому яркий пример) вело объективно к выходу за пределы марксистско-ленинской идеологии, к инстинктивному отторжению от классовоy морали.

Но это вело и к внутренней противоречивости советского человека. С одной стороны, он жил в мире советских, коммунистических ценностей, воспринимал Ленина и его революцию как нечто не подлежащее сомнению, с другой стороны, на уровне бытового поведения отвергал ленинский классовый подход к морали, советскую политическую практику. Парадокс состоит в том, что уже с середины 60-х к доносителям, штатным осведомителям начали

⁴⁷ Хотя уже никому не дано было вылечить советскую экономику от ее исходной генетической болезни, от исходных структурных препятствий на пути роста заинтересованности в результатах труда. В своем интервью Славину Горбачев вспоминал, что он получил в наследство советскую экономику, где производительность труда в промышленности была в три раза ниже, а в сельском хозяйстве в пять раз ниже, чем в США.

негативно, с чувством омерзения относиться даже в комсомольском и партийном аппарате, от них старались всеми способами избавиться, даже если они находились в штате осведомителей КГБ. Показательно, что уже с времен Хрущева высшая политическая элита партии была выведена из-под контроля КГБ.

Можно с полным основанием утверждать, что к моменту начала перестройки начавшееся моральное отторжение населения от наиболее кричащих проявлений советского аморализма, недовольство явным злоупотреблением власти со стороны советского и партийного аппарата, протест против системы двойной морали и двойной законности, когда простой смертный оказывался часто вне правовой защиты, еще не приняла характер политического протеста против системы, а тем более характер мировоззренческого протеста против коммунистической системы ценностей.

В этом отношении перестройка как революция сверху явно опережала события, ибо население в массе своей не было готово даже к тем урокам исторической правды, о которых хотел рассказать Горбачев с помощью своей гласности. Ни «Архипелаг Гулаг», ни «Красное колесо» Александра Солженицына, которые в отрывках стали печататься уже в 1989 году, не были востребованы народным сознанием. И уж совсем не востребован «Архипелаг Гулаг» Солженицына сейчас, весной 2014 года, когда я в очередной раз переписываю вступительные главы своей книги. И совсем не случайно уже сегодня, в дни эйфории, связанной с присоединением Крыма, правда о преступлениях большевиков, Сталина воспринимается уже как «очернительство советского строя».

В равной мере не была готова к антикоммунистической революции и наша интеллигенция.

В СССР не было в последние шестьдесят лет развитого движения антикоммунистической оппозиции. Здесь не было либерального движения такого размаха, как «пражская весна» или движение «Солидарность», я уже не говорю о венгерской вооруженной антикоммунистической революции октября 1956 года.

Организованное сопротивление большевикам в России было окончательно подавлено в начале 30-х в ходе коллективизации. Одиночки, которые спонтанно и стихийно восставали против коммунизма или коммунистической идеологии, обычно погибали в тюрьмах или, надломленные, кончали жизнь самоубийством. Конечно, были возможно сотни или тысячи таких героев антикоммунизма, как Владимир Буковский, но о них никто не знает. Мировое общественное мнение во все эти годы концентрировало основное внимание вокруг драмы «отказников» или тех диссидентов, которые были тесно связаны с группой Сахарова. Но надо отдавать себе отчет, что ни Сахаров, ни подавляющая часть его последователей, принимавших участие в правозащитном движении, не были мировоззренческими противниками коммунизма и марксизма-ленинизма, не воспринимали себя как последователи белого, антибольшевистского движения. Марксистское мировоззрение идеологов борьбы с так называемой «аппаратной перестройкой Горбачева» Леонида Баткина или Юрия Буртина – яркий тому пример.

Кстати, идея превращения СССР в множество независимых государств (сначала мыслилось создание на основе СССР сорока – пятидесяти государств), которая родилась в кружке Сахарова и активно пропагандировалась Еленой Боннэр, Галиной Старовойтовой, Леонидом Баткиным, так называемая теория «кубиков», прямо вытекала из ленинской идеи государственного самоопределения народов России. Вся политическая практика сахаровской социал-демократической оппозиции с самого начала перестройки была направлена на доведение до логического конца ленинской национальной политики.

В СССР, как советской стране, где подавляющая часть интеллигенции была родом из красных семей, а других семей после ленинской и сталинской чистки просто осталось очень мало, где все с детства воспитывались в духе марксизма-ленинизма, либеральное движе-

ние было прежде всего антисталинским движением, подпитывалось просто ненавистью к созданной им аппаратной, «административной системе». Все основные претензии ограничивались восстановлением так называемых «ленинских норм» партийной жизни и преодолением насажденной Сталиным практики государственного антисемитизма.

По этой причине либеральное, антиаппаратное движение нашей интеллигенции на первом этапе перестройки, с 1986 по 1990 год, выступает не под знаменем реставрации докоммунистической России, а под знаменем реставрации досталинской партии и досталинской России, под знаменем реставрации ленинской гвардии. *Не случайно именно 1989 год ознаменовался опубликованием целого ряда статей, посвященных критике тех, кто, по словам Игоря Клямкина, выступал с обвинительными приговорами в адрес «старой партийной гвардии». С точки зрения этого автора, трагедия революции состояла прежде всего в том, что «люди, входившие в руководящее ядро большевистской партии... стали требовать друг от друга нечто невыносимого, отбрасывающего их в духовном отношении ко временам Галилея и предвосхищающего сталинщину задолго до ее утверждения: они стали требовать друг от друга отречения от взглядов».*⁴⁸

Таким образом, даже в самых «смелых», как считалось в то время, статьях перестроечной публицистики речь шла не об осуждении коммунизма, а об осуждении ленинской гвардии за то, что она оказалась не на высоте своих коммунистических убеждений. Этот факт сам по себе свидетельствует, что идеологическая и духовная инициатива в СССР к началу перестройки принадлежала именно наследникам интернационалистского, досталинского ленинизма, что речь шла только о доведении до конца задач и целей хрущевской оттепели, о реставрации так называемых «ленинских норм партийной жизни».

Только очень незначительная часть советской интеллигенции, считающая себя либеральной, воспринимала себя наследницей русского либерализма начала века, искала свои корни у идеологов кадетской партии, у вождей октябристов, у веховцев. Разрозненные нелегальные кружки по изучению трудов Бердяева появились в Москве только в конце 60-х – начале 70-х, но это интеллектуальное движение никогда не было сколько-нибудь значительным, тем более оно не переросло в политическое движение. Кстати, как я точно знаю, в «русской», «молодогвардейской» партии, которая сформировалась во второй половине 60-х, не было, за редким исключением (речь идет о Сергее Семанове), тех, кто исповедовал бы белые ценности, восторгался бы героизмом «белого движения».

Тот, кто пытался восстановить связь времен, ставил себя в трудное положение, ибо в той или иной форме был вынужден заявить о себе как об антикоммунисте, антимарксисте и поставить себя вне общества. Трагическая судьба сотрудника института философии АН СССР Ирины Балакиной, которая посвятила свою жизнь изучению философского наследия Николая Бердяева, яркий тому пример. Она повесилась в начале 70-х, не имея возможности ни для публикации своих работ о Бердяеве, ни для свободного изложения своих философских взглядов. На моем курсе, а мы поступали на философский факультет МГУ в 1963 году, четверо студентов покончили жизнь самоубийством, ибо не были в состоянии примирить свои антикоммунистические воззрения даже с той либеральной советской действительностью, которая выпала на наши студенческие годы. Настоящие, героические антикоммунисты просто не могли выжить в советской системе, она их методически уничтожала. По этой причине к началу перестройки в стране не оказалось ни лидеров антикоммунистического движения, ни самого антикоммунистического движения.

Герои антикоммунистического сопротивления, которые рождались в недрах православной церкви, как правило, погибали в тюрьмах, они до сих пор мало кому известны. Надо помнить, что подавляющее большинство среди политических заключенных состав-

⁴⁸ Клямкин И. М. Почему трудно говорить правду. «Новый мир», 1989, № 7, с. 208–209.

ляли националисты и религиозные деятели Западной Украины и Литвы, о судьбе которых на Западе обычно писали очень мало.

Поэтому выход из системы могли осуществить только те политики и люди, которые нашли компромисс с системой или которые, как Горбачев и Яковлев, обладали властью ломать систему сверху.

Наши шестидесятники, которым было суждено сыграть решающую роль на первых этапах перестройки, были и оставались марксистами и атеистами. Это во многом объясняется и их коммунистической родословной и самой логикой выхода из господствующей идеологии.

Совсем не случайно именно шестидесятники, подвергающиеся преследованиям в 70-е за свои «ревизионистские» взгляды, речь о Геннадии Лисичкине, Иване Фролове, Григории Водолазове, Отто Лацисе, в годы идеологического перелома, в 1988–1990 годы, буквально в штыки встретили первые легальные статьи антикоммунистического содержания, стали именно в годы перестройки активными защитниками марксизма и марксистской идеологии. *Наиболее характерной среди всех этих статей, посвященных апологетике учения Маркса и Энгельса о социализме, была статья Геннадия Лисичкина «Мифы и реалии. Нужен ли Маркс перестройке?», опубликованной в ноябре 1988 года во все том же «прогрессивном» и «революционном» «Новом мире».*

В подобного рода статьях речь шла о необходимости возвращения к подлинному, настоящему Марксу, к новому изданию социалистического строительства в СССР. «Не может быть успешного движения вперед, – писал Геннадий Лисичкин, – без очищения Маркса от Сталина, без возвращения к теоретическому наследию классиков, дискредитированному сталинистами различных рангов».⁴⁹ При этом учтите: назад к Марксу призывали интеллигенты с безупречной моральной репутацией, которые подвергались преследованиям после 1968 года.

Наша интеллигенция, которая возглавила оппозиционное движение на первых этапах перестройки, как традиционная русская марксистская, левая интеллигенция, враждебно относились не только к православию, к его духовному наследию, но и ко всему, что было связано с дореволюционной Россией. Это, как правило, были люди, которым, как они говорили, *«не было жаль старой России».*

Поэтому понятно, что пределом их политических мечтаний к началу перестройки была только либерализация советской системы, преодоление сталинских извращений социализма, восстановление идеологии пролетарского интернационализма и послабления в части информации и эмиграционной политики.

К началу перестройки в СССР не было ни одного ученого, интеллектуала, который бы верил, предвидел, что уже через пять лет у нас будет свободная печать, многопартийность и право на получение заграничного паспорта. И сам по себе этот факт говорит о том, что к 1985 году не только духовные и политические устремления простого народа, миллионов рабочих и крестьян, но и духовные устремления интеллигенции, которую сейчас принято называть либеральной, не выходили за границы существующей системы. Речь шла только о ее гуманизации, трансформации.

Люди, которых на Западе по недоразумению считали «столпами» демократии, к примеру Отто Лацис, еще в 1989 году защищали ленинский, красный террор. Даже если ленинская гвардия, писал Отто Лацис, превысила «теоретическую меру террора в тысячу раз, мы не имеем права это ставить им в вину».⁵⁰

⁴⁹ Лисичкин Г. Мифы и реалии. Нужен ли Маркс перестройке? Ж-л «Новый мир», 1988. С. 165.

⁵⁰ Лацис О. Термидор считать брюмером. Ж-л «Знамя», 1989, № 5. С. 192.

И именно по этой причине в России главным препятствием на пути каких-либо попыток реставрации докоммунистической России в конце концов и оказалась советская, марксистская интеллигенция, которая так и не могла выйти за рамки марксистской левой парадигмы общественного знания, так и не сумела ввести либеральные и рыночные реформы в контекст российской истории, связать их и с национальными традициями и с российской психологией. И именно по этой причине либеральная интеллигенция сейчас встречает в штыки попытки Путина реабилитировать понятие «национальные ценности», напомнить о той громадной роли, какую играла РПЦ в становлении российской государственности и великой русской культуре.

У нас не было ни моральных, ни политических условия для превращения перестройки в процесс реставрации докоммунистической России, для возвращения в правовое поле, по крайней мере, к Учредительному собранию.

Показательно, что перестроечная публицистика (речь о статье Игоря Клямкина «Какая улица ведет к храму?») начиналась с призыва читать «умные книги» старых социалистов и прежде всего книги Николая Гавриловича Чернышевского.⁵¹

Парадокс истории состоит в том, что даже во время самых решительных действиях вождей «Демократической России», то есть накануне похода участников митинга по поводу победы над ГКЧП к зданию КГБ 22 августа 1991 года, инициатор этого марша священник Глеб Якунин сравнивал подвиг защитников Белого дома с подвигом красных коммунаров в декабре 1905 года, подчеркивая тем самым преемственность между первой большевистской революцией 1905 года и своей собственной антиаппаратной революцией.

И этот факт сам по себе говорит о том, что даже самые решительные действия антиаппаратной оппозиции, направленные на разрушение коммунистической системы, направленные на преодоление коммунистической системы запретов, носили характер *красногвардейской атаки на коммунизм*.

Парадокс состоит в том, что к началу перестройки единственной убежденной антикоммунистической силой были писатели, которые активно сотрудничали с режимом, его активно поддерживали, но открыто говорили о своем уважении к традициям православия, к державным традициям России. Владимир Солоухин уже с конца шестидесятых говорил о своей приверженности монархической идее, Валентин Распутин в своих ранних романах показывал, что коммунистический эксперимент разрушает моральное здоровье народа, Виктор Астафьев описывал ужасы коллективизации в Сибири, Сергей Залыгин в своих романах, к примеру, в романе «Комиссия», просто высмеивал большевиков. Показательно, что ни Владимир Солоухин, ни Виктор Астафьев, ни Сергей Залыгин не принадлежали к союзу литераторов, которые называли себя «русской партией».

*Молодой Валентин Распутин в своей повести «Прощание с Матерой», наверное сам того не зная, воспроизводит веховскую критику русского революционного экстремизма. Вот что говорит о нынешних коммунистических временах его героиня старуха Дарья: «...Про совесть... Раньше ее видать было: то ли есть она, то ли нету. Кто с ней – совестливый, кто без ее – бессовестный. Тепери холера разберет, все сошлось в одну кучу... Али сильно большие дела творят, про маленькие забыли, а при больших делах совесть, однако, что железная, никак ее не укусишь».*⁵²

Валентин Распутин был неосознанным антикоммунистом, просто традиционным народником. Но даже такие антикоммунисты, как Виктор Астафьев, Сергей Залыгин, чувствовали себя частью советской элиты и не стремились к разрушению существующей коммунистической системы. Они, писатели почвенники-антикоммунисты, не могли стать ини-

⁵¹ См.: Клямкин И. М. «Какая дорога ведет к храму?» Ж-л «Новый мир», 1987, № 11. С. 190.

⁵² Распутин В. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М., 1984. С. 233.

циаторами каких-либо оппозиционных движений, ибо как русские державники ставили дело сохранения прочности российского государства выше дела свободы. А уже молодогвардейские почвенники в начале перестройки просто выступили против публикаций, посвященных разоблачению сталинских репрессий, против политики Горбачева, направленной на окончательную десталинизацию КПСС. Рупором этих настроений стал писатель Александр Проханов, активный защитник ввода Советской Армии в Афганистан, который еще в апреле 1987 года выступил против либеральной, прозападной направленности реформ Горбачева, требуя возвращения к сталинской мобилизационной экономике, призывая вернуться к идеологии государственной жертвенности и государственного стоицизма.⁵³ И именно тот факт, что треть президентство Путина совпало по времени с золотым веком прохановщины, с превращением Александра Проханова в официоз, в носителя «кремлевской правды» и «кремлевской истины», свидетельствует, на мой взгляд, о крахе политики декоммунизации России.

Именно в тот момент, когда у почвенников и публицистов-славянофилов появилась возможность открыто выступить с реставрационными идеями, которые они развивали на страницах журнала «Молодая гвардия» со второй половины шестидесятых годов, они неожиданно вдруг стали самыми рьяными защитниками ленинизма и Ленина как национального коммуниста, абсолютно игнорируя тотальную потребность в исторической правде, которая накопилась под спудом монополии идеологии марксизма-ленинизма, игнорируя интеллигентский голод на правду.

Подобная прямая и косвенная поддержка писателями-почвенниками, неославянофилами Сталина как государственного деятеля России и привела на первом этапе перестройки к моральной дискредитации всего этого направления общественной мысли, которое было на тот период единственной силой, стоящей на позициях исторической преемственности, рассматривающей себя в контексте движения русской истории, сознательно посвящало свое литературное творчество оживлению национальной памяти русских. Впрочем, надо видеть правду, я уже обращал внимание, что «Русская партия» шестидесятых, в которую входили многие литераторы-почвенники, все-таки в главном, в негативном отношении к Западу, к капиталистической, рыночной экономике оставалась «красной» партией. Разница лишь в том, что она выводила свою «красноту», свое антизападничество не из марксизма, а из русского народничества, из веры в исходную общинность, коммунистичность русского крестьянина и русского национального характера. В этом отношении многие литераторы-почвенники, примыкающие к «Молодой гвардии», и прежде всего Виктор Чалмаев, Михаил Лобанов, были просто предвестниками нынешней «победы» учения об особой русской, антизападной цивилизации. Все же антизападничество почвенников, примыкающих к «русской партии», того же Михаила Лобанова или Виктора Чалмаева, носило больше стихийный характер, как типично русский интеллигентский протест против мещанства.

По сути писатели-почвенники, ставшие в начале перестройки на позиции апологетики Сталина, дискредитировали патриотизм как ценность и как способ переживания национальной истории, подрывали моральные основы своего собственного литературного творчества. Тогда почвенники-славянофилы проиграли борьбу за влияние на массы, так и не вступив в серьезную политическую борьбу. Проблема национального самосознания и возврата в национальную историю не стала фактором политической борьбы.

Попытка писателей почвенников, красных патриотов, уже накануне ГКЧП, накануне августа 1991 года включиться в активную политическую борьбу, примером тому «Слово к народу», опубликованное в мае 1991 года в газете «Советская Россия», была запоздалой. К тому времени демократам-западникам удалось перехватить политическую и идеологическую инициативу, целиком вывести недовольство людей политической системой из истори-

⁵³ См.: Литературная газета, 6 мая 1987 г

ческого, национального контекста. По сути лидерам «Демократической России» удалось к началу 1991 года создать нечто подобное революционной ситуации, раскатать недовольство аппаратчиками и аппаратной системой. Кстати при этом использовались те же большевистские методы возбуждения ненависти к тем, кто «зажрался», кто «ездит в черных, «Волгах»» и. «получает пайки». *Почвой подобного недовольства был не антикоммунизм, не желание вернуться в докоммунистическое прошлое, но, напротив, коммунистический эгалитаризм, стремление добиться полного коммунистического равенства.*

В Польше, напротив, антикоммунизм вырос прежде всего из устойчивых, никогда не спадающих реставрационных настроений. Тут всегда, на протяжении всех сорока лет коммунистического эксперимента сохранялся католический дух народной культуры, тут продолжала жить и творить польская католическая, антикоммунистическая интеллигенция, при всех самых драматических обстоятельствах сохранялась связь польских времен.

К примеру, в ПНР уже к концу семидесятых ностальгия по межвоенной Польше становится доминантой общественных настроений, не только национальной интеллигенции, но и крестьянства и даже социалистического рабочего класса. Шествия школьников и студенчества к могиле маршала Пилсудского в Вавеле в Кракове происходили постоянно уже с начала семидесятых. Тут все время существовал такой мощный субъект реставрации докоммунистической Польши как польская католическая церковь, которая всегда сама определяла границу власти коммунистической системы и активно по всем линиям противостояла марксистской идеологии. Уже в конце 70-х, за год до всеобщей политической забастовки, организованной «Солидарностью», Костел объединил все отряды оппозиционной интеллигенции, нашел платформу для общих действий с атеистическим и левым КОС-КОРОМ. Сопротивление коммунистическому режиму в Польше проявлялось еще в том, что на протяжении сорока лет представители свободных профессий, медики, математики, физики никогда не вступали в ПОРП. В сущности, коммунисты никогда не контролировали Польшу в строгом смысле этого слова, никогда не оказывали серьезного влияния на духовную жизнь крестьянства, интеллигенции. После введения в декабре 1981 года военного положения «Солидарность» продолжала свою политическую и агитационную деятельность на территории церквей, монастырей и даже государственных музеев. Прекрасный тому пример – пасторская деятельность ксендза Попелюшко в костеле Святого Станислава в районе Жалибожа в Варшаве после введения военного положения в декабре 1981 года. Его убили агенты государственной безопасности в 1985 году, чтобы скомпрометировать Ярузельского и отстранить его от власти, но мертвый Попелюшко, на похороны которого пришло полмиллиона варшавян, превратил свои похороны в похороны военного положения, а вместе с ним и польского социализма. Ничего подобного в СССР, в РСФСР до перестройки даже представить невозможно.

В СССР, напротив подавляющая часть интеллигенции, и прежде всего гуманитарной, преподаватели вузов, учителя школы, состояли в КПСС. В СССР, в равной мере это относилось и к Болгарии, Румынии, только членство в коммунистическом союзе молодежи, а потом в партии открывало дорогу к высшему образованию, к карьере. Среди технической интеллигенции, работающей на оборонку, почти все состояли в КПСС. Наиболее образованная и талантливая часть общества в СССР состояла в КПСС.

Конечно, среди этой многочисленной партийной интеллигенции было очень мало марксистов-фундаменталистов типа главного редактора журнала «Коммунист» Ричарда Косолапова, но в то же время сама эта ситуация повального членства образованной части общества в КПСС исключала появление в СССР влиятельной и авторитетной антикоммунистической оппозиции. Просто в стране не было отчетливых антикоммунистических настроений. Александр Солженицын не предвидел, не верил в возможность чуда, в то, что в один миг советская политическая система рассыплется, что русский коммунизм своими руками

задушат наследники Сталина, руководители КПСС. Но его описание мировоззрения, духовного облика советской интеллигенции брежневской эпохи было близко к правде. У советской интеллигенции, как и у дореволюционной, не было «сочувственного интереса к отечественной истории, чувства кровной связи с ней».⁵⁴ Подавляющей части советской интеллигенции, КАК ЕЕ КУМИРУ Булату Окуджаве, «не было жаль» дореволюционной России, а потому она душой была на стороне красных. Александр Солженицын обращает внимание, что даже диссидент Григорий Померанц, «представляющий совсем другой круг столичной образованщины – непристроенной, неруководящей, беспартийной, гуманитарной, не забывает восхвалять «ленинскую культурную революцию» (разрушила старые формы производства, очень ценно!), защитить образ правления 1917–1922 годов («временная диктатура в рамках демократии»). И самое главное, на что особое внимание обращает Александр Солженицын, что диссидент Померанц полагает, будто русский обыватель вполне заслужил «деспотического отношения» к себе со стороны победивших революционеров».⁵⁵

Именно потому, что Россия конца царствования Николая Второго была более свободной страной, чем советская Россия времен Андропова и Черненко, революции 1917 года были классическими революциями, а перестройка Горбачева была лишь аппаратной революцией сверху.

Парадокс нашей ситуации состоял в том, что у нас в силу самой природы тоталитарного режима какое-либо влиятельное оппозиционное движение могло появиться только в КПСС, только в рамках господствующей марксистско-ленинской идеологии и только при активном участии руководства КПСС. Наша демократическая оппозиция, перехватившая политическую инициативу в 1990 году, была не прямым продолжением нашего диссидентства, не прямым продолжением дела Солженицына, Сахарова, Буковского, Синявского, а делом Горбачева и Яковлева, которые создавали либеральную, как они рассчитывали, социал-демократическую оппозицию, чтобы ослабить позиции консервативных аппаратчиков и тем самым избежать судьбы Хрущева, избежать насильственной отставки. Кстати, Горбачев с самого начала рассматривал первые свободные выборы на съезд народных депутатов СССР в марте 1989 года и как тактический ход, направленный на ослабление позиций консервативного партийного аппарата. В докладе, который готовился на апрельский Пленум ЦК КПСС 1989 года по результатам выборов на съезд народных депутатов СССР, по мнению Горбачева прежде всего должна была прозвучать мысль о поражении партии Нины Андреевой, то есть твердолобых аппаратчиков, которые не выдержали проверку перестройкой. *(В группу доклада входили, наряду с Александром Яковлевым, Андрей Грачев и Александр Ципко.)*

Конечно, само появление на первом съезде народных депутатов СССР оппозиционной Межрегиональной группы, созданной по инициативе Гавриила Попова, выходила за рамки политической игры Горбачева и Яковлева. Но надо принимать во внимание, что политические лидеры первого легального оппозиционного движения в СССР, речь об Гаврииле Попове, Юрии Афанасьеве, Олеге Богомолове, все же оставались в КПСС, никогда не порывали свои связи с руководством КПСС, по крайней мере до начала 1991 года.

И сам по себе этот факт, то есть отсутствие в СССР развитой и авторитетной антикоммунистической оппозиции, отсутствие антикоммунистических национальных авторитетов, объясняет, почему перестройка была не демократической революцией, а типичной русской либеральной революцией сверху, была очередной попыткой просвещенного монарха дать больше вольности народу. Горбачев как выпускник МГУ больше заботился о вольностях интеллигенции.

⁵⁴ Из-под глыб. С. 220.

⁵⁵ Из-под глыб. С. 243.

В Польше, напротив, мы были свидетелями растянувшегося на сорок лет антикоммунистического сопротивления.

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что стихийные идеи уравнительного равенства были всегда распространены и в Польше, особенно среди польского рабочего класса. Они были сильны как настроения христианского социализма во время августовской всеобщей забастовки 1980 года в Гданьске. Что свидетельствует больше о славянскости поляков, чем о их любви к коммунизму. В конце концов, почва для левых, уравнительных настроений есть в любой стране, она коренится, в исходных предпосылках христианской культуры. Но все же доминантой настроений все эти сорок социалистических лет было сопротивление навязанному «Советами» Польше коммунизму.

Совершенно случайно ПНР была самым слабым звеном коммунистической системы, и совершенно случайно Польша первая осуществила первую мирную антикоммунистическую революцию. Польша была форпостом антикоммунистических настроений не только в силу своей польской свободолюбивости, польской шляхетности, но еще и в силу того, что коммунизм навязали Польше русские, что лидером коммунизма оказался СССР, то есть наследник российской империи, которая на протяжении веков была традиционным противником поляков, а потом, в конце XVIII века проводила политику разделов Польши, способствовала уничтожению их национального государства. Сопротивление коммунизму было в Польше всегда сильно, ибо оно одновременно носило характер национально-освободительной борьбы, характер противостояния русской экспансии.

Соединение борьбы за демократию с борьбой за восстановление национальной независимости является отличительной чертой антикоммунистического движения не только в Польше, но и в Чехословакии, Венгрии.

Но ничего подобного не было в Российской Федерации, то есть в коммунистическом сердце СССР, где коммунизм оказался в конце концов национальным выбором, свободным выбором беднейших слоев русского этноса.

§ 4. О некоторых причинах распада СССР

Но тогда возникает главный вопрос, интересующий меня, но оставшийся вне сознания современной посткоммунистической России. Если у нас не было, в отличие от социалистических стран Восточной Европы, сознательного, массового сопротивления коммунизму, то почему он у нас в течении нескольких дней рассыпался? Мог бы СССР сохраниться, если бы не пришел к власти Горбачев с его планами перестройки? Почему никто, абсолютно никто не сумел предвидеть столь быстрый, спонтанный распад советской системы? Я могу задать еще десяток подобных вопросов, поставленных перед нами неожиданной кончиной русского коммунизма. Но почему-то, и в этом особенность современного российского национального самосознания, никто у нас не хочет всерьез задуматься о событиях 1991 года. Ведь очевидно, что СССР убила горбачевская гласность, реабилитация языка правды, проснувшаяся русская жажда Правды с большой буквы.

Свобода дала простор «национальным духам», которые взорвали скрепы, соединяющие национальные республики СССР. Центробежные силы всегда были живы под спудом советской системы. Но раньше они все же уравнивались центростремительными настроениями, чувствами единения, реальными успехами социалистического интернационализма, успехами на пути, как мы говорили, формирования новой исторической общности под названием советский народ, успехами на пути распространения среди народов СССР и русского языка, и действительно великой русской культуры, успехами экономической интеграции. В конце концов, фактором естественного, ненасильственного единения народов СССР была и сложившаяся на протяжении нескольких веков у русских, у великороссов и

малороссов многовековая привычка быть вместе. Силами сдерживания центробежных сил были и советский интернационализм, и советская многонациональная элита, и единая русско-советская культура, и экономические связи.

Но теперь, после распада СССР, становится видно, что на самом деле все эти объективные факторы единения народов СССР могли работать, сдерживать «духи национализма» только в условиях сохранения и стабильного развития советской системы. Теперь становится ясно, что в условиях революции, какой на самом деле была перестройка, в условиях демонтажа механизма страха, центробежные силы становились сильнее центростремительных, сильнее многовековой привычки жить вместе. Надо понимать, что силы страха у нас в СССР сдерживали не только республиканский национализм, самоопределенческие страсти, но и социальное недовольство, вызванное вечным советским дефицитом, неустроенностью быта. По мере того, как до советского общества доходила правда о якобы «загнивающем капитализме», росло моральное, духовное сопротивление абсурдам советской системы, росло недовольство «колбасными электричками». Свобода не только открыла простор для «национальных духов», но и предоставила им возможность активно использовать в своих разрушительных целях недовольство извечным советским дефицитом.

Надо понимать, что сам по себе проигрыш СССР в экономическом соревновании с Западом, неспособность советской системы обеспечить советским людям достойный, сопоставимый с другими европейскими странами уровень жизни, мог проявить себя, вылиться в активные политические действия только в условиях политической свободы, когда стало позволено говорить языком правды. В этом смысле не соответствуют действительности утверждения многих нынешних апологетов беловежских соглашений, что судьба СССР была решена, когда резко упали цены на нефть. Советский народ был куда более терпеливый, чем даже русский народ.

Не следует забывать, что до сих пор, спустя более чем двадцать лет, мы живем на экономических и материальных ресурсах СССР. Так что разговоры о том, что СССР распался из-за того, что цены на нефть упали до 9 долларов за баррель, или из-за того, что мы не выдержали гонку вооружений, рассчитаны на наивных.

Есть более, чем достаточно оснований утверждать, что если бы не перестройка, не горбачевская революция сверху, союз, по крайней мере единство всех русских – и великороссов, и малороссов, и белорусов, – единство славянских и азиатских республик сохранился бы надолго, по крайней мере еще два десятилетия.

Правда, и здесь надо быть справедливым. Руководители КПСС, как я выше обращал внимание, не могли не реагировать на стремительный рост свобод, который происходил в семидесятые и в начале восьмидесятых в европейских социалистических странах, прежде всего в Польше и в Венгрии. Горбачев со своей перестройкой был реакцией и на Прагу 1968 года, и на польскую «Солидарность» 1980 года. Советская система могла существовать долго в старом виде только в случае полной изоляции не только от Запада, но и от социалистических стран Восточной Европы. Все это говорит о том, что СССР, как страна строителей коммунизма, все же был обречен.

Как мы теперь понимаем, психология, состояние духа нации, национальной элиты или отсутствие таковой играют куда более важную роль в сохранении тоталитарных систем типа советской, чем состояние экономики. Материальными, экономическими факторами не объяснишь паралич воли у лидеров ГКЧП или самороспуск КПСС, самороспуск партии, которая на протяжении семидесяти лет контролировала все высоты политики и экономики. Конечно, Горбачев сознательно разрушал КПСС, хотел уйти от идеологической, революционной природы нашего государства. *Но ведь среди руководства КПСС, в рядах миллионного советского партийно-хозяйственного аппарата не оказалось силы, способной остановить разрушительные для системы демократические реформы.* Откровенной ложью является

утверждение наших реформаторов, команды Гайдара, что инициатором перестройки, инициатором разрушения советского строя был аппарат, была «номенклатура», которая решила «обменять власть на собственность» (Егор Гайдар). Во-первых, номенклатура не была так глупа, как полагал отпрыск этой номенклатуры Егор Тимурович. Она прекрасно понимала, что в России собственность без власти ничего не стоит. И, во-вторых, что следует из первого, на самом деле все обстояло прямо противоположным образом. Номенклатура и прежде всего партийный аппарат был упорным, категорическим противником перестройки, демократических перемен.

Но все же. За распадом СССР было много серьезных объективных причин. Но никакой неотвратимости в гибели СССР именно в 1991 году и именно таким образом, путем гибели центра, не было. Повторяю. Окажись на месте Горбачева другой член Политбюро, не выпускник МГУ, симпатизирующий либеральной интеллигенции, не скрытый «шестидесятник», история нашей страны могла сложиться по-другому.

Не забывайте, что ГКЧП поддержали не только все 25 автономных республик СССР, но и население БССР, значительная часть населения Украины, население всех азиатских республик поддержало ГКЧП, поддержало замораживание опасного и разрушительного новогаревского процесса. Многие обращали внимание на очень осторожную реакцию со стороны лидеров и Украины, и Грузии, и Армении, и Азербайджана, не говоря о лидерах среднеазиатских республик, на заявление ГКЧП. Таким образом СССР распался не только из-за перестройки Горбачева, но и из-за того, что среди членов ГКЧП, как писал Георгий Шахназаров, «не было признанного вождя, готового пойти до конца, взять на себя ответственность за кровопролитие. Ни один заговор не увенчается успехом, если не находится человек, без колебаний отдающий приказ: «Пли!». Абсурд с ГКЧП еще раз доказывает, что главная причина распада СССР состояла в нежелании и одновременно неспособности русской нации, ядра государства удержать центробежные силы, спасти единство страны. Прочтите покаянное, слезливое письмо руководителя ГКЧП В. А. Крючкова М. С. Горбачеву (25.08.91), и вы поймете, почему русские проиграли вчистую свой XX век. На фоне поведения проигравшего свой переворот генерала Крючкова поведение проигравшего свой мятеж генерала Корнилова в августе 1917 выглядит примером доблести и мужества. Хотя причины поражения и генерала Корнилова, и генерала Крючкова – одни и те же. В решающие минуты нашей истории у нас не находится достаточно людей, желающих спасти Россию.

Номенклатура была слаба духом. Но все же она не хотела перестройки, боялась взрывных перемен. Родовая травма СССР была связана не только с его излишней привязанностью к марксистской идеологии, но и с всевластием КПСС, с тем, что его настоящее и будущее во многом было привязано к настроениям воли лидера этой партии. Как выяснилось, стоило какой-либо чужой и в этом смысле разрушительной несистемной идее овладеть лидером КПСС, и вся система была обречена. Коммунистическое самодержавие лидера КПСС, как и право выхода из Союза, было миной, заложенной под его здание.

Советская система как бы нарочно готовила все необходимое для распада СССР на тот момент, когда его руководство потеряет контроль над страной. Она сделала русских гражданами РСФСР, лишила их русского национального сознания, понимания того, что СССР – это и есть складывающаяся веками Россия, она сделала все для независимости советских республик и, самое главное, система еще в двадцатые лишила нас национальной элиты, лишила нас всех тех, кто дорожил русским миром, готов был ради него умереть. Те, кто пришел на смену русской национальной элите, напротив, сделали все возможное, чтобы убить историческую Россию.

Конечно же, лидеры «Демократической России» как образованные люди знали, что распад СССР означает и распад единого русского мира, который до революции 1917 года на всех картах обозначался как «русские вообще», знали, что к «русским вообще» относились и

великороссы, и малороссы, и Белоруссия. Но, как известно, они «целились не в коммунизм, а в Россию», а потому сознательно поддерживали безумцев, решивших сократить русский мир до границ РСФСР.

СССР, то есть исторической России, русского мира, который создавался веками, уже нет, и его не вернешь, по крайней мере, как единое государство. Но надо помнить, что и в новой России, которая выбралась из-под обломков СССР, начала новую, некоммунистическую жизнь, сохранились, дают о себе знать все родовые травмы СССР. У этнического ядра страны, у великороссов до сих пор слабо развито чувство русскости, чувство ответственности за создаваемый их предками русский мир. Сегодня, в дни праздника русского патриотизма по поводу присоединения Крыма мало кто помнит, что сами русские, большинство населения РСФСР, поддерживающее Ельцина и его политику суверенизации РСФСР, были инициаторами распада славянского ядра СССР, отделения суверенной РСФСР от Крыма и Севастополя.

Я не претендую на полноту исследования причин во многом действительно неожиданного распада советской системы. В силу своих профессиональных знаний я обращаю внимание только на механизмы и субъекты распада марксизма-ленинизма как государственной идеологии, т. е. на процессы морального изживания революционной составляющей доминирующего в стране мировоззрения. Особенность моего подхода состоит в том, что я рассматриваю все эти процессы самораспада советской системы прежде всего в контексте истории российской общественной мысли, сравнивая прогноз о смерти русского коммунизма, зафиксированный в наследии выдающихся представителей русской общественной мысли, оказавшихся после революции в эмиграции, с тем, как на самом деле происходила в нашей стране в начале 90-х запоздалая контрреволюция, которая смела до основания экономические и политические основания советского строя. И именно этим, наверное, отличается мой анализ идейных истоков перестройки от других работ, посвященных исследованию феномена Горбачева.

Глава II

Русские мыслители в изгнании о причинах и возможных сценариях распада советской системы

§ 1. О свершившихся пророчествах

Политика гласности как осуществление, правда, запоздалое, русского, антикоммунистического проекта русской интеллигенции, не принявшей и большевизм, и ленинский Октябрь, реализовывалась во многом в соответствии с самим прогнозом распада советской системы, который был создан ею за семьдесят, самое малое – за шестьдесят лет до начала перестройки. С первых лет существования советской власти было уже видно, во-первых, что коммунизм можно изжить только изнутри, а не с помощью внешних сил, с помощью реванша «белых», внешней интервенции, во-вторых, что большевизм изнутри будет преодолеваться прежде всего за счет именно культурного, «духовного корня России», который заложен прежде всего в традициях великой русской литературы, и что борьба с коммунизмом – это прежде всего борьба за души русских людей. В-третьих, было видно, что толчком, началом к разрушению советской системы будет приход к власти в СССР, к руководству большевистской партией вождей, свободных от догматизма, способных критически, самостоятельно мыслить и, самое главное, осознающих аморальность коммунистической идеи. В-четвертых, было ясно, что жизнеспособным только тот антикоммунизм, который идет под лозунгом «новая жизнь и старая мощь».⁵⁶

Даже с философской точки зрения интересно воссоздать образ грядущей антикоммунистической контрреволюции, каким он виделся русским мыслителям в изгнании. При сравнении самого прогноза распада советской системы с тем, как он на самом деле произошел, становится видно, на что в действительности способен человеческий ум, что может и что принципиально не может увидеть из своего национального будущего даже самый одаренный, самый народный мыслитель, всей своей душой и сердцем погруженный в свою национальную историю, в толщу своего национального бытия. Тут мы входим в область философии, в область диалектики необходимости и случайности, и прежде всего необходимого и случайного в истории твоего собственного народа. Никто не в состоянии угадать, что решит господин Случай! И это, наверное, потому, что на самом деле нет никакой неотвратимой национальной истории, неотвратимой национальной судьбы. Можно увидеть только то будущее, которое наступает уже сейчас. И здесь действительно многое зависит от ума, аналитических способностей исследователя, его погруженности в психологию, бытие своего народа. Чтобы предугадать судьбу России на будущее, надо быть очень русским человеком. Как я попытаюсь показать далее, русские мыслители в изгнании знали о трудностях, *бедах посткоммунистической России куда больше, чем мы, активные участники разрушения советской системы.*

И в этом тоже предмет для философских раздумий. Оказывается, можно предугадать исходные противоречия самого процесса декоммунизации национальной экономики. Но невозможно за несколько поколений вперед предвидеть трансформации и видоизменения, происходящие в самой коммунистической идеологии, в сознании, строе души советского человека, рожденного Октябрем. И это еще одно подтверждение того, что логика развития души не совпадает с логикой развития экономики.

⁵⁶ См.: Струве П. Б. Размышления о русской революции // Струве П. Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 288.

В самом деле, ни один из русских мыслителей, даже Иван Ильин и Георгий Федотов, которые умерли уже в 50-е, не смогли предугадать ни идеологию, которая сметет с лица земли советскую систему, ни субъектов ожидаемой ими до конца жизни антикоммунистической революции. Вот почему в данной работе я уделяю много внимания исследованию мировоззрения основных субъектов нашей антикоммунистической революции.

И Николай Бердяев, и Петр Струве, и Иван Ильин, и Георгий Федотов рассчитывали, что у нас все будет по правилам, что возрождение белой идеологии, то есть национального православного духа опрокинет коммунистическое мировоззрение, что иначе как под белыми, в широком смысле этого слова, знаменами русские люди не пойдут на штурм советской системы. Самое главное, все они, русские мыслители в изгнании, мечтали о сознательной, осмысленной, духовно и идейно запоздалой антикоммунистической контрреволюции. *Они знали и понимали, что с исторической точки зрения советская система, и прежде всего советская экономика, нежизнеспособна, является тупиковой, и что рано или поздно эта система рухнет именно под напором собственных проблем.* Все они, даже самый воинственный и непримиримый антикоммунист Иван Ильин, понимали, что рассчитывать на второе издание Белой гвардии, на массовую вооруженную борьбу с коммунистической властью не приходится. Они видели, что на самом деле их вера в будущее духовное возрождение России имеет малое отношение к тому, что на самом деле происходит в большевистской России. Георгий Федотов первый увидел то, что до сих пор не может осознать посткоммунистическая элита: сталинская коллективизация убивает не только исходную материальную и духовную основу русской нации, т. е. русское крестьянство, но и будущее России. «Все, – писал в 1932 году Георгий Федотов, – совершается силою новой опричнины: нагнанных из города чиновников, красных преторианцев ГПУ да кое-каких подонков деревенской голытьбы. И становится страшно: удастся ли! То есть не «построить социализм», а разрушить все живые силы крестьянства, обратить его в рабство, без хозяйственной воли, без быта, без Церкви, без России. Сейчас решается судьба России – быть может на столетия. Если народ не отстоит себя в этой последней борьбе, значит, он перестанет быть субъектом истории... Жестокие сомнения закрадываются в сердце».⁵⁷

Все русские мыслители, находящиеся в изгнании, видели и понимали, что смысл контрреволюции в России будет состоять в росте свободы, в освобождении от коммунистической опеки на работе, в мыслях и даже в формах отдыха у себя в доме. И здесь их мысль двигалась в рамках само собой разумеющегося. Раз «революция уничтожила в России всякую свободу», то смысл контрреволюции – ликвидация власти большевизма – будет соответственно «освободительным процессом, должна дать свободу, свободу дышать, мыслить, двигаться, сидеть в своей комнате, жить духовной жизнью».⁵⁸ В этой же связи, в связи с уникальностью большевистского деспотизма, рассуждал уже Семен Франк: «любой другой государственный и общественный порядок, вплоть до пресловутого азиатского деспотизма, кажется гуманным и либеральным установлением».⁵⁹ И действительно в нашей истории социализма после деспота Сталина любой другой Генеральный секретарь КПСС, любой другой вождь, даже подонки Берия, насилующий девчонок, выглядел либералом и реформатором. Русские философы были правы в том, что большевистская система породила в людях ненасытную жажду личной свободы, и что крах советской системы вызовет русскую вольницу. Кстати, Ельцину в начале девяностых многие прощали и утрату работы, и утрату средств к существованию, и утрату социальных гарантий только потому, что с его именем связывалось освобождение от всяческих коммунистических запретов. Кстати, невиданная в

⁵⁷ Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. Издательство «Дарь», М., 2005. С. 231.

⁵⁸ Николай Бердяев. Смысл истории, с. 263

⁵⁹ С. Ф. Франк. Русское мировоззрение, с. 141

начале 90-х популярность Ельцина сама по себе опровергает основной тезис нынешних проповедников учения об особой русской цивилизации, согласно которому советская система была реализацией русского культурного кода. Тогда многие простые люди боготворили его за прямо противоположное, за то, что он освободил их от всех традиционных социалистических обязанностей и запретов, дал им право работать и не работать, пить и не пить, дал им то, в чем так нуждалась их душа. По этой причине и не было взрыва в начале гайдаровских реформ, по этой причине многое прощали самому Ельцину.

Как выясняется при повторном прочтении всех классических текстов о природе и судьбе большевистской революции, предвиденное, угаданное сводится к нескольким положениям, кстати, выведенным по аналогии с судьбой Великой французской революции. Впрочем, Николай Бердяев и не скрывал, что его «размышления» о судьбе «русской революции» навеяны «идеями Ж. де Местра о революции, высказанными в его гениальной книге «Consideration pur la France». Уже в начале двадцатых было видно, что русскую большевистскую революцию как революцию 1789 года нельзя победить извне, нельзя победить силами «бывших» классов, что надо быть готовым к длительному по времени процессу самоизживания большевистской революции. Русский народ, как в свое время французы, писал Николай Бердяев, «должен изжить горькие плоды революции и получить к ней отвращение». Было ясно, что и в нашем случае, как во Франции, «революционеры будут истреблять друг друга», что те, кто был всем в начале революции, станут прахом в ее конце.⁶⁰

Николай Бердяев, как и Семен Франк, и Иван Ильин, исходил все же из русской органичности, русской природности большевизма, а потому полагал, что большевизм как духовную болезнь надо преодолеть прежде всего изнутри. Отсюда и постоянно повторяющийся тезис: «Русскую революцию нужно пережить духовно углубленно. Должен наступить катарсис, внутреннее очищение».⁶¹

Они видели и знали, что русскому человеку «нельзя ждать спасения от Европы». Идеологи грядущей контрреволюции предвидели, что Запад будет спокойно созерцать и ужасы коллективизации, и ужасы голодомора, и сталинские репрессии 1937–1938 годов. Запад будет созерцать все эти ужасы и никогда не станет на защиту прав тех, кого насильствовала советская система. И мы действительно сами, к полной неожиданности и для Запада и для самих себя, всего лишь за несколько лет, с 1987 по 1991 год, разрушили большевистскую систему. И слава богу. Ибо сейчас мы не обязаны ни Западу, ни США своими свободами и реальными завоеваниями демократии. *Кстати, по этой причине Запад не имеет морального права выступать в роли судьи наших российских дел и поступков. И в том, что мы никому не обязаны нашими победами над нашим же русским коммунизмом есть своя польза. Нам сейчас не надо ни перед кем оправдываться, не надо становиться в позу провинившегося ученика.*

Все русские мыслители, современники революции 1917 года и начала социалистического строительства в СССР понимали, предчувствовали, что ирония истории будет состоять в том, что большевистскому коммунизму суждено доводить до конца дело обуржуазивания России и русского человека, так и не завершенное к октябрю 1917 года. «Возможно даже, – писал в своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма» Николай Бердяев, – что буржуазность в России появится именно после коммунистической революции. Русский

⁶⁰ «Природа революции такова, писал Николай Бердяев, что она должна дойти до конца, должна изжить свою яростную стихию, чтобы, в конце концов, претерпеть неудачу и перейти в свою противоположность, чтобы из собственных недр породить противоядие. В революции неизбежно должны торжествовать крайние течения, и более умеренные течения должны быть низвергнуты и уничтожены. В революции всегда погибают те, которые ее начали и которые о ней мечтали. Таков закон революции, и такова, по гениальной мысли Ж. де Местра, воля Провидения, всегда незримо действующая в революциях» (Николай Бердяев, смысл истории. С. 258).

⁶¹ Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 2002 г., с. 275.

народ никогда не был буржуазным, он не имел буржуазных предрассудков и не поклонялся буржуазным добродетелям и нормам. Но опасность обуржуазивания очень сильна в советской России». ⁶²

У нас в России большевистская революция, а потом коммунистическая система проделывали ту же размывающую работу, которую во Франции накануне революции 1789 года проделывал абсолютизм, а потом уже само буржуазное общество. ⁶³

Революция уничтожила не только привилегированные классы, но и все другие классы, все другие формы корпоративных связей, уничтожила дореволюционный рабочий класс, дореволюционное крестьянство, сословие купечества, казачество и т. д.

Одновременно произошло выкорчевывание человека из семейных связей, семейной истории, семейных преданий, выкорчевывание его не только из мира религии, но и из национальной истории, национальных традиций, преданий.

И такой голенький человечек, освобожденный от всего и даже от моральных заповедей, был завязан на коммунистическую идею через коммунистическое государство и коммунистическую партию. Ты мог не быть членом ВКП (б) или КПСС, но должен был свято верить в ее руководящую роль, понимать, что она, как у Маяковского, ум, честь и совесть эпохи. Но как только идейная связь начала ослабевать и одновременно устал карающий меч революции, коммунистический человек, оставшийся один на один с собой, стал просто социальным атомом, поглощенным только собой и в лучшем случае интересами своей семьи. ⁶⁴

Обуржуазивание советского человека, о котором писал в тридцатые Николай Бердяев, стало очевидно всем уже при Брежневе, в эпоху застоя, когда коммунистическая идеология полностью утратила свою витальность и превратилась в мертвые правила игры, в формальность.

И как только механизмы страха, механизмы насильственного коллективизма были сметены, на свободу вышел чистый и законченный индивидуалист, не думающий ни о чем, кроме своего благополучия, комфорта и наслаждений. Распад СССР как раз и спровоцировал индивидуалист, сторонник суверенитета РСФСР, который во имя желания сохранить кон-

⁶² Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. «Наука», 1990, с. 119.

⁶³ Пониманию этого механизма обуржуазивания людей в коллективистском, коммунистическом обществе опять мог бы помочь Токвиль с его анализом причин роста индивидуализма в условиях «абсолютистского правления там, где аристократии уже нет и быть не может». Токвиль как великий социолог видел то, что не видел Карл Маркс, которого тоже почитают как великого социолога. Он видел не только то, что лежало на поверхности, он видел, что на самом деле национальная аристократия является не только силой сдерживания деспотизма, абсолютизма, но и формой корпоративной связи как между членами своего аристократического сообщества, так и внутри самой нации, самого общества. К примеру, сегодня в Англии палата лордов воспроизводит не столько привилегии потомков аристократии, сколько национальную память, воспроизводит символы национального самосознания. Как видел Токвиль, классы – это не только фактор дифференциации, раскола общества, но и фактор социализации личности, обуздания эгоизма, своеволия. И, как оказалось, неважно, каким образом уничтожаются традиционно складывающиеся классы или корпорации, с помощью деспотического монархизма или с помощью коммунистической революции. Важно, что «люди в этих обществах, не связанные более друг с другом ни кастовыми, ни классовыми, ни корпоративными, не семейными узами, слишком склонны к занятию лишь своими личными интересами, они всегда заняты лишь самими собой и замкнуты в узком индивидуализме, удушающей любую общественную добродетель».

⁶⁴ Даниил Гранин в своей книге «Человек не отсюда» описывает этот процесс обуржуазивания, меркантилизации человеческих отношений в эпоху Брежнева. Все происходило по сценарию Николая Бердяева. Советский строй помог в какой-то мере обуржуазиванию русского человека. «Когда я, – пишет Даниил Гранин, – впервые в 1968-м узнал, что хирург в больнице “берет” за операцию, – не поверил. И все кругом не верили. Потом оказалось, что “берут” и в других больницах. Процесс шел постепенно. Узнавал, что берут при приеме в институт, за дипломы. Берут учителя, берут в райжилотделах за ордер, за обмен, берут за путевку в санаторий... Писали диссертации для нужных людей, писали им статьи, доклады, книги. Подношения большие и малые, торты, бутылки коньяка, духи – все становилось бытом, нормой делового общения. В малом масштабе оно отражало то, что творилось наверху. У нас пыжиковые шапки – там манто, у нас торты – там бриллианты. Прежнее небрежение к быту, коммунальщине, все уходило в прошлое, выглядело неудачливостью, хорошо жить, мирно жить, богато жить, не обращая внимания, каким путем это приобретено. Социальная психология перестраивалась. Исчезала бывшая “пролетарская гордость”, аскетизм, обыденное сознание ориентировалось на иные ценности».

троль над главными ресурсами страны, над нефтью и газом, добровольно сдал всю русскую историю, а вместе с ней не только Кавказ и часть Сибири, но и Севастополь, Крым и т. д.

Все мы знаем, что Украину в свою очередь, в конце 1991 года, в том числе и русскоговорящую Украину, включая Крым, Севастополь, подвинул на выход из СССР, из России так называемый «колбасный фактор».

«Сознательный» советский человек, живущий в УССР, тогда испугался, что в Киеве, Симферополе, Харькове и Одессе будет также пусто на полках магазинов, как в Москве и Ленинграде. Но ведь «сознательный» советский человек, проживающий в социалистической российской республике, ничем не отличался от своего собрата из советской Украины. Он хотел суверенитета, распада СССР, распада России по тем же шкурным, правда, не «колбасным», а «нефтяным» соображениям. «Сознательный» советский человек из РСФСР хотел, чтобы богатства недр Сибири принадлежали ему и только ему. «Сознательный» советский человек, живущий в РСФСР, не хотел, как он говорил, кормить республики Средней Азии, «всех этих казахов, узбеков, туркменов». Он, «сознательный» советский человек, тогда не знал, что в Казахстане и Туркмении находятся неисчерпаемые залежи газа и нефти.

Тотальное шкурничество по отношению к собственной стране и к национальной истории есть порождение эпохи последних двух-трех десятилетий жизни СССР. Хотя есть основания говорить, что и в 1917 году «шкурничество» играло не меньшую роль, чем в 1991 году. «Божий человек» в 1917 году разнес на клочки русский мир во имя куса земли. Точно так «сознательный» советский человек разобрал по кусочкам СССР, то есть социалистическую Россию.

От частного человека, который равен всем другим в свободе от всего социального, в советском человеке проявилось и то, что блестяще описал Токвиль, то есть «жажда взлета», убеждение, что каждый может быть всем, даже стать на место монарха. Все дело в том, что «в такого рода обществах, где нет ничего прочного, каждый снедаем страхом падения или жаждой взлета».⁶⁵ На наших президентских выборах, где каждый из кандидатов убежден, что он может стать президентом, даже охранник Жириновского, господин Малышкин, проявляется общее глубокое презрение к культуре в целом, презрение к культуре мысли, к образованности, к труду, ко всему, на чем держится человеческая цивилизация. Но это уже было во всех предшествующих революциях. «Или равенство или смерть» – это Гракх Бабеф во время Великой французской революции. «Каждая кухарка может управлять страной», – это Ленин накануне Великой октябрьской революции. И охранник Малышкин, пожелавший стать главой государства, во время президентских выборов 2004 года, уже в нашей демократической России.

Кстати, последний факт тоже подтверждает мой тезис, что в основе нашей контрреволюции, низвергающей коммунистический строй, лежал на самом деле этос большевизма. Наша парадоксальная контрреволюция на самом деле была вторым изданием большевистской революции. Такой финал советской истории мог предвидеть только всевышний.

Далее, нельзя не отметить, что русские философы уже в тридцатые, когда Сталин только начал создавать свой собственный самодержавный социализм, видели всю опасность, все драматические последствия, и прежде всего для российской государственности, «внезапного», как они писали, обвала коммунистической системы, видели в грядущей контрреволюции зерна хаоса, деморализации, распада. Все они, и как русские патриоты, и как специалисты по русской истории, понимали, что Россия без «сильной власти» не Россия, и что освобождение от коммунизма будет оправдано только тогда, когда Россия сумеет ее сохранить. «Как бы мы, – писал Николай Алексеев, – не расходились в определении будущего политического строя России, мы не можем не признать, что в ней возможен только поли-

⁶⁵ Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1997. С. 80.

тический строй, обладающий такой сильной властью. Сказанное обуславливается тем, что Россия не успокоилась еще от революционных бурь, и тем, что Россия искони привыкла к сильной государственной власти, и тем, что по громадным размерам своим она может быть связана и удержана только сильной властью».⁶⁶

Так что призывы идеологов «Отечества» и «Единства» конца девятнадцатого столетия к «сильной власти» не были оригинальны. К сожалению, в девятностые и политики и эксперты мало считались с тем, что было сказано о России и особенно о судьбах советской системы российскими мыслителями начала XX века.

По крайней мере, они и предсказывали внезапный характер обвала советской государственности и одновременно его боялись.

В этом вопросе, в оценке опасности внезапного обвала системы, нет разницы между отвлеченно-созерцательным во всем, что касается коммунизма, Николаем Бердяевым и пышущим жаром непримиримости к большевизму Иваном Ильиным.

Как сознательные русские патриоты, ставящие во главу угла сохранение национального бытия и национального государства они, естественно, не могли по-иному видеть последствия внезапной, хаотической революции. Отсюда и заявление Николая Бердяева, что «внезапное падение советской власти без существования организованной силы, которая способна была бы придти к власти не для контрреволюции, а для творческого развития, исходящего из социальных результатов революции, представляла бы даже опасность для России и грозила бы анархией».⁶⁷

§ 2. Николай Алексеев о логике и мотивах возможной антикоммунистической революции сверху (1926 год)

Обращает внимание, что во всех оставшихся нам в наследство текстах русских мыслителей о путях самоосвобождения России от коммунизма провидческое преимущество за теми, кто решался на серьезный, систематический анализ ненавистной им, созданной большевиками советской системы.

И тут я не могу снова не отметить особую предметность мышления, а потому и сбывшиеся прогнозы философа права и государствоведа Николая Алексеева (в 1917 году он избирается экстраординарным профессором Московского университета).

Николай Алексеев, как и Семен Франк, предвидел, что освобождение России от коммунизма будет даром случая и произойдет по воле самих властителей страны, будет инициативой сверху. Нельзя исключить, писал Николай Алексеев, что среди тех, кто принимал участие в строительстве советского государства, «образуется группа, которая приходит к убеждению в ошибочности основных предпосылок марксистской теории государства».⁶⁸

И как только она, эта группа реформаторов или, более точно, ниспровергателей системы, развивал свои мысли Николай Алексеев, придет к выводу о несостоятельности марксизма, перед ними станет вопрос: «Каким путем уходить от ошибочности созданной системы?». Или «разрушить построенное до основания или отнестись к нему, как инженер к несовершенному и не вполне оконченному проекту».⁶⁹

Как я показал выше, за перестройкой Горбачева вначале как раз и стояло желание совершенствовать так называемый «реальный социализм», облагородить первоначальный марксистско-ленинский «проект». В начале декабря 1986 года, накануне поворотного и в

⁶⁶ Николай Алексеев. Русский народ и государство. М., 2003, с. 339.

⁶⁷ Н. Бердяев. Смысл истории. С. 307

⁶⁸ Н. Алексеев. Русский народ и государство. С. 338.

⁶⁹ Там же, с. 338.

истории страны и в истории КПСС январского Пленума ЦК КПСС 1987 года, секретарь ЦК КПСС Вадим Медведев попросил меня, своего консультанта, «создать образ социализма, который был бы дорог интеллигенции, любому человеку». «Сформулируйте черты социализма, в котором вам лично хотелось бы жить», – этой фразой немногословный Вадим Андреевич завершил свое обращение ко мне.

Но мало известно, что за намерением совершенствовать «проект» стояли сомнения перестройщиков – и Михаила Горбачева, и Александра Яковлева, и Вадима Медведева, – в осуществимости так называемого научного прогноза коммунизма Карла Маркса, стояло ясное понимание того, что во многих отношениях марксизм принадлежит прошлому, вошел в противоречие с реалиями дня. Конечно, сомнения перестройщиков в марксизме были разного рода. Вадим Медведев смотрел на марксизм глазами Бернштейна, глазами немецкого социал-демократа, Александр Яковлев – глазами Николая Бердяева и Семена Франка, как на «химеру», аморальную утопию. Но понимание того, что Маркс во многих отношениях «ошибся», было у всех перестройщиков, даже у их лидера, наиболее догматичного и наиболее правоверного Горбачева.

Конечно, ни Михаил Горбачев, ни Александр Яковлев, ни Вадим Медведев не были теми лидерами, которые принимали участие в строительстве советской системы, как рассчитывал Николай Алексеев. Все дело в том, что такие малообразованные люди, как Иосиф Сталин или Михаил Калинин и Климент Ворошилов, не могли усомниться в верности «великого учения Карла Маркса». В двадцатые и тридцатые вся левая интеллигенция Европы обожествляла марксизм. До сих пор левые профессора в США и в Европе поклоняются марксизму, воспринимают его как символ своей левой веры. До сих пор подавляющая часть посткоммунистической интеллигенции в России, и особенно та ее часть, которая находится в оппозиции к Путину, убеждена в жизненности учения Карла Маркса, в том, что большевики – и Ленин, и Сталин – упростили, видоизменили вечно живое учение автора «Капитала». Прошедший в марте 2013 года в здании МГУ всемирный Московский экономический форум, собравший левых российских экономистов, прошел под знаменем поклонения непреходящей значительности учения Карла Маркса о капитализме.

Но в главном Николай Алексеев оказался прав. При «советском государстве», которое «есть прежде всего государство с сильной властью», какие-либо перемены возможны только сверху. Оказался он прав и в том, что при такой жесткой централизованной системе, какой было советское государство, громадное значение приобретают умонастроения тех, кто наверху, их вера или неверие в марксистские догматы. *Чем выше у нас уровень централизации системы, чем жестче и ярче выражено единовластие, тем выше и ярче выражена роль случайности в наше российской жизни.* Отсюда и возможность того, что я назвал преждевременной смертью коммунизма, т. е. демонтаж системы сверху, по инициативе коммунистического руководства страны до момента самоисчерпания социальных и экономических возможностей системы. Не забывайте, что еще Хрущев хотел сделать то, с чего начинал Горбачев, с политической реабилитации Николая Бухарина. Если бы Михаил Горбачев внял советам своего премьера Николая Рыжкова и не взял из Свердловска в Москву строптивного Бориса Ельцина, то скорее всего судьба перестройки и СССР сложилась бы по-другому.⁷⁰ Если бы умирающий Константин Черненко успел передать власть ортодоксальному секретарю МК КПСС Гришину, то скорее всего мы бы на целое десятилетие застряли в развитом социализме. Если бы Андропов прожил еще 10–15 лет, то мы скорее всего пошли бы по пути нового этапа в ужесточении советской системы, усиления ее репрессивной составляющей, что могло бы привести уже к контрреволюции снизу, к массовым протестам рабочего класса.

⁷⁰ См.: Михаил Горбачев. Я должен был действовать жестче. «НГ», 15 августа 2006 г., с.8.

Анализ советской системы как симбиоза «первого практического опыта демократической организации русского народа» с диктатурой партийных вождей также позволил Николаю Алексееву еще в 1927 году, за более чем шестьдесят лет до августа 1991 года увидеть, что страна будет уходить от коммунизма и большевизма как раз через систему советов, освобождаясь от опеки коммунистической партии. «Для будущего, – писал Николай Алексеев, – самым существенным вопросом внутренней политики является постепенное освобождение советского демократического начала от коммунистического гнета. Учреждение Советов дало оружие для такого освобождения в руки самому русскому народу».⁷¹

И все получилось точь-в-точь, как предвидел на шестьдесят лет, на три поколения вперед, Николай Алексеев. Как только вожди СССР начали освобождать созданные ими Советы от своей, коммунистической опеки, последние взбунтовались, распрямили свои крылья и отстранили от власти своих освободителей. Надо видеть и то, что инициатива контрреволюции исходила от Советов как детища самой революции 1917 года, что конфликт между партией большевиков и свободными, избранными в 1989 году Советами как раз и привел к гибели коммунизма в России.

Николай Алексеев даже сумел предвидеть те опасности, которые таит в себе демократизация России, особенно в случае увлечения непосредственно прямыми выборами депутатов. Если мы перейдем к непосредственной демократии до того, как в России сформируются партии европейского типа, предупреждал Николай Алексеев, то наша демократия «обратится в голосование за тех, кто всего более пообещает».⁷²

И, наконец, нельзя обойти вниманием и содержащийся в работах Николая Алексеева прогноз распада СССР, сформулированный им всего пять лет спустя после его образования в декабре 1922 года. Николай Алексеев видел, чувствовал, что коммунисты России, вопреки марксизму,⁷³ возбудили в России национальный центробежный дух, который, в конце концов, взорвет страну. И, самое главное, Николай Алексеев предвидел, что многие бывшие советские республики после распада СССР превратятся в то, что мы сегодня называем «падающие государства», которые станут колонией конкурентов России.

«Над Россией витают теперь созданные советской политикой национальные духи, и парение их грозит советскому интернационализму, с которым они рано или поздно должны вступить в борьбу. Коммунистическая политика словно всеми силами стремится сделать реальной ту невероятную возможность, что в результате этой борьбы отдельные, входящие в состав России народы разрушают и Россию и интернационализм, и, так как они сами едва ли способны к самостоятельному государственному бытию, *то придет некто третий, не русский и не интернационалист, который и превратит их землю в свою колонию*»⁷⁴ (выделено мной. – А. Ц.).

Многое, очень многое мог увидеть из своего будущего российский дореволюционный профессор, погруженный и своими чувствами, и своими знаниями в свое национальное бытие. Еще раз повторяю. Такого провидческого дара по определению не может быть ни у бывшего советского ученого, ни у бывшего советского литератора. Даже у того, кто стремился, как Александр Исаевич Солженицын, остаться своей душой, вопреки всему, и в России и в своем национальном бытии. Но даже он, который призвал нас еще в семидесятые не жить больше во лжи, не видел, не представлял себе, какими изуверскими методами мы

⁷¹ Н. Алексеев. Русский народ и государство. М., 2003 г.

⁷² Там же, с. 352.

⁷³ «Марксистское мирозерцание есть типичный интернационализм, не признающий нации как самостоятельной ценности. По существу своему марксизм стремится к созданию пролетарского интернационала, а вовсе не союза национальностей. Идея союза народов искусственно пришта к марксизму, из которого она никак не вытекает и не выводится» (Н. Алексеев. Русский народ и государство. М., 2003 г., с. 368).

⁷⁴ Н. Алексеев. Русский народ и государство. М., 2003 г., с. 368.

будем уходить из коммунизма. *Во время нашего первого знакомства на банкете за белым вином, сразу после вручения посмертно его премии писателю Носову, Александр Исеевич неожиданно признался мне: «Видит бог. Если бы я знал, к чему приведет крах СССР, кто придет на смену коммунистам, то я бы не написал ни одной строчки».*

§ 3. Появления «шестидесятников» никто не мог предсказать

Можно было бы расширить рассказ о том, что удалось предвидеть русским мыслителям, оказавшимся в начале двадцатых в эмиграции, о путях и методах и даже последствиях грядущей антибольшевистской контрреволюции. Но все же нельзя не сказать, что в главном все они без исключения ошиблись. *Главное и наиболее существенное в образе нашей антикоммунистической контрреволюции они не смогли увидеть. Коммунизм не был сметен, как полагал, к примеру, тот же Николай Алексеев, восставшим «голосом русского народа», не был сметен возрождающимся духом русского православия, проснувшейся веры в Россию, как надеялись и Николай Бердяев и Иван Ильин.*

В силу причин, которые видели, но с которыми до конца жизни не хотели согласиться герои моего рассказа, не оказалось восставшего, возродившегося православного, национального духа русского народа, который, как надеялись и Николай Бердяев, и Иван Ильин (и даже трезвый и осторожный во всем, что касается дорог к будущей некоммунистической России, Георгий Федотов), сметет с лица земли большевистский строй.

Сам русский народ в широком смысле этого слова, то есть прежде всего население наших славянских республик, и РСФСР, и УССР, и БССР, не принимал никакого участия в сломе советской системы, в борьбе с ней. И это клинический факт. В то время как, к примеру, в Польше советский строй погиб благодаря «Солидарности», благодаря массовому сопротивлению, и прежде всего рабочего класса коммунистической власти, у нас в СССР национального, организованного русского сопротивления коммунистической системе (по крайней мере после войны) практически не было. Сопrotивлялись с оружием в руках советской власти «лесные братья» в странах Прибалтики и особенно в Западной Украине. Но уже в середине 30-х не было никакого массового, организованного сопротивления советской власти в славянской России. Был бунт одиночек-студентов, пытавшихся, как Леонид Бородин, создавать группы духовного, православного сопротивления. Был бунт одиночек, кто во имя России порывал с советской системой и с советской жизнью и уходил, как, к примеру, студент философского факультета МГУ Андрей Кураев, в духовные семинарии. Но национального, русского, массового сопротивления коммунистической системе ни в сороковые, ни в пятидесятые и т. д., не было. Так называемая «русская партия», возникшая в конце шестидесятых в недрах издательства «Молодая гвардия», не была ни антикоммунистической, ни национальной в строгом смысле этого слова.

«Русская партия», как показали события, вместо силы, организующей русское антикоммунистическое сопротивление, попыталась летом 1991 года стать штабом консолидации всех просоветских сил.

Почвенническая интеллигенция, все советские писатели, не стесняющиеся себя называть «русскими писателями», и прежде всего Валентин Распутин, Василий Белов, Юрий Бондарев, в минуты роковые стали на защиту советского строя и советской системы. А советская, шестидесятническая интеллигенция, которая, как черт ладана, боялась, сторонилась и российского православия и «русского духа», как раз и возглавила борьбу против советской системы и обрушила в конце концов все политические и идейные основания страны Советов.

Русские мыслители в изгнании, все без исключения, полагали, что советская система будет сметена волной пробуждающегося российского патриотизма. На рост так называемой

мого «почвенного патриотизма», на появление «истинных», умных патриотов возлагал свои надежды глашатай и певец грядущего «антикоммунистического восстания» в России Иван Ильин. Но у нас, как оказалось, накануне распада СССР «патриоты-почвенники», в подавляющем большинстве неосталинисты, оказались самыми последовательными защитниками советского строя. Смешными на фоне того, что произошло в России в 1991 году, выглядят советы Ильина лишить избирательного права не только тех, кто состоял в компартии, но и тех, кто «служил ей». На самом деле бывшие коммунисты, подлинные ленинцы, сыграли решающую роль в переменах 1991 года. В жизни, на практике разламывали советский строй те, кто полагал, что русский патриот по определению является негодяем и антисемитом, кто видел в так называемом российском государственности своего главного врага.

Вера в коммунизм и в марксизм действительно, как и предполагали пророки грядущей контрреволюции, очень быстро иссякла в народе. Но видит бог, на ее место, на место коммунистической веры, даже если она у кого-то была, не приходило ни православие, ни русское национальное самосознание, ни вера в матушку-Россию. Накануне распада СССР не произошло ни «духовного самоочищения», ни «изживания» коммунистических установок и страстей, с которыми связывал грядущую контрреволюцию Иван Ильин.⁷⁵ Накануне распада СССР не была изжита в русском народе и наша традиционная любовь к «максималистам» и «доктринерам». А Георгий Федотов, к примеру, свято верил, что русский народ «вернется на свою землю», с «сыновней любовью прикинется к ней», когда поймет, что «всякий максималист есть убийца».⁷⁶ Напротив, антикоммунистическая революция 1991 года была совершена как раз максималистами и доктринерами, теми, кто обещал чудо, обещал невозможное. Наша августовская демократическая революция 1991 года была не просто праздником максималистов и популистов, но и праздником демагогов, просто шарлатанов. Интересно, что присутствие на политической сцене шарлатанов по мере увядания нашей демократической революции не уменьшалось, а, напротив, увеличивалось. Кстати, коммунизм в России умер не потому, что советская интеллигенция избавилась от родовых травм дореволюционной российской интеллигенции, избавилась от привычки мыслить «отвлеченно», формально, уравнительно, избавилась от «идеализации чужого, не понимая его», от привычки предаваться политическому и хозяйственному «максимализму», требуя во всем «немедленно наилучшего и наибольшего» (Иван Ильин), а, напротив, потому, что она так и не научилась мыслить конкретно, не научилась изучать жизнь и характер своего народа. *Сама идея Горбачева соединить социализм с демократией, совместить ленинско-сталинский социализм с демократией, свидетельствует о том, что у перестройщиков было столь же мало развито чувство реальности, как и у вождей февральской революции.*

Видит бог, никто из последних гениев земли русской не мог предвидеть, что систему будут разрушать «ленинцы», борцы за «коммунистическую справедливость» во имя «подлинного ленинизма», во имя «подлинного Маркса». Никто из них не мог предвидеть, что именно идеалы социализма окажутся могильщиками коммунистической системы, что советский строй будет разрушаться под знаменем ленинизма во имя настоящей «коммунистической справедливости». Их надежды на то, что отрезвевшие от вина марксизма лидеры советской системы, «сознательное» и «трезвое» меньшинство большевистской партии вернется

⁷⁵ Хотя они сами, к примеру, Георгий Федотов, видели: в реальной советской жизни пока все происходит вопреки их вере. Вместо очищения русской души происходит возрождение всех слабостей русской души, и прежде всего различных вариаций ксенофобии. Уже в начале НЭПа до выезда Георгия Федотова из СССР было видно, что Сталин укрепляет свои позиции благодаря росту антисемитских настроений в партии. «В партии свивает гнездо антисемитизм, — пишет Иван Ильин, — для которого борьба с капитализмом и еврейством (как некогда для Маркса) сливается в одно. Но то же происходит и в народных низах, рабочий и крестьянин, даже требуя свободной торговли, ненавидит спекулянта. Для народа еврей отвечает вдвойне: и за спекулятивный тип нового капитала, и за коммунистическую партию, которую по традиции, уже устарелой, продолжают считать еврейской» (Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. Изд-во «ДАРЪ», М., 2005, с. 171).

⁷⁶ П. Федотов. Судьба и грехи России. С. 236.

к идеалам святой Руси, оказались в вопиющем противоречии с действительностью реальной русской контрреволюции. Существует легенда, что к идеалам святой Руси хотел вернуться ленинградский лидер Романов, но, как известно, Ю. В. Андропов сделал все возможное, чтобы закрыть ему дорогу к власти. Лично я не верю, что кто-нибудь из бывших учеников Политбюро ЦК КПСС, придя к власти, мог открыто посягнуть на идеологическую легитимность СССР. В открытую не сделал этого и реформатор Горбачев. Обращает на себя внимание, что симпатизирующий «русской партии», симпатизирующий литераторам-почвенникам Егор Лигачев был и остается ортодоксальным ленинцем. Лигачев активно, как рассказывал мне мой однокурсник, его правая рука, помощник Валерий Легостаев, поддержал публикацию в «Советской России» письма Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами» (март 1988 года), он защищал и сталинскую коллективизацию, и косвенно – сталинские репрессии. Советский русский национализм, вопреки прогнозам наших философов, был не белым, а ярко-красным. И в этом также состоял парадокс нашей якобы антикоммунистической революции. Советские почвенники видели в обильном и безбрежном кровопускании нашей революции, в «ярости народной» высшее проявление русского духа. Подобной метаморфозы российского патриотизма не смог предвидеть ни один русский мыслитель в изгнании. Идеология нынешней КПрФ, выросшая из красного почвенничества, находится за пределами мыслимого и для Бердяева и для Ивана Ильина. Впрочем, был же Устрялов с его восторженным отношением к Ленину.

Видит бог, в действительности ни один из перестройщиков, ни тем более их лидер (знаю это точно) не нес в своей душе никаких идеалов Святой Руси, идеалов Православия, хотя и Горбачев, и Александр Яковлев были крещены в младенчестве. Если они и были государственники, то в советском смысле этого слова. По крайней мере среди идеологов и архитекторов перестройки не оказалось ни одного почвенника, ни одного из тех, кто принадлежал к партии «Молодой гвардии» и «Нашего современника». И Михаил Горбачев, и Вадим Медведев, и Наиль Биккенин, то есть подавляющее большинство людей, оказывающих влияние на Горбачева, разрабатывающих идеологию перестройки, были левыми, более того, убежденными атеистами. А совершили антикоммунистический переворот, отменили и партию большевиков и КГБ, а потом и советскую систему люди, политики не просто не имеющие никаких представлений об идеалах «святой Руси», но и враждебные и Руси как православной стране, и России как «империи».

Справедливости ради надо сказать, что, к примеру, Георгий Федотов уже в тридцатые, в эпоху Сталина, иронизировал по поводу своих собственных представлений десятилетней давности о путях изживания коммунизма в России. Георгий Федотов во второй половине двадцатых (как и Николай Бердяев в своей работе «Новое Средневековье», написанной в тот же период) связывал свои надежды на будущее, на скорое избавление от большевизма с христианизацией населения коммунистической России. Георгий Федотов в своей статье «Новая Россия», написанной вскоре после бегства на Запад в 1925 году, обращает внимание на то, что «за последние годы церковные настроения среди рабочих растут», и что к прошедшей через аскетическое очищение РПЦ «возвращается значительная часть интеллигенции».

Но все эти «образы» оздоровления коммунистической России, пишет Георгий Федотов, очень скоро, после начала сталинской коллективизации, «отошли в историю». «Едва начали проявляться дороги, – пишет он в работе «Проблемы будущей России», – ведущие в туманное будущее, – и вот опять «занесло тебя снегом, Россия». Избави Бог публицисту пророчествовать, а тем более – о России».⁷⁷

Хотя и здесь, в работе, написанной в тридцатые, Георгий Федотов связывает свои надежды на будущую антикоммунистическую контрреволюцию и с возрождением «мощ-

⁷⁷ Г. Федотов. Судьба и грехи России. С. 226.

ного национального чувства», и с возрождением «религиозного чувства в духовной элите, принадлежащей ко всем классам общества».⁷⁸

Интересно, что Бердяев даже в 1947 году, когда Россию, по его словам, снова, в какой уже раз после 1917 года, «начинает заносить снегом», продолжает верить в духовное, в религиозное обновление России и в возрождение того же национального чувства. Поразительно. Все названные мыслители видят, что реальное развитие событий в коммунистической России не дает никаких оснований на ее религиозное, национальное возрождение. Но все равно рассказ об этих неприятных процессах кончается у них, как и у Георгия Федотова, восклицанием: «Будем верить в Россию. Иначе стоит ли жить?».⁷⁹

Все, абсолютно все русские писатели, живописующие в своих трудах образ грядущей контрреволюции, полагали, что «сыны» или «внуки» большевистской революции будут делать ставку на «иное», на «начала», отличные и от тех, что господствовали до революции, и от тех, что господствуют в самой революции. Никто не видел, не предполагал, что у нас в советской России все будет по-другому, сначала «иным» будет подлинный Ленин, которого якобы после смерти извратил Сталин, и только потом, спустя пятнадцать лет, «иным» будет перезахоронение останков Николая II и его матери, Марии Федоровны в Санкт-Петербурге.

И этот момент, на мой взгляд, является ключевым для понимания разницы между антибольшевистской контрреволюцией и классическими контрреволюциями эпохи становления буржуазии. Не только в СССР, но и во всех социалистических странах Восточной Европы, сначала уходят от реального социализма к идеальному социализму. В Чехословакии в 1967–1968 годы к «социализму с человеческим лицом», в Польше в 1980–1981 годы – к «социализму с польской грядки». У нас в конце XX века не контрреволюционеры, а фундаменталисты, поклонники Октября, создают легальную оппозицию, то есть во имя идеала начинают расширять построеного социализма. И, кстати, в этом, в отклонении от классической контрреволюции, была своя хитрость. Прямая контрреволюция, то есть восстание, предполагает риск, мужество, готовность умереть. Но людей, готовых сесть в тюрьму, все потерять, а тем более умереть во имя свободы от коммунизма, по понятным причинам никогда не было много. А косвенная контрреволюция, то есть борьба за «подлинные идеалы» коммунистической справедливости, как это делал Ельцин, дает возможность вполне легитимно существовать в рамках системы. Впрочем, и мы, обществоведы конца 60-х – 70-х делали то же самое, опровергали Маркса, революционера, создателя учения о диктатуре пролетариата и пролетарской революции, его же словами, правда, словами «молодого Маркса» о всесторонне и гармонично развитой личности, о «коммунизме как подлинном гуманизме». Кстати, никто из русских писателей, пытавшихся вообразить себе путь освобождения России от коммунизма, не мог даже себе предположить, что к гуманизму Россия снова будет возвращаться через Карла Маркса, раннего Карла Маркса, через гуманистические источники его учения, а к свободе через идеалы и ценности современной западной цивилизации наслаждений, которые с их точки зрения несовместимы с русской душой».⁸⁰ Они, последние русские мыслители, повторяю, лучше нас чувствовали, пони-

⁷⁸ Там же. С. 240.

⁷⁹ Там же, с. 231.

⁸⁰ Во второй половине 60-х в СССР, начиная с книги Юрия Давыдова «Труд и свобода» (изд-во «Наука», М., 1965) создается целая литература, посвященная интерпретации «Философско-экономических рукописей 1844 года» Карла Маркса и особенно содержащемуся в тексте рукописей определению коммунизма «как положительного упразднения частной собственности – этого самоотчуждения человека – и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому, как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства достигнутого развития возвращение человека к самому себе... Такой коммунизм, как заверченный натурализм, – гуманизму, а как заверченный гуманизм – натурализму: он есть подлинное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком...» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Политиздат, 1956. С. 588). И во всех этих публикациях намек на то, что наш реальный советский социализм не имеет никакого отношения к тому, что Карл Маркс

мали «дороги России», но, видит бог, как мало дано «познающему разуму» знать о том, что сокрыто в дне грядущем. Уже в самом будущем сокрыта мистика человеческого бытия и человеческой истории, побуждающая верить в сверхъестественные начала всего существующего. Кстати, и сегодня, когда я пишу этот текст, как мне кажется, рождается много мистики, которая снова удивит Россию и род человеческий. Надо понимать, что будущее, как появление того, чего нет сейчас, в принципе непознаваемо. Ибо, если будущее есть продолжение настоящего, то оно уже есть не будущее, а продолжение настоящего.

Так и не удалось увидеть народным массам «духовную порочность», «сатанократическую природу социализма» даже накануне, как многим казалось преждевременной его смерти. А Николай Бердяев верил, что большевизм в России умрет, когда русский народ узрит в большевистском социализме образ сатаны.⁸¹ Не было к моменту гибели советского строя ни «духовного углубления», ни «внутреннего очищения», которые тот же Бердяев рассматривал как духовные предпосылки грядущей контрреволюции, грядущего избавления России от коммунизма.

Парадокс русской истории состоит в том, что советскую систему и заодно СССР разрушили люди, все наши Гавриилы Поповы, Юрии Афанасьевы, Галины Старовойтовы, Леониды Баткины, которые всех этих слов – «духовное углубление», «моральное очищение», «покаяние», «сатана» и т. д. – вообще не знали. Вожди нашей антиаппаратной революции были продуктами советской системы, советского образования, они, как убежденные атеисты и марксисты, были не только вне мира христианской морали, но и вне всех традиционных проблем русской духовной культуры. Кто мне не верит, пусть прочтет семисотстраничный катехизис могильщиков советской системы, изданный под названием «Иного не дано» (М., Прогресс, 1988 г.). Никто из тридцати пяти авторов этого сборника, даже писатель Даниил Гранин, не поставил вопрос о покаянии и нравственном очищении. Зато как пафосны в этом сборнике призывы Андрея Нуйкина к коммунистическому самоочищению, призывы чистить себя под Ленина.⁸²

Коммунизм у нас погиб и не от религиозного преображения русского народа, и не от полного и окончательного разлада русского человека и русского общества с советской системой, а из-за наивности и легкомысленности его последних вождей, решивших совершить невозможное, то есть соединить ленинско-сталинский социализм со свободой и с совестью. Коммунизм, строго говоря, погиб не от возвращения к высотам культуры, а из-за неизбежной в тоталитарной системе деградации общественной мысли, из-за утраты, как я уже сказал, у российского интеллигента чувства реальности. Можно по-разному относиться к Ленину и к Троцкому. Но они прекрасно понимали, что идеалы рабочей демократии несовместимы с тем обществом, которое они строят, а потому поставили крест на так называемой «рабочей оппозиции» во главе со Шляпниковым. А Горбачев начинает свое «генеральство» в КПСС с возвращения к идеалам рабочей демократии, с возрождения практики выборов директоров.

называл подлинным коммунизмом, намек на то, что у нас сохранились многие составляющие отчуждения человека от человека, и разделение труда на умственный и физический, и деньги, и имущественное неравенство, и вся структура социальной иерархии. И совсем не случайно Ричард Косолапов, выступивший своей книгой «Коммунизм и свобода» против этой неклассовой трактовки коммунизма, обвинял того же Юрия Давыдова в недооценке учения о диктатуре пролетариата в трудах Карла Маркса.

⁸¹ См.: Н. А. Бердяев. Смысл истории, с. 308.

⁸² Спасение страны, настаивал еще в 1988 году А. А. Нуйкин, в возрождении подлинного, настоящего коммунизма. Но для пропаганды коммунизма, считал А. А. Нуйкин, «не годятся... наемники. В этом деле требуется не только эрудиция, но и смелость, окрыленность души и фантазии, вдохновение, художнический талант» (Иного не дано. Изд-во Прогресс. М., 1988, с. 514).

§ 4. Сохранится ли «русская душа» после уничтожения «русского народа»

Для понимания качественных особенностей нашей контрреволюции, понимания идейных особенностей новой России важно знать, что до конца XIX – начала XX века никто в России не допускал гибели России как государства и общественного организма. Grimасой нынешнего праздника свободы, а он действительно является праздником, по крайней мере для многих, является распространение сомнения в возможность сохранения России. Кстати, после присоединения Крыма к России в марте 2014 года, несмотря на волны невиданного в последние полвека русского патриотизма, на самом деле вера в возможность сохранения России падает. Мне думается, что этот инстинктивный страх уже окончательно и навсегда потерять Россию как раз и стоит за нынешней истерикой от патриотизма.

В середине нулевых я прочитал десятки открытых лекций в молодежных аудиториях, по преимуществу студенческих. Поражает, что даже патриотическая, прокремлевская молодежь меня всегда расспрашивала об основании моей веры в будущее России, в то, что она сохранится. В любой открытой студенческой аудитории, и в Томске, и в Туле, и в Ярославле, и, естественно, в Москве, на каждый десяток задаваемых тебе, лектору, вопросов один-два обязательно продиктованы сомнениями в возможности сохранения России и как социума и как независимого государства. «А сохранится ли Россия вообще?»

Кстати, этот вопрос красноречиво свидетельствует о духовных итогах реформ, и политических, и экономических, последовавших после 1991 года, после распада СССР. Поражительно, но даже в годы сталинских репрессий русские люди не разуверились в будущем своей страны. Мое сознание является не столько копией сознания моих родителей, сколько копией сознания моих дедушек и бабушек и их друзей. Для всех них, за исключением чекиста деда Дзегузе, отца моего отца, СССР был «совдепией», революция, гражданская война – «временем голодного кошмара», а эпоха коллективизации – временами «собаки Сталина». Но при всем при этом у этих людей, даже у друзей отца моей матери, деда Ципко, наших соседей, героя Порт-Артура полковника Голембиовского и статского советника Кашина, – для которых революция оказалась катастрофой, и выжили они благодаря чуду, – даже у них, как я хорошо помню, не было никаких сомнений в будущем страны, их России. Все их ожидания будущего сводились к ожиданию смерти «собаки Сталина». Я уже не говорю о том, что не было никаких сомнений в будущем страны у брата моей мамы, инвалида войны Виталия и у его многочисленных друзей-фронтовиков, комсомольцев 30-х.

И Семен Франк, и Николай Бердяев, и Иван Ильин полагали, «что русская революция есть величайшая катастрофа – не только в истории России, но и в истории всего человечества». Но поразительно, что никто из них не делал очевидных, само собой напрашивающихся выводов из их оценки Октября как национальной катастрофы. Если Октябрь есть катастрофа, по крайней мере гибель старой, для них и для меня «нормальной России», «нормальной жизни», то какие гарантии, что она после этой катастрофы выживет? Но вместо серьезного анализа разрушительных для российского духа последствий советизации страны они все настойчиво декларировали веру в Россию и в ее будущее. Кстати, лозунг «ЕР» «Верим в себя и в Россию» имеет эмигрантское происхождение.

Впрочем, сам по себе лозунг «Отечества», а потом «ЕР» «Верим в себя и в Россию» свидетельствует и о дефиците этой веры у населения.

Интересно, что самую возможность полной и окончательной гибели и России и русского народа ни один из русских мыслителей начала XX века не допускал. Никто из них при всей диалектичности их мышления, не видел, даже не предполагал и наличия той ситуации, в которой мы сейчас оказались, не видел, что само по себе освобождение и от советской поли-

тической системы, и от многих очевидных глупостей марксистской идеологии само по себе ни к чему не ведет, ни к росту морали, ни к гражданской активности, ни к производственной активности. Этот, самый страшный, но самый вероятный вариант, то есть окончательная гибель и русского духа и русского национального сознания в рамках советской системы и советской истории, ими не принимался во внимание.

И в этом парадокс нынешней ситуации. С одной стороны, небывалый в истории России бум индивидуального строительства, а, с другой стороны, сохранение традиционных для России катастрофических настроений.

Я, наверное, не во всем прав, когда говорю, что русские мыслители в изгнании не видели все негативные, разрушительные последствия социалистической переделки и российского уклада жизни. Иван Ильин, который дожил до 1954 года, до смерти Сталина, в своем публицистическом завещании «Наши задачи» провел блестящий анализ всех негативных, разрушительных для души человеческой последствий советского образа жизни, разрушительных последствий левого, коммунистического тоталитаризма. Он обращает прежде всего внимание на *«искоренение независимых, лучших характеров в народе, в результате социалистического строительства и утверждения нового тоталитарного уклада жизни»*.⁸³ Об этом, кстати, говорил Путин в своей речи в июне 2007 года во время открытия в Бутово мемориала жертвам сталинских репрессий. Далее, все видели, что большевизм на самом деле есть соединение политики с уголовщиной, а потому есть моральное оправдание уголовщине. «Добро есть то, что полезно революционному пролетариату, зло есть то, что ему вредно», «Революции позволено все», «Законы буржуазных стран не связывают революционера».⁸⁴

Было видно даже из-за бугра, что советская экономика, выросшая на основе экспроприации, т. е. грабежа, провоцирует расхищение государственной собственности, самовознаграждение за неоплаченный труд. Коллективизированный крестьянин «от голода крадет свою собственную курицу». То есть кража – «самопроизвольное самовознаграждение» за бедлам в экономике, становится нормой.⁸⁵ Иван Ильин видел, что так называемые «несуны» (термин брежневской эпохи) станут составной частью советской экономики, что кража государственного выходит за рамки моральной оценки как деяние справедливое. В целом было очевидно, что характерное для революции вращение политики в уголовщину, сам тот факт, что в коммунистическом строе люди вынуждены искать «спасения от голодной смерти и стужи в непрерывной уголовщине», подтачивает и без того слабое правосознание русского человека. Иван Ильин считал, что уже тридцать лет подобного срастания политики и уголовщины становится серьезным препятствием для неизбежного, как он считал, перехода от коммунизма к демократии.⁸⁶ А если вы учтете, что практика «несунства» с предприятий и колхозов растянулась почти на шестьдесят лет, то поймете, почему после распада советской системы уголовщина захлестнула всю страну, приобрела размеры, неслыханные для старушки Европы.

Далее. Было понятно, что жизнь в условиях социализма, тем более долгая, растянувшаяся на несколько поколений «угашает частную собственность и частную инициативу», укрепляет и без того сильную, характерную для русских пассивность, созерцательные настроения. Социализм укрепляет и без того сильные в русском народе распределительные настроения, веру в то, что задача состоит только в том, чтобы «взять» у других собственность и «справедливо распределить». Было очевидно, что в условиях советского строя и без

⁸³ И. А. Ильин. Собр. соч. в 10 т... М., 1993. Том 2. Книга I. С. 16.

⁸⁴ Там же. С. 33.

⁸⁵ И. А. Ильин. Кризис безбожия. Изд-во «Дарь», М., 2005. С. 179

⁸⁶ Там же, с. 35.

того слабое чувство свободы и чувство собственного достоинства «угаснет, ибо в рабстве выросли целые поколения». Было видно, что на самом деле советский человек болен душой, ибо ему внушили, что его безумный, противоестественный строй есть высшее достижение человеческой цивилизации. У него появляется «гордыня собственного безумия и иллюзия преуспевания». Отсюда «трагическое самомнение» советского человека, его «презрительное недоверие ко всему, что идет не из советской, коммунистической России» (Иван Ильин).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.